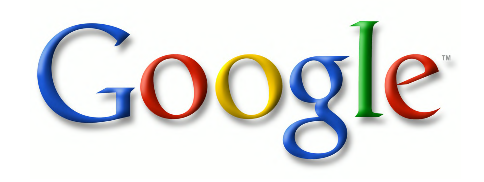


СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА А. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1894

ОГЛАВЛЕНІЕ.

II.

III.

IV.

V.

VI.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Кому, какъ не тебѣ, въ чьемъ сердцѣ счастья трепетъ
Привѣтствовалъ въ тиши мой первый дѣтскій лепетъ,
Чей взоръ недремлющій мерцалъ во тьмѣ ночей
Надъ колыбелію безпомощной моей;
Кому, какъ не тебѣ, съ любовью и тревогой
Слѣдившей, какъ я брелъ тяжелою дорогой
Къ далекой пристани—дерзну принесть я въ даръ
И отроческихъ грезъ волшебный, чудный жаръ,
И праздной юности постыдное безумье,
И призраки, и сны, что унеслися въ даль,
Оставивъ по себѣ лишь скуку и печаль;
И черствой зрѣлости безстрастное раздумье;
И счастья поздняго осенній, тихій свѣтъ?
Я знаю: каждый стихъ, нескладный иль прекрасный,
Веселый, иль больной, задумчивый, иль страстный
Въ душѣ твоей найдетъ участье и привѣтъ;
Равнó освѣтитъ ихъ любовь твоя святая;
Возьми-жъ—возьми ихъ всѣ!.... ты всѣ поймешь, родная!

I

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ СТѢНАХЪ.

Комнатка тѣсная, тихая, милая;
Тѣнь непроглядная, тѣнь безотвѣтная;
Дума глубокая, пѣсня унылая;
Въ бьющемся сердцѣ надежда завѣтная;

Тайный полетъ за мгновеньемъ мгновенія;
Взоръ неподвижный на счастье далекое;
Много сомнѣнія, много терпѣнія...
Вотъ она, ночь моя — ночь одинокая!

НАДЪ ОЗЕРОМЪ.

Мѣсяцъ задумчивый, звѣзды далекія
Съ темнаго неба водами любуются;
Молча смотрю я на воды глубокія —
Тайны волшебныя сердцемъ въ нихъ чуются.

Плещутъ, таятся ласкательно-нѣжныя:
Много въ ихъ ропотѣ силы чарующей,
Слышатся думы и страсти безбрежныя,
Голосъ невѣдомый, душу волнующій.

Нѣжитъ, пугаетъ, наводитъ сомнѣніе:
Слушать велитъ ли онъ? — съ мѣста-бъ не двинулся!
Гонитъ ли прочь? — убѣжалъ бы въ смятеніи!
Въ глубь ли зоветъ? — безъ оглядки бы кинулся!

---

* * *

Меня ты въ толпѣ не узнала —
Твой взглядъ не сказалъ ничего;
Но чудно и страшно мнѣ стало,
Когда уловилъ я его.

То было одно лишь мгновенье —
Но, вѣрь мнѣ, я въ немъ перенесъ
Всей прошлой любви наслажденье,
Всю горечь забвенья и слезъ!

ПОЭТУ.

Твой ласковый напѣвъ, какъ вешнее дыханье,
Повѣялъ въ душу мнѣ полуденнымъ тепломъ;
Въ немъ сердца внятно мнѣ живое трепетанье,
Въ немъ счастія звучитъ знакомое призванье;
Минувшей юности привѣтъ я слышу въ немъ.
Мнѣ чудится весна и тихій, робкій лепетъ
Въ зеленыхъ берегахъ текущаго ручья,
И роща надъ водой, и листьевъ страстный трепетъ,
И ночь прозрачная, и пѣсня соловья.
Мнѣ чудится любви нѣмое ожиданье
Мнѣ снится въ сладостно-волшебномъ полуснѣ
Желанный встрѣчи мигъ, и первое лобзанье,
На ложѣ вешнихъ травъ, во тьмѣ и тишинѣ.
Внимая твой напѣвъ, съ отрадою глубокой
Я воскрешаю сонъ весны моей далекой
И сердцу своему опять повѣрить радъ...

Но сонъ тотъ мчится прочь, сверкнувъ во тьмѣ улыбкой,
И я прощаюся съ мгновенною ошибкой,
Вновь одиночествомъ и холодомъ объятъ.
Я знаю, не прерветъ безстрастнаго раздумья
Ни лепетъ въ тишинѣ бѣгущаго ручья,
Ни радостный порывъ счастливаго безумья,
Ни поцѣлуй любви, ни пѣсня соловья!

---

* * *

Созналъ я нищету мгновенныхъ наслажденій,
Крылатой юности я осмѣялъ обманъ;
Иныхъ, глубокихъ думъ и грозныхъ вдохновеній
Зоветъ меня къ себѣ безбрежный океанъ!

Въ немъ счастье полное, иль гибель безъ возврата!
Могучъ его покой и страшенъ темный гнѣвъ;
Но радостно душа, надеждою объята,
Внимаетъ дальнихъ волнъ таинственный напѣвъ.

Сверкаютъ волны тѣ и плещутъ на просторѣ,
Играя жизнію, какъ утлою ладьей...
Мнѣ любо выходить въ невѣдомое море
Съ отважно поднятой и гордой головой.

Челнокъ отъ берега несется, мнѣ послушно,
И, зорко глядя вдаль, въ туманъ грядущихъ дней,
Съ рукою на рулѣ, внимаю равнодушно
Навѣтамъ робости и жалобамъ друзей!

---

*
* *

Межъ тѣмъ какъ вкругъ тельца златого,
Безумна, алчна и слѣпа,
Въ забвеньи божескаго слова
Пируетъ шумная толпа,—

На праздникъ суетный и дикій
Гляжу безмолвно я сквозь слезъ,
И жду, чтобъ вновь пророкъ великій
Скрижали истины принесъ;

Чтобы сверкнулъ онъ гнѣвнымъ взоромъ,
Какъ грозной молніи лучомъ,
Чтобъ надъ ликующимъ позоромъ
Съ Синая грянулъ древній громъ!

Но громъ молчитъ; забытый міромъ
Почившій Богъ ужъ не грозитъ,
И въ опьяненьи предъ кумиромъ
Толпа и пляшетъ, и шумитъ;

Ростетъ и блещетъ пиръ безумный,
Ему нѣтъ мѣры и конца,
Какъ волнъ морскихъ потѣхѣ шумной
Вкругъ лодки сираго пловца!

---

* *

Бушуетъ буря, ночь темна.
Внимаю вѣтра завыванья.
Онъ, какъ бродяга, у окна
Стучитъ и проситъ подаянья.

Отдамъ ему свою печаль,
Печаль, что въ сердцѣ тайно тлѣетъ —
Пусть въ полѣ онъ ее развѣетъ
И унесетъ съ собою въ даль!

---

* * *

Какая ночь! Рѣдѣютъ облака,
То здѣсь, то тамъ звѣзда блеснетъ умильно
И скроется... Тиха и глубока
Нисходитъ тѣнь. Луга росой обильной
Обрызганы, и теплый ароматъ
Стоитъ въ недвижномъ воздухѣ. Бывало,
Въ такія ночи сердце трепетало,
Струился въ грудь волшебной страсти ядъ,
И притаясь, исполненный смятенья,
Во тьмѣ я ждалъ внезапнаго видѣнья.
Теперь не то—любуясь красотой,
По сторонамъ безстрастно взоръ блуждаетъ,
И счастливъ онъ окрестной пустотой,
И ничего отъ тьмы не ожидаетъ.
Безлюдье, тишь, спокойствіе и лѣнь;
Таинственный полетъ полночной птицы,
Вдали сквозь тучъ безгромныя зарницы,
Въ природѣ и въ душѣ—ночная тѣнь!

ВЪ ДОРОГѢ.

Полдень знойный, путь песчаный,
Пустыри и мгла кругомъ.
Спитъ ямщикъ на козлахъ, пьяный,
Тройка тащится шажкомъ.
Колокольчикъ какъ-то вяло
Звякнетъ разъ и замолчитъ...
Нѣтъ, не будетъ, что бывало!
Не пробудится, что спитъ!
Мнѣ домой скучна дорога;
Жарко солнце, пыль столбомъ...
Въ сердцѣ-жъ горя много, много,
О погибшемъ, о быломъ!...

---

* * *

Обнимало душу вдохновенье,
Въ сердцѣ страсти пробуждалась сила,
Словно туча въ полдень заходила,
Словно громъ катился въ отдаленьи.

Я съ подъятой гордо головою
Бури ждалъ, открывъ ей грудь на встрѣчу,—
Молъ, приди помѣриться со мною;
На твой вызовъ смѣло я отвѣчу!

Отчего-жъ ты обманула, буря—
Обернулась въ сѣрое ненастье?
И стою я, голову понуря,
О мелькнувшемъ поминая счастьи.

Что ты, вѣтеръ, плачешь и гуляешь,
Словно пьяный въ Божье воскресенье?
Не по мнѣ-ль поминки ты справляешь,
Не мое-ль хоронишь вдохновенье?

---

* * *

Мнѣ часто говорятъ: свобода не обманъ
И не напрасно къ ней людскихъ сердецъ стремленье;
Взгляни — на Западѣ, въ предѣлахъ чуждыхъ странъ,
Ея уже не разъ свершалось воплощенье.

Нѣтъ, други—нѣтъ и нѣтъ! То лести звукъ пустой,
То праздныхъ словъ игра, то призракъ лишь свободы!
Обманутые имъ волнуются народы,
Метутся вкругъ него съ надеждой и тоской —

И что же? Каждый разъ, когда тотъ призракъ ложный—
Цѣль яростной борьбы — дается въ руки имъ,
«Обманъ и суета!» вновь шепчетъ духъ тревожный
И устремляетъ вновь ихъ къ призракамъ инымъ!

Бѣгутъ — и нѣтъ конца погонѣ той мятежной!
Проходятъ смутные дни, годы и вѣка,
Разсвѣта не видать, стремленье безнадежно,
Заманчивая цѣль все также далека!

И сердце отрицать ее уже готово...
Къ ней путь давно заглохъ и терніемъ поросъ,
Божественной Любви давно забыто слово:
«Свобода — въ истинѣ; а истина — Христосъ!»

---

* * *

Одинъ звукъ имени ничтожной —
И снова въ памяти моей
Болѣзнью жгучей и тревожной
Воскресла страсть минувшихъ дней.

Кругомъ блистаетъ праздникъ шумный,
Гудитъ толпа; но, самъ не свой,
Въ порывѣ горести безумной,
Зову я призракъ роковой.

Слова кидаю на удачу,
На грудь склоняется чело
И, отвратясь, тихонько плачу
О томъ, что было и прошло.

---

*

* * *

Случайно встрѣтились съ тобой мы на мгновенье
И вновь разсталися, быть можетъ, навсегда;
Твой образъ предо мной мелькнулъ, какъ сновидѣнье,
Мнѣ душу озарилъ и скрылся безъ слѣда.
Въ короткій этотъ мигъ я вспомнилъ, какъ, бывало,
Душа къ тебѣ влеклась, тоскуя и любя;
И, вспомнивъ, я взглянулъ... ты измѣнилась мало,
Мое минувшее въ глазахъ твоихъ мерцало;
Но, встрѣтясь съ нимъ теперь, я не узналъ... себя!
Я ждалъ — но прежнее волненье не проснулось;
Я на тебя смотрѣлъ, я слушалъ голосъ твой —
Ничто, ничто въ душѣ моей не шевельнулось,
И прочь я отошелъ веселый и чужой!
Лишь послѣ въ тьмѣ ночной какой-то гость незванный
Пришелъ и мнѣ въ глаза глядѣлъ изъ темноты,
И явственно въ тиши я слышалъ голосъ странный:
«Сегодня съ юностью на вѣкъ разстался ты!»

---

*
* *

Если сердцу молодому
Дольній міръ и чуждъ, и тѣсенъ,
Путь къ предѣлу есть иному
По волнамъ свободныхъ пѣсенъ.

Отъ унынья, думъ и горя
Унесутъ онѣ, играя,
Въ ширь невѣдомаго моря,
Въ даль таинственнаго края,

Гдѣ гремятъ иныя бури,
Гдѣ иное солнце свѣтитъ,
Гдѣ любовь лучомъ съ лазури
Сердцу каждому отвѣтитъ!

ПЕРВЫЙ ГРОМЪ.

Я услыхалъ сегодня первый громъ —
Онъ въ полдень прогремѣлъ изъ тучки малой,
А черезъ часъ цвѣтокъ гвоздики алой
Ужъ распустился въ цвѣтникѣ моемъ
И весело кивалъ мнѣ головою,
Обрызганный весь влагой дождевою.
Я вышелъ въ садъ — шумя со всѣхъ сторонъ,
По воздуху махая, какъ руками,
Пахучими и мокрыми вѣтвями,
Безъ умолку болталъ о чемъ-то онъ;
Его перекричать старались птицы,
Свисталъ скворецъ и громко зябликъ пѣлъ;
И вдругъ опять, какъ поѣздъ колесницы,
Далекій громъ въ природѣ прогремѣлъ.
И — Богъ вѣсть почему — я вспомнилъ живо
Дни юности и первую любовь;
Какъ туча въ полдень, быстро и гнѣвливо
Она прошла и не вернется вновь;

Но изрѣдка, въ часы воспоминанья,
Мнѣ чудятся волшебныя мерцанья
И слышу я, тревогою объятъ,
Въ нѣмой дали таинственный раскатъ.

---

* * *

Зачѣмъ кипитъ въ груди негодованье,
Зачѣмъ глаза горючихъ слезъ полны,
Когда уста на мертвое молчанье,
Когда мечты на смерть обречены?

Зачѣмъ въ крови струится жизни сила,
Когда во-вѣкъ ей не стяжать побѣдъ?
Зачѣмъ ладья, когда къ ней нѣтъ вѣтрила?
Зачѣмъ вопросъ, когда отвѣта нѣтъ?

———

* * *

Я былъ одинъ — межъ мной и небесами
Лишь ночи тѣнь струилась въ тишинѣ.
Волшебный сонъ, навѣянный звѣздами
Меня объялъ — и ты приснилась мнѣ.

Я помнилъ все: послѣдній мигъ разлуки,
Когда, вздохнувъ, на-вѣкъ умолкла ты;
Печали дни, и дни холодной скуки,
И рядъ годовъ душевной пустоты.

Но, какъ къ живой, исполнившись веселья,
Къ тебѣ душой стремился я опять.
Казалось мнѣ,— на праздникъ новоселья
Въ предѣлъ иной меня пришла ты звать.

Мгновенный сонъ! — открытыми очами
Уже искалъ тебя я въ вышинѣ —
И не нашелъ... межъ мной и небесами
Лишь ночи тѣнь струилась въ тишинѣ.

---

* * *

Прошумѣли весеннія воды,
Загремѣли веселыя грозы,
Въ одѣяньяхъ воскресшей природы
Расцвѣли гіацинты и розы.

Пронеслись отъ далекихъ поморій
Перелетныя пѣвчія птицы;
Въ небесахъ свѣтлоокія зори
Во всю ночь не смыкаютъ зеницы.

Но и въ блѣдной тиши ихъ сіяній
Внятенъ жизни таинственный лепетъ,
Внятны звуки незримыхъ лобзаній
И любви торжествующей трепетъ.

Пробудись же въ сердцахъ умиленье,
Разступись мракъ печали угрюмый;
Прочь гнетущее душу сомнѣнье,
Прочь недобрыя, зимнія думы!

Сердце полно живительной вѣры
Въ эти громы побѣдной природы,
Въ эти пѣсни о счастьи безъ мѣры,
Въ эти зори любви и свободы!

---

* * *

Умолкнули села, закатъ догорѣлъ,
Стоялъ я недвижно—стоялъ и глядѣлъ,
  Какъ ночи ложилися тѣни;
Ни рѣчи, ни звука, ни вздоха кругомъ—
Все спало глубокимъ, таинственнымъ сномъ
  Въ объятьяхъ покоя и лѣни.

Все спало... лишь билося сердце въ груди;
Лишь грезы, какъ вешней порой соловьи,
  Мнѣ пѣсню въ тиши напѣвали;
Ту старую пѣсню про чудную даль,
Про дѣву-красу, про любовь и печаль,
  Про сны, что̀ навѣкъ миновали.

Не вѣрилъ я пѣсни поблекшимъ словамъ—
Любви, красотѣ, чудной дали и снамъ;
  Но слухъ мой ласкали тѣ звуки,
Какъ ропотъ холодной, бездушной волны,
Лепечущей ложно среди тишины
  Рѣчь полную страсти и муки.

Тѣмъ звукамъ внималъ я, какъ будто они
Могли воротить мнѣ минувшіе дни—
И въ тьму погружалося око;
Но было все пусто и нѣмо кругомъ,
И счастье былое въ молчаньи ночномъ
Звучало далеко, далеко!

---

*
* *

Глазъ безсонныхъ не смыкая,
Я внималъ, какъ сердце ныло,
Какъ всю ночь, не умолкая,
Вьюги стонъ звучалъ уныло;
Какъ съ тревогою участья
Ночь въ окно ко мнѣ стучалась,
Какъ душа съ обманомъ счастья
И боролась, и прощалась...

ДОЖДЬ ИДЕТЪ.

Подъ окномъ, въ нѣмомъ безстрастьѣ,
Я стою—тоска гнететъ...
На дворѣ съ утра ненастье,
Вѣтеръ воетъ, дождь идетъ.

Отъ унынья, отъ бездѣлья
Въ головѣ встаютъ мечты,
Счастья хочется, веселья,
Беззаботной суеты.

Вкругъ себя созвалъ бы шумный
Молодой кружокъ друзей,
Чтобы справить пиръ безумный,
Праздникъ юныхъ, свѣтлыхъ дней.

И при громѣ игръ и пляски
Въ жизни, можетъ быть, хоть разъ
Бредъ волшебной, чудной сказки
Я-бъ извѣдалъ въ этотъ часъ.

Но, какъ хмурое кладбище,
Въ вѣчномъ снѣ могильныхъ плитъ,
Все кругомъ въ нѣмомъ жилищѣ
Зачарованное спитъ.

Не услышитъ, не сбѣжится
Юность въ пестрый хороводъ...
Мракъ, безлюдье—небо тмится,
Вѣтеръ воетъ.... дождь идетъ!

Собрался-бъ я въ путь, чтобъ кони
Унесли меня скорѣй
Отъ назойливой погони
Черныхъ думъ и злыхъ рѣчей.

Унесли-бъ къ предѣламъ юга,
Въ благодатный край, куда
Холодъ, мракъ, печаль да вьюга
Не заходятъ никогда.

Сбросивъ скучный гнетъ покоя,
Насладился-бъ я душой
Въ царствѣ свѣта, въ царствѣ зноя
Солнцемъ, волей и красой.

Но судьбой мнѣ путь заказанъ
Въ тѣ желанные края,
Тайной цѣпью крѣпко связанъ,
Остаюсь недвижимъ я.

И стоитъ кругомъ стѣною
Сумракъ будничныхъ заботъ,
Даль покрыта сѣрой мглою,
Бездорожье... дождь идетъ!

Дождь идетъ—несутся мимо
Тучи сѣрымъ волокномъ,
А за ними вслѣдъ незримо
Часъ за часомъ, день за днемъ...

Гаснетъ духъ, слабѣютъ силы,
Жизнь ненастья холоднѣй...
Ужъ не краше-ль ночь могилы
Этихъ мрака полныхъ дней?...

---

* * *

Счастливый день! Подъ деревенскій кровъ
Вернулся я, бѣглецъ столицы шумной;
Движенье, блескъ и крикъ толпы безумной
Забыто все... Зимы нѣмой покровъ
Безстрастною, недвижной бѣлизною
Со всѣхъ сторонъ мой облегаетъ домъ.
Гляжу въ окно — безлюдье, снѣгъ кругомъ,
Лишь въ домѣ жизнь; но кроткою волною
Течетъ она; ея обычный шумъ
Не заглушитъ ни чувствъ живыхъ волненья,
Ни мимолетныхъ пѣсенъ вдохновенья,
Ни зрѣющихъ въ тиши, завѣтныхъ думъ.
Медлительно, свой мѣрный кругъ свершая,
Плывутъ часы... ложится ночи тѣнь;
И о грядущемъ днѣ не помышляя,
Въ таинственное царство сна вступая,
Я говорю: прости, счастливый день!

---

*
* *

Дай на тебя наглядѣться мнѣ, чудная роза, царица!
Тихую радость мнѣ въ душу вливаетъ твой видъ,
чаровница.
Ты мнѣ мила не въ нарядной красѣ дорогого букета,
Не въ украшеніяхъ бала, не въ риѳмѣ холодной
поэта; —
Здѣсь, — только здѣсь, — въ запустѣньи стариннаго,
хмураго сада,
Въ дикой, зеленой глуши, ты усталому взору отрада.
Здѣсь, вдалекѣ отъ людей, вдалекѣ отъ ихъ дѣлъ и
искусства,
Будишь ты въ сердцѣ какія-то прежнія, свѣжія чувства;
Будишь какой-то давно позабытый восторгъ благо-
датный, —
Отзвукъ исчезнувшей юности, память любви невоз-
вратной!

---

* * *

Обнялъ землю ночи мракъ волшебный,
Одинокъ, подъ гнетомъ утомленья,
Я уснулъ; глубокъ былъ сонъ цѣлебный
И прекрасны были сновидѣнья.

Смолкли жизни темныя угрозы,
Снилось мнѣ... не помню, что мнѣ снилось,
Но въ глазахъ дрожали счастья слезы
И въ груди надежда тихо билась.

Былъ любимъ я—кѣмъ?—не угадаю;
Но мнѣ внятенъ былъ тотъ голосъ юный;
Я любилъ—кого любилъ?—не знаю;
Но призывно пѣли сердца струны,

И отвѣтно въ душу чьи-то очи
Мнѣ смотрѣли съ пристальною лаской,
Словно съ неба звѣзды южной ночи,
Въ тьмѣ мерцая неземною сказкой.

Безтѣлесно было то видѣнье,
Повторить не могъ бы я тѣ звуки,
Но когда настало пробужденье,
Сердце сжалось—полное разлуки!

———

* * *

День отошелъ. Беззвучной ночи тьма
Воздвиглась вкругъ незыблемой стѣною,
Но, полнъ еще заботою дневною,
Не смолкнулъ бредъ усталаго ума.

О, замолчи!.. Дай власть мечтѣ ночной!...
Пусть развернетъ шатеръ свой златотканной,
Пусть зазвучитъ въ тиши благоуханной
Напѣвомъ струнъ на арфѣ неземной!

Чтобъ долеталъ напѣвъ тотъ до меня,
Чтобъ грезы мнѣ глядѣли прямо въ очи,
Чтобъ, внемля имъ, въ объятьяхъ этой ночи
Я отдохнулъ отъ суетнаго дня!

---

* * *

Прощальнымъ заревомъ горитъ закатъ багряный
Надъ влажнымъ сумракомъ померкнувщихъ равнинъ,
Окрестность замерла и даль ушла въ туманы,
Ни звуковъ, ни людей, ни жизни — я одинъ!

Одинъ, въ объятіяхъ холодного простора,
Съ душою полною напраснаго огня,
Одинъ, съ тревогою недремлющаго взора
Предъ сонною зарей угаснувшаго дня!

Хотѣлось бы и мнѣ покорно позабыться
Всепримиряющей, вечернею дремой,
Съ побѣдной тишиной молчаньемъ сердца слиться,
Погаснуть въ сумракѣ и мыслью, и душой.

Но знаю, чувствую—въ груди, ни на одно мгновенье
Не смолкнетъ страстный хоръ душевныхъ голосовъ,
Не стихнетъ волнъ живыхъ мятежное теченье
Средь зачарованныхъ, недвижныхъ береговъ.

Но долго будетъ мысль, сквозь сумракъ бездыханный,
Всю ночь отъ вечера до новаго утра
Мерцать, какъ огонекъ таинственный и странный
Надъ пепломъ тлѣющимъ пустыннаго костра.

И ничего кругомъ на мысль ту не отвѣтитъ,
И будетъ одинокъ тотъ лучъ въ окрестномъ снѣ,
Звѣзда небесная, быть можетъ, лишь замѣтитъ
И прослезится въ вышинѣ!

II

* * *

Мы шли дорогою. Поля по сторонамъ,
Осеннія поля, печальныя, пустыя,
Дремали въ сумракѣ, и тѣни голубыя
Съ небесъ полуночныхъ слетали тихо къ намъ.
Безмолвствовалъ весь міръ въ отрадѣ чудной ночи,
Лишь неба звѣзднаго внимательныя очи
Уставились на насъ, какъ будто говоря:
«Покоя часъ настал, угаснула заря,
Умолкъ вседневный шумъ, утихнули тревоги;
Сверните, странники усталые, съ дороги;
Природу мирную объемлетъ мирный сонъ,—
Пусть въ мракѣ и ночи и васъ обниметъ онъ!»
Но мы не слушали, что звѣзды намъ шептали;
Въ насъ страсти дикія побѣдно бушевали,
И въ злобный, шумный міръ, на праздникъ суеты,
Неслись мятежныя, безумныя мечты!
Намъ слышался вдали зловѣщій шумъ сраженья
И кликовъ яростныхъ, и стоновъ грозный хоръ,

Немолчный громъ и трескъ орудій разрушенья,
Мечей бряцаніе и пушекъ разговоръ.
Какихъ-то тяжкихъ волнъ къ намъ плески доносились —
То кровь людей текла широкою рѣкой...
Туда, на этотъ плескъ и стоны мы стремились,
Насъ прелестью убійствъ дразнилъ далекій бой!
Хотѣлось драться намъ—и мы кричали смѣло:
«Въ отмщеніе небесъ поруганныхъ — впередъ!»
А небо ясное безоблачно синѣло;
Въ немъ заводился звѣздъ обычный хороводъ.
И ночь тиха была, и мѣсяцъ, безпристрастно
На праведныхъ и злыхъ взирая съ высоты,—
«Не полно-ль убивать другъ друга вамъ напрасно?»
Шепталъ съ улыбкою добра и красоты.

1-е ЯНВАРЯ 1877 г.

За годомъ мчится годъ въ погонѣ за добромъ,
Богатствомъ, славою и призракомъ свободы.
Мольбы, стенанія, проклятья, смѣхъ и громъ
Отвсюду слышатся; волнуются народы;
Дружатся, ссорятся — конца ихъ распрямъ нѣтъ!
И, внемля издали раскатамъ вѣчной битвы,
Усталъ я повторять усердныя молитвы
Въ надеждѣ праведныхъ побѣдъ.
Мечты заносчивой отяжелѣли крылья,
Угасъ ненужный пылъ тревожныхъ, юныхъ думъ;
Поникла голова въ сознаніи безсилья,
И мудрость ветхая оледенила умъ.
Покорность, какъ змѣя, скользнула въ грудь украдкой.
«Не все-ль тебѣ равно?» она шепнула мнѣ.
«Не слушай жизни стонъ, предайся нѣгѣ сладкой
«Въ уединенной тишинѣ.
«Цѣпей достоинъ рабъ, сумы достоинъ нищій,
«Достойны мертвецы имъ вырытыхъ могилъ,

«Чего-бъ кто ни искалъ — свободы, славы, пищи —
«Виновенъ, кто побитъ, и правъ, кто побѣдилъ.
«Единый въ мірѣ царь; ему названье—сила.
«Колѣни преклони предъ грознымъ тѣмъ царемъ,
«И удались отъ зла, чтобъ тьма тебя покрыла,
«Забудься долгимъ, сладкимъ сномъ.
«Быть можетъ въ этомъ снѣ слетятъ къ тебѣ видѣнья,
«Въ сіяньи дѣвственныхъ и радужныхъ одеждъ,
«Опять въ душѣ твоей проснутся вдохновенья,
«Какъ въ годы юности, довѣрья и надеждъ.
«И будешь грезить ты, охваченный борьбою,
«Въ огнѣ, средь мертвыхъ тѣлъ, растоптанныхъ въ крови,
«При громкихъ стонахъ жертвъ, при смѣхѣ надъ тобою,
«О правдѣ, мірѣ и любви!»

ШЕСТВІЕ ВОЙНЫ.

Она идетъ съ нахмуреннымъ челомъ,
Съ сверкающимъ, налитымъ кровью взоромъ,
Съ высоко поднятымъ въ рукѣ мечемъ,
Съ безсмысленнымъ кровавымъ приговоромъ.
И въ страшный часъ затишья предъ грозой,
Когда въ сердцахъ рождаются молитвы,
Когда еще надъ трепетной землей
Не грянулъ громъ надвинувшейся битвы,
Какъ въ ѻны дни зачинщикъ-великанъ,
Она кричитъ, оружьемъ потрясая:
«Что взяли вы, мечтатели всѣхъ странъ,
«Вы, предвозвѣстники земного рая?
«Вы, свѣтлыхъ грёзъ безумные творцы,
«Откинувшіе бранныя одежды,
«Любви и братства жалкіе пѣвцы—
«Что взяли вы? гдѣ ваши всѣ надежды?
«Я поднялась — и вотъ опять кругомъ
«Угрозы, брань и клики раздаются;

«Мгновеніе — и грянетъ битвы громъ,
«И рѣки крови по землѣ прольются».
Она идетъ — и смерть за ней вослѣдъ,
Безглазая и жадная несется,
Приплясываетъ съ радости, смѣется
И хищниковъ сзываетъ на обѣдъ.
И стаями отвсюду мчатся враны,
Не внемля миру свѣтлому весны.
Въ далекій путь, на полдень, за Балканы,
На жирный пиръ и празднество войны.

МОЛЬБА.

Убійства жаждой не объятый,
Я бранныхъ пѣсенъ не пою,
И душу мирную мою
Не тѣшатъ ярыхъ битвъ раскаты.
Я нѣмъ и глухъ къ громамъ войны.
Но вопли жертвъ мой слухъ терзаютъ;
Они побѣдно заглушаютъ
Веселье, шумъ и плескъ весны!
Несутся прочь мечты, желанья,
Блѣднѣетъ образъ красоты,
И я рыдаю пѣснь страданья
Окровавленной нищёты!
Мнѣ чудятся проклятья, стоны,
Зубовный скрежетъ, смерти дрожь...
Богачъ!—давай свои мильоны!
Бѣднякъ!—неси послѣдній грошъ!
А нѣтъ гроша?—хватай рубаху,
Одежды дѣтокъ и жены;

Все, все, что есть, кидай на плаху
Всепожирающей войны!
Не содрогаясь передъ кровью,
Омой ты раны на тѣлахъ
Бойцовъ, поверженныхъ во прахъ
И поднятыхъ твоей любовью,
И счастливъ будь, когда хоть разъ
Страдалецъ—жертва злобы дикой—
Тебя въ душѣ своей великой
Благословитъ въ послѣдній часъ!

ОРЛЫ.

Ихъ горсть—и вотъ вэметаетъ Сулейманъ
Свои на нихъ несмѣтныя дружины.
Призывъ въ борьбѣ подъемлетъ вражій станъ;
Аллахъ, Аллахъ!—и лѣзутъ на вершины.
Они-жъ стоятъ безтрепетнѣй скалы
И гордо ждутъ кровавой, страшной встрѣчи,
Подъ градомъ пуль, и ядеръ, и картечи—
Они стоятъ—балканскіе орлы!
Грохочутъ дни, огнемъ пылаютъ ночи,
Безъ устали борьба кипитъ кругомъ;
Но не сломить врагамъ ихъ дивной мочи,
Не овладѣть грозящимъ ихъ гнѣздомъ!
Взглядъ каждый ихъ, какъ молніи сверканье,
Гласитъ врагамъ: идите—не страшусь!
Предъ ними смерть, и гибель, и стенанье,
Надъ ними—Богъ, а позади—вся Русь!
Вся Русь имъ шлетъ свои благословенья,
Всѣ взоры, слезъ и радости полны,

Полны надеждъ, любви и удивленья,
На подвигъ ихъ святой обращены.
И врагъ бѣжитъ, громами ихъ гонимый,
Они-жъ стоятъ средь ужаса и мглы,
Какъ выси горъ, тверды, непобѣдимы—
Безсмертные балканскіе орлы!

РОДНАЯ.

Покинувъ родину и домъ, она пошла
Туда, куда текли всѣ русскія дружины.
Подъ ветхимъ рубищемъ въ душѣ она несла
Безцѣнный кладъ любви, участья и кручины.
Тяжелъ былъ дальній путь, и зной ее палилъ,
И вѣтеръ дулъ въ лицо, и въ полѣ дождь мочилъ;
Она-жъ все шла, да шла, съ мольбой усердной къ Богу.
И къ подвигамъ нашла желанную дорогу.
Ужъ скрылся позади рубежъ земли родной.
Чу! слышенъ битвы громъ, холмовъ дымятся склоны:
Восторгъ отчаянной и дикой обороны
Съ редутовъ Гривицы и Плевны роковой
На русскіе полки огнемъ и смертью дышетъ;
Но чуткая любовь не грохотъ въ битвѣ слышитъ,
Не ей твердыни брать, не ей смирять враговъ.
Мужичкѣ-странницѣ иные внятны звуки,
Иной съ побоищъ къ ней несется громкій зовъ—
Томящій жажды кликъ и вопли смертной муки.

И вотъ она въ огнѣ: визжитъ надъ ней картечь,
Рои летаютъ пуль, гранаты съ трескомъ рвутся,
Увѣчья, раны, смерть! Но ей ли жизнь беречь?
Кругомъ мольбы и стонъ—и рѣки крови льются!
Страдальцевъ изъ огня, изъ схватки боевой,
Она уноситъ прочь, полна чудесной силы,
И жаждущихъ поитъ студеною водой,
И роетъ мертвецамъ съ молитвою могилы.
Какъ звать ее? Богъ вѣсть, да и не все-ль равно?
Лучъ славы надъ ея не блещетъ головою,
Одно ей прозвище негромкое дано:
Герои русскіе зовутъ ее «родною».

ПЛЕВНА.

I.

Въ ожиданіи.

Какимъ-то медленнымъ огнемъ
Душа усталая томима.
За часомъ часъ и день за днемъ,
Не торопясь, проходятъ мимо.
Ненастье, желтые листы,
Осенней вьюги завыванье,
Въ умѣ недвижныя мечты,
Въ груди немолчное страданье!
Примчится вѣсть издалека,
Кругомъ запахнетъ кровью братской,
И вновь безмолвіе, тоска,
Покой—ужаснѣй муки адской!
И вновь надежды и мечты,
Желанной вѣсти ожиданье,

Осенней вьюги завыванье,
И дождь, и желтые листы!..
Прочь, духъ сомнѣнья ядовитый!
Пусть мракъ сдвигается кругомъ,
Пусть льется дождь на насъ сердитый,
Пусть буря стонетъ—переждемъ!
Не одолѣетъ насъ невзгода.
Стряслась бѣда—снесемъ бѣду!
Сыны великаго народа,
Мы въ нашу вѣруемъ звѣзду.
И проклятъ будь, чей духъ смутится,
Чей въ страхѣ поблѣднѣетъ ликъ,
Кто малодушно усомнится
И дрогнетъ хоть единый мигъ.

II.

Послѣ побѣды.

Побѣда! На душѣ какъ будто легче стало.
Ужъ «завтра» не грозитъ стыдомъ, или бѣдой.
Что-жъ медлимъ сбросить мы печали покрывало,
И въ шумной радости затѣять пиръ горой?

Побѣда! Какъ давно и жадно этой вѣсти
Мы ждали! День насталъ; что-жъ сердце не кипитъ
Ни страстнымъ торжествомъ, ни упоеньемъ мести?
Какая тягота его еще томитъ?

Иль намъ не вѣрится? иль жалко намъ чего-то?
Иль душу возмутилъ борьбы кровавый слѣдъ?
Иль обуяла насъ безвременно дремота?
Иль славы ждемъ иной, иныхъ хотимъ побѣдъ?

Кто скажетъ? Кто рѣшитъ—то мудрость иль безумье?
Грядущее для насъ свѣтло, или темно?
Народа русскаго глубокое раздумье,
Какъ моря тишину, постигнуть мудрено.

---

1 ЯНВАРЯ 1878 ГОДА.

Какъ съ поля воинъ утомленный
При шумѣ бурь и непогодъ,
Отходитъ прочь окровавленный
И кровью сытый старый годъ.
Прощай, старикъ! тебя я встрѣтилъ
Съ неодолимою враждой,
Когда въ глазахъ твоихъ замѣтилъ
Убійства пламень роковой.
Ты шелъ лукаво, осторожно,
Въ рукѣ сжимая злобно мечъ,
Твердя предательски и ложно
О мирѣ сладостную рѣчь.
Никто — и самъ ты ей не вѣрилъ,
Но, старой школы дипломатъ,
Ты съ наслажденьемъ лицемѣрилъ
И лгать безъ умолку былъ радъ.
Притворной нѣжности кручину

Твой долго ликъ изображалъ;
Но часъ насталъ и, снявъ личину,
Ты поднялъ ревъ и звѣремъ сталъ!
И странно — ты мнѣ полюбился
Тогда, косматый, гордый левъ!
Я предъ тобою преклонился,
Я оправдалъ твой лютый гнѣвъ.
Внимая вопль и грохотъ битвы,
Я пламенѣлъ, я замиралъ,
Шепталъ горячія молитвы
И слезы лилъ и воскресалъ.
Все воскресало къ жизни новой,
Тревоги полной и суровой:
Любовь къ отчизнѣ, вѣра, честь,
Сознанье юности могучей,
Самозабвенье страсти жгучей,
Презрѣнье, гордость, злоба, месть,
Все то, что жизнію зовется,
Чѣмъ жизнь волшебна и красна,
Очнулось, ожило... Война
Надъ Русью, какъ гроза, несется,
Гремитъ, сверкаетъ и реветъ,
Объятая огнемъ и тьмою.
Но вотъ, усталый подъ грозою,
Къ концу клонится старый годъ,
Подъ бременемъ побѣдъ и славы
Согбенный — мраченъ и суровъ —

Уходитъ онъ, и слѣдъ кровавый
За нимъ влачится въ даль вѣковъ.
Прощай — и будь, старикъ, спокоенъ:
Безсмертенъ блескъ твоихъ побѣдъ.
Смотри: могучій, юный воинъ
Уже идетъ тебѣ вослѣдъ.
Идетъ онъ откровенно, смѣло
Вооруженъ съ главы до пятъ:
Онъ кончитъ начатое дѣло,
Онъ не попятится назадъ.

ПЛАКАЛЬЩИЦА.

Слѣды побоища поспѣшно
Снѣгами вьюга занесла.
Исчезла кровь, земля бѣла;
Но вьюга плачетъ неутѣшно
И по снѣгу несетъ печаль,
Какъ будто ей убитыхъ жаль.

---

* * *

Средь камней и крестовъ безвременныхъ могилъ,
Средь бранныхъ кликовъ и стенанья,
Сомкни уста, поэтъ—твой часъ не наступилъ,
Смири порывъ негодованья.
Еще полны враждой и мщеніемъ сердца,
Еще глаза убійству рады,
Еще къ стяжанію побѣднаго вѣнца
Обращены умы и взгляды.
Безплодно прозвучатъ твой плачъ и твой укоръ,
И надъ землей, отъ крови пьяной,
Побѣдно заглушатъ твой правый приговоръ,
Проклятья ненависти рьяной.
Такъ пусть же смерть царитъ и громы вкругъ гремятъ,
И спорятъ люди межъ собою...
«Прости имъ, Господи! не вѣдятъ, что творятъ»,
Тверди съ поникшей головою.
Настанетъ день иной—свершится Божій судъ,
И сонмы жертвъ въ терзаньяхъ муки

Предстануть вдругъ очамъ и, дрогнувъ, упадуть
Къ убійству поднятыя руки.
Усталый стихнеть бой среди внезапной тьмы
Сомнѣнья послѣ злаго дѣла,
И люди вопросять: что сотворили мы?
Тогда, поэть, отвѣть имъ смѣло:
Лучемъ сознанія, неумолимъ какъ рокъ,
Ты озари ихъ подвигъ бранный,
Пусть будеть твой напѣвъ, какъ совѣсти упрекъ,
Звучать, немолчный, неустанный;
Ихъ повлеки назадъ къ предѣламъ той земли,
Гдѣ битвы жаркія пылали,
Къ мѣстамъ побоища, въ дома, въ гошпитали,
Гдѣ люди въ мукахъ издыхали.
На груды мертвыхъ тѣлъ, останковъ боевыхъ,
На пепелъ сёлъ толкай ихъ грубо—
«Любуйтесь», восклицай, «дѣяньемъ рукъ своихъ,
«Вы, воевать кому такъ любо!»
И вѣрь, настанеть часъ, и рушится обманъ,
Прозрять людей слѣпыя очи,
Глубокій, вѣковой разсѣется туманъ—
И послѣ долгой, бурной ночи
Земныя племена, всѣ въ рубищахъ войны,
Людской обрызганныя кровью,
Падуть раскаянья и радости полны
Предъ всепрощающей любовью!

РАЗСВѢТЪ.

Конецъ войнѣ—чему-жъ начало?
Что дастъ намъ миръ?—Отъ дѣлъ почивъ,
Опять уснемъ ли, какъ бывало,
Иль пробужденныхъ силъ порывъ
Насъ вдаль умчитъ?.. Въ дали широкой—
Взгляните—яркій свѣтъ востока
Встаетъ, объемля небосклонъ.
Сокройся, мракъ! исчезни, сонъ!
На лаврахъ почивать не время.
Я вѣрю: властенъ и могучъ,
Заблещетъ скоро солнца лучъ.
Побѣды насъ не сломитъ бремя—
На плечи взвалимъ славы гнетъ
И, помолясь усерднѣй Богу,
Опять за дѣло, въ путь-дорогу,
Къ великой цѣли—все впередъ!

III

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА.

Неправда-ль — это ты, желанная, во снѣ
Денницей дальнею порой являлась мнѣ,
Когда, унылъ и сиръ, во тьмѣ холодной ночи,
Усталый, я смежалъ заплаканныя очи,
Съ однимъ желаніемъ — не видѣть ничего?
Та радость свѣтлая, что съ сердца моего
Унынья и тоски снимала гнетъ тяжелый,
Звала меня впередъ съ улыбкою веселой,
И озаряла путь средь бурь и темноты,
Та чудная заря — не правда-ль: это ты?!

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

Я видѣлъ ночь. Она передо мной
Вся въ черномъ шла, прекрасная, живая,
Волшебница съ поникшей головой,
Зарницами, какъ взглядами, сверкая.

Прозраченъ былъ ея воздушный станъ;
Но чуялъ я дыханья знойный трепетъ,
И въ тишинѣ, какъ ласковый обманъ
Незримыхъ устъ, призывный несся лепетъ.

Казалось мнѣ,— желанная зоветъ
Меня съ собой къ любви и наслажденью.
И я все шелъ, все шелъ за ней впередъ,
Объятый весь огнемъ ея и тѣнью!

---

* * *

Есть въ сердцѣ у меня завѣтный уголокъ:
Любовь-волшебница въ немъ мирно пріютилась.
Разъ невидимкою переступивъ порогъ,
Вошла она туда и крѣпко затворилась.

Съ тѣхъ поръ, когда душа полна тревогъ и думъ
И въ праздной ихъ игрѣ сознанье счастья тонетъ,
Когда усталый духъ объемлютъ мракъ и шумъ
И суетная жизнь кругомъ, какъ буря, стонетъ,

Внезапно слышу я ласкающій напѣвъ —
То гостья чудная поетъ мнѣ въ утѣшенье.
И снова счастливъ я, и буря, присмирѣвъ,
Затворницы моей въ тиши внимаетъ пѣнье!

---

* * *

Снилась мнѣ утро лазурное, чистое,
Снилась мнѣ родины ширь необъятная,
Небо румяное, поле росистое,
Свѣжесть и юность моя невозвратная...

Снилось мнѣ, будто иду я дорогою —
Ярче и ярче востокъ разгорается;
Сердце полно предразсвѣтной тревогою,
Сердце отъ счастья любви разрывается.

Рощи и воды младенческимъ лепетомъ
Мнѣ отвѣчаютъ на чувство привѣтное—
Шепчутъ уста съ умиленьемъ и трепетомъ
Имя любимое, имя завѣтное!..

———

* * *

Я прощался—всю жизнь я прощался
Съ тѣмъ, что было всего мнѣ дороже;
Проносилися годы—и что же?
Старый призракъ лишь новымъ смѣнялся!

Не запомнить, не счесть ихъ названья—
Они громко и чудно звучали;
Но безслѣдно потомъ исчезали
Въ непроглядной пучинѣ прощанья!

И усталъ я!.. Ревниво, тревожно
Берегу я послѣднее счастье,
Что блеснуло сквозь мракъ и ненастье,
Можетъ быть, не на мигъ и не ложно.

И я знаю—то счастье съ душою
Крѣпко сковано цѣпью булатной;
Коль уйдетъ, такъ уйдетъ безвозвратно—
Но и жизнь унесетъ за собою!

— —

* * *

Темной ночью буря выла;
Но твой сонъ былъ тихъ и ясенъ
И мечта мнѣ говорила:
Жизнь свѣтла и міръ прекрасенъ.

Темной ночью буря выла;
Но во снѣ ты улыбалась —
И легко на сердцѣ было,
И невольно пѣснь слагалась...

---

* * *

Я помню счастье вешнихъ дней,
Когда красу души твоей
Душой усталой отъ страстей
    Я вдругъ постигъ
И кроткій свѣтъ твоихъ лучей
    Въ меня проникъ.

Всѣ пережитые года
Безумства, горя и стыда
Въ воскресшей радости тогда
    Я позабылъ;
Тебя одну и навсегда
    Я полюбилъ.

Зачѣмъ же робкою душой,
Какъ бы на зло себѣ самой,
Ты сомнѣваешься порой
    Въ моей любви

И смотрятъ на меня съ тоской
    Глаза твои?

Когда плѣнился-бъ я тобой
Въ порывѣ страсти молодой —
Порывъ тотъ бурный и слѣпой
    Среди тревогъ
Суетъ и праздности земной
    Остыть бы могъ;

Но отъ страстей и суеты
Меня взяла съ собою ты
Въ предѣлъ добра и красоты,
    Гдѣ миръ и свѣтъ...
Повѣрь, мой другъ,—съ той высоты
    Возврата нѣтъ!

---

* * *

Покинемъ, милая, шумящій кругъ столицы.
Пора въ родимый край, пора въ лѣсную глушь!
Ты слышишь?—насъ зовутъ на волю изъ темницы
Весны побѣдный шумъ и пѣнье птицъ... Къ чему-жъ

Намъ усмирять души блаженные порывы?
Иль разлюбила ты желтѣющія нивы,
И рощи свѣжія и хмурые лѣса,

Гдѣ, помнишь, мы вдвоемъ задумчиво блуждали
Въ вечерній часъ, когда темнѣютъ небеса,
И молча бродитъ взоръ въ туманѣ спящей дали?

---

* * *

Не дологъ путь... Изъ-подъ снѣговъ
Встаетъ знакомый рядъ строеній,
И кони, чуя близкій кровъ,
Несутся быстрые, какъ тѣни.
А ночь, озарена луной,
Кругомъ царитъ необозримо,
Еще не хочется домой...
Мой другъ, не пронестись ли мимо?..
Люблю въ сіяніи луны
Сугробовъ смутные отливы,
Средь чуткой, снѣжной тишины
Бѣгъ тройки внятно торопливый;
Люблю я шубу распахнуть
И, мчась подъ неба синей бездной,
Наполнить жаждущую грудь
Дыханьемъ зимнимъ ночи звѣздной;

Люблю сквозь зыбкій лунный свѣтъ
Всмотрѣться въ даль недвижнымъ взоромъ,
Мечтой умчавшись къ тѣмъ просторамъ,
Куда пути и слѣда нѣтъ!..

———

НА СОНЪ ГРЯДУЩІЙ.

Темно кругомъ—ни звуковъ, ни движенья,
Надвинулася ночь со всѣхъ сторонъ.
Спи, юный другъ! Волшебныя видѣнья
Пусть озарятъ твой безмятежный сонъ;
Когда же часъ настанетъ пробужденья,
Пусть радостенъ и веселъ будетъ онъ,
Какъ тотъ, когда воскресшая природа
Встрѣчаетъ пѣснью первый лучъ восхода.

Закрой глаза... Средь чуткой тишины
Въ полночный часъ, какъ няня, надъ тобою
Я не усну. Мечты мои полны
Какой-то тихой, сладкою тоскою.
Мнѣ чудится, какъ будто плескъ волны,
Иль дальній ропотъ лѣса... то со мною
Минувшее бесѣдуетъ тайкомъ...
Не слушай насъ—усни глубокимъ сномъ.

Житейскихъ бурь прошла пора—и ровно
Теперь текутъ незримые года.
Пылъ юности мятежной и грѣховной
Угасъ и вновь не вспыхнетъ никогда.
Намъ ярко свѣтитъ солнце, намъ любовно
Жизнь улыбается... лишь иногда
Короткое вдругъ завернетъ ненастье,
Потомъ опять свѣтлѣй проглянетъ счастье.

Гдѣ счастье начинается, тамъ нѣтъ
Предметовъ для разсказа; тамъ беззвучно
Струится жизнь, свой прикрывая слѣдъ
Отъ глазъ чужихъ; внимать ей было-бъ скучно;
Тамъ нѣтъ ни битвъ, ни славы, ни побѣдъ,
Ни бури, съ юной страстью неразлучной;
Тамъ нечего въ грядущемъ ожидать,
Тамъ свѣтлый миръ и Божья благодать!

Но въ тишинѣ порой воспоминанья
Гремятъ вдали, какъ волнъ морскихъ прибой,
И вновь событій давнихъ очертанья
Передъ глазами смутной чередой
Встаютъ изъ той пучины безъ названья,
Куда несется время, за собой
Въ безбрежное, невѣдомое море
Влача людскія радости и горе.

И сладокъ шумъ тѣхъ отдаленныхъ волнъ,
И милы тѣ неясныя видѣнья;
Таинственный полетъ ихъ нѣги полнъ,
Онъ тихія наводитъ размышленья.
У пристани стоитъ спокойно челнъ—
Пловцу не страшны бури и волненья:
Но зорко въ даль онъ смотритъ сквозь туманъ,
А тамъ вдали бушуетъ океанъ...

* * *

Мой другъ, когда во дни разлуки,
Печально голову склоня,
Одна, сквозь слезъ сердечной скуки,
Ты ропщешь и зовешь меня;

Когда въ ночномъ уединеньи
Подъ звѣзднымъ сумракомъ, въ тиши,
Ты внемлешь юное волненье
Неуспокоенной души;

Когда на вздохъ твой затаенный
Украдкой ночь даетъ отвѣтъ
И въ мракѣ призракъ мой влюбленный
Призывно шепчетъ страсти бредъ —

Мечтой свѣтящіяся очи
Ты въ этотъ мракъ не устремляй,
Не вѣрь, не вѣрь обманамъ ночи
И на призывъ не отвѣчай!

Знай: эта ночь, и звѣздъ мерцанье,
И бредъ, и призраки въ потьмахъ,
И страсти знойное дыханье —
Все это тлѣнъ, все это прахъ!

Тебѣ не давъ и тѣни счастья,
Они мгновенно-яркимъ сномъ
Пройдутъ, умрутъ — и безъ участья
О нихъ вспомянешь ты потомъ.

Когда въ живыхъ меня не будетъ,
А дума вѣрная твоя
И въ той разлукѣ не забудетъ
Ни дней минувшихъ, ни меня;

Когда печалью и борьбою
Искупишь ты обманъ страстей,
И жизнь раскроетъ предъ тобою
Всю глубину тщеты своей;

Когда душѣ не станетъ мочи
Ввѣряться новымъ, лживымъ снамъ —
Къ тебѣ придутъ иныя ночи,
И ты вздохнешь къ инымъ звѣздамъ.

На вздохъ тоски той одинокой,
Средь безразсвѣтной темноты,
Въ ночи холодной и глубокой
Призывъ мой вновь услышишь ты.

Тогда... тогда лишь безъ сомнѣнья
Повѣрь ему и отзовись:
Ни лжи, ни лести, ни забвенья,
Ни самой смерти не страшись.

Что смерть! Изъ мрака дольней бездны
Возьметъ безтрепетно тебя
И унесетъ въ чертогъ надзвѣздный
Любовь безсмертная моя!

---

* * *

Давно-ль, мой другъ, твой взоръ печальный
Я въ разставанья смутный мигъ
Ловилъ, чтобъ лучъ его прощальный
Надолго въ душу мнѣ проникъ!

Давно-ль, блуждая одиноко
Въ толпѣ тѣснящей и чужой,
Къ тебѣ — желанной и далекой —
Я мчался грустною мечтой?

Желанья гасли, сердце ныло,
Стояло время, умъ молчалъ...
Давно-ль затишье это было?
Но вихрь свиданья набѣжалъ!

Мы вмѣстѣ вновь — и дни несутся,
Какъ въ морѣ волнъ летучій строй,
И мысль кипитъ, и пѣсни льются
Изъ сердца, полнаго тобой!

---

* * *

Не смолкай, говори... Въ ласкѣ рѣчи твоей,
Въ беззавѣтномъ весельи свиданья,
Принесла мнѣ съ собою ты свѣжесть полей
И цвѣтовъ благовонныхъ лобзанья.

Я внимаю тебѣ — и цѣлебный обманъ
Сердце властной мечтою объемлетъ,
Мнѣ мерещится ночь... въ лунномъ блескѣ туманъ
Надъ сверкающимъ озеромъ дремлетъ.

Ни движенья, ни звука вокругъ, ни души!
Безпредметная даль предъ очами,
Мы съ тобою вдвоемъ въ полутьмѣ и тиши,
Подъ лазурью, луной и звѣздами.

Только воды дрожатъ, только дышутъ цвѣты,
Да туманится воздухъ росистый,
И горя сквозь туманъ, какъ звѣзда съ высоты,
Въ душу свѣтитъ мнѣ взглядъ твой лучистый.

Въ безпредѣльномъ молчаньи тѣней и лучей
Шепчешь ты про любовь и участье...
Не смолкай, говори... Въ ласкѣ рѣчи твоей
Мнѣ звучитъ безпредѣльное счастье!

---

* * *

Чудное утро... какъ зелень ярка!
Травы сверкаютъ алмазной росою;
Долго томившая сердце тоска
Молча скатилась послѣдней слезою.

Страсти утихли, сознанье свѣтло;
Міръ озарился безпечной улыбкой,
Все, что грозитъ впереди, иль прошло,
Кажется призракомъ, сномъ иль ошибкой.

Только не сонъ эта ранняя тишь,
Свѣжая зелень, роса луговая,
Небо, да солнце... да ты, дорогая,
Что, словно утро, въ глаза мнѣ глядишь!

---

* * *

Опять прощальною тоскою ноетъ грудь,
Опять зловѣщая надвинулась разлука,
Опять мнѣ предстоитъ унылый, дальній путь
И одиночество холодное, и скука!

Но, другъ мой, на судьбу не смѣю я роптать—
Пусть, черствая, она не вѣдаетъ участья,
Пусть скупо радости даритъ—себѣ, какъ тать,
Я все же у нея похитилъ долю счастья.

Я позабылъ весь міръ—была со мною ты!
Я не считалъ часовъ блаженнаго свиданья,
Я сердцемъ отдохнулъ отъ горькаго скитанья,
Отъ чуждыхъ голосовъ, отъ людной суеты.

Какія-то мечты, какой-то трепетъ юный
Повѣяли въ душѣ дыханьемъ вешнихъ дней...
И арфъ эоловыхъ таинственныя струны,
Давно недвижныя, вновь задрожали въ ней...

И долго, можетъ быть, не смолкнутъ эти звуки,
Какъ шелестъ вѣтерка, какъ тихій плескъ волны,
И сладко будетъ мнѣ подъ сумракомъ разлуки
Въ нихъ чуять твой привѣтъ съ родимой стороны!

НА ЧУЖБИНѢ.

Скажи мнѣ, милый другъ, зачѣмъ въ тиши ночной,
Когда все спитъ кругомъ, намъ слышится порой
Какой-то внятный зовъ, какой-то голосъ дальній?
Куда, зачѣмъ зоветъ онъ, громкій и печальный,
Какія будитъ въ насъ завѣтныя мечты?
Знакомъ ли онъ тебѣ, его узнала-ль ты,
Какъ я его узналъ съ счастливою тревогой?
Ты слышишь — то нашъ край, холодный и убогій,
Родимый, милый край, соскучился по насъ;
То вѣтеръ загудѣлъ, разлукой утомясь;
То рѣки разлились пустынны и суровы;
То разсердилися дремучія дубровы
И взволновалися... Волшебный, чудный шумъ!
Какъ много онъ живитъ воспоминаній, думъ...
Ужъ не пора ли намъ къ отчизнѣ воротиться,
Ужъ не довольно ли скитаться, суетиться,
Искать въ чужой толпѣ намъ чуждаго добра;
Ужъ не пора-ль домой? — Пора, дружокъ, пора!

---

* * *

Звѣздистый сумракъ, тишина,
Лишь весёлъ плескъ въ нѣмомъ просторѣ,
Венеціанская луна...
Адріатическое море...
По синимъ, медленнымъ волнамъ
Плыву въ задумчивой гондолѣ;
А сердце рвется по-неволѣ
Къ инымъ, далекимъ берегамъ.
Въ волнахъ полуночныхъ тумановъ
Тамъ мѣсяцъ блѣдный изъ-за тучъ
Наводитъ свой холодный лучъ
На сонмы плещущихъ фонтановъ,
На кровли царственныхъ дворцовъ,
На сѣни пышныя садовъ
И въ тѣхъ садахъ, сквозь мракъ ихъ сонный,
На тотъ пріютъ уединенный,
Гдѣ, грусть разлуки затая,
Родное сердце ждетъ меня.

Тамъ нѣтъ дыханья южной ночи,
Нѣтъ страстныхъ звѣздъ, нѣтъ синихъ водъ,
Но тамъ горятъ слезами очи,
Туда любовь меня зоветъ.
И одинокъ, съ тоской во взорѣ
Плыву я... Полночь, тишина...
Венеціанская луна...
Адріатическое море...

. . . .

О, дайте крылья мнѣ скорѣй,
О, дайте мнѣ волшебной силы:
Хочу летѣть на сѣверъ милый
Къ подругѣ плачущей моей!

---

* * *

Я погибалъ во тьмѣ холодной,
Во тьмѣ духовной нищеты,
Когда звѣздою путеводной
Нежданно мнѣ явилась ты.

Дитя — сама того не зная,
Ты новый міръ открыла мнѣ,
И я повѣрилъ, воскресая,
Твоей любви, твоей веснѣ.

Земное счастье предо мною
Твой юный образъ воплотилъ —
И умиленною душою
Я жизни даръ благословилъ.

Прошли года: ты вновь явилась
Въ иной красѣ, въ иныхъ лучахъ;
Иная правда засвѣтилась
Въ твоихъ не дѣтскихъ ужъ глазахъ.

Не блескъ веселья молодого,
Не трепетъ чувствъ и думъ земныхъ —
Сіянье неба голубого
Я увидалъ во взорѣ ихъ.

И вновь тобою вдохновенный
Позналъ я прахъ любви земной,
И въ свѣтлый міръ любви нетлѣнной
Стремлюсь прозрѣвшею душой.

IV

26 МАЯ 1880 ГОДА.

(На открытіе памятника Пушкину).

Въ расцвѣтѣ силъ, ума и вдохновенья,
Съ неконченною пѣснью на устахъ,
Могучій сынъ больного поколѣнья—
Онъ палъ въ борьбѣ, онъ былъ низвергнутъ въ прахъ.
Замкнулися уста, погасли очи,
Горѣвшія въ потьмахъ духовной ночи,
Какъ мысли путеводные огни;
Замолкъ поэтъ—и громъ великой славы,
Какъ праздный шумъ наскучившей забавы,
Въ толпѣ утихъ...
И понеслися дни.
Смѣнялись имена, событья, лица;
То спѣшной, то лѣнивой чередой
Предъ вѣчно изумленною толпой
Ихъ пестрая влеклася вереница.
Прошедшему вершился быстрый суд

Средь похоронъ и празднествъ новоселья;
И рѣдко лишь сквозь шумъ житейскихъ смутъ,
Тревогъ и дѣлъ, потѣхи и бездѣлья
Звукъ имени священнаго порой
Вновь пролеталъ печально надъ отчизной,
То съ робкою, оглядчивой хвалой,
То съ громкою и дерзкой укоризной!

Но свѣтлыхъ думъ и чудныхъ пѣсенъ кладъ,
Безцѣнный кладъ, толпою позабытый,
Въ холодный склепъ минувшаго сокрытый,
Въ немъ не истлѣлъ! Годовъ пронесся рядъ,
Часъ миновалъ урочнаго отлива—
И, какъ на гласъ знакомаго призыва,
Въ обратный бѣгъ, раскаянья полна,
Вновь понеслась народная волна!
Красы, добра и правды идеалы
Блеснули вновь, какъ утра чистый свѣтъ,
И помянулъ народъ—въ борьбѣ усталый,
Заблудшій въ тьмѣ и духомъ обнищалый—
Что у него великій есть поэтъ.
И захотѣлъ онъ вновь передъ собою
Его могучій образъ воскресить,
Почтить пѣвца безсмертнаго хвалою,
Его вознесть высоко надъ толпою
И памятникъ ему соорудить.
Онъ захотѣлъ прозрѣть и обновиться,

Прочь отогнать печальной ночи сны,
Забытымъ кладомъ вновь обогатиться,
Его красѣ нетлѣнной поклониться,
Какъ свѣту возвратившейся весны!

И день насталъ—исполнилось желанье:
Стоитъ предъ нами Пушкинъ, какъ живой!
Вокругъ него народа ликованье
И славное гремитъ именованье
Его, какъ громъ надъ русскою землей!
А онъ стоитъ и смотритъ съ возвышенья
Съ привѣтомъ жизни, съ благостью въ очахъ,
Какъ будто снова полный вдохновенья,
Какъ будто съ пѣсней новой на устахъ.
Онъ смотритъ вдаль—и видитъ предъ собою
Сквозь многихъ дней таинственный туманъ,
Какъ движется пучиною живою
Грядущаго безбрежный океанъ.
И знаетъ онъ, что плещущія воды
Къ его стопамъ покорно притекутъ,
Что всей Руси языки и народы
Ему дань славы вѣчной принесутъ.

ЖУКОВСКОМУ.

Сквозь сумракъ, на зарѣ духовнаго разсвѣта,
Въ дубровѣ дѣвственной поэзіи родной,
Какъ лепетъ вешнихъ птицъ предъ наступленьемъ лѣта,
Какъ первый зовъ любви, какъ нѣжный вздохъ привѣта,
Твоя раздалась пѣснь надъ Русскою землей.

Въ той пѣснѣ образы волшебные витали,
Картины смутныя, какъ сны, являлись въ ней;
Хоть чуждыя порой въ нихъ имена звучали,
Но на устахъ твоихъ они намъ милы стали,
Какъ увлеченія и грезы юныхъ дней.

Тоской задумчивой и сладкою томима,
Душа стремилась въ даль, внимая твой напѣвъ;
Таинственная цѣль, прекрасна, хоть незрима,
Манила русскаго богатыря Вадима
Къ далекимъ подвигамъ, къ чертогу спящихъ дѣвъ!

Но протекли года: исчезъ покровъ туманный,
Нарушилъ богатырь волшебный, долгій сонъ;
Надъ родиной блеснулъ свободы лучъ желанный...
Возрадуйся, пѣвецъ! Твой Ученикъ Вѣнчанный
Внялъ чуткою душей призывный, вѣщій звонъ!

Любовью чистою и вѣрой вдохновенный,
Освобожденія Онъ подвигъ совершилъ
И славою своей безгрѣшной и нетлѣнной,
Какъ блескомъ солнечнымъ, тебя, пѣвецъ смиренный,
Въ безбрежной тьмѣ временъ на вѣки озарилъ.

И любимъ мы тебя двойной любовью нынѣ:
За то, что пѣлъ ты намъ такъ сладко на зарѣ;
За то, что вознесенъ судьбой, но чуждъ гордынѣ,
Направилъ сердце ты къ любви и благостынѣ
Въ Освободителѣ-Царѣ.

А. Н. МАЙКОВУ.

(По присужденіи Пушкинской преміи за драму „Два міра“).

Учитель дорогой! съ сердечною отрадой
Тебя привѣтствую.—Ко мнѣ примчалась вѣсть:
«Два Міра» почтены достойною наградой,
И славный ихъ пѣвецъ пріялъ хвалу и честь!
Когда, поэзіи служитель одинокій,
Въ нашъ вѣкъ неправедный, бездушный и жестокій
Глашатай истины, добра и красоты,
Свое творенье въ даръ принесъ отчизнѣ ты,
Глаголу вѣщему внимая чуткимъ слухомъ,
Я поднялъ голову, я ободрился духомъ,
Я возгордился тѣмъ, что на Руси у насъ,
Средь смуты и вражды, безумья и разврата,
Средь торжествующей хулы на Духа Свята,
Путеводительный свѣтильникъ не угасъ,
И въ сумракѣ, какъ лучъ Божественнаго свѣта,

Вознесся вновь въ рукѣ избранника поэта!
Тотъ светочъ въ оны дни держалъ иной пѣвецъ —
И нынѣ на тебѣ его почіетъ сила:
Тѣнь Пушкина тебя усыновила
И на главу твою сложила свой вѣнецъ.

А. Н. МАЙКОВУ.

(30 апрѣля 1888 г.).

Какъ солнце горные хребты
Златитъ отъ главъ и до подножій,
Такъ ты, поэтъ,—свѣтильникъ Божій,
Жизнь озаряешь съ высоты.
Твоимъ лучамъ равно доступны
И высь умовъ, и глубь сердецъ.
Глашатай правды неподкупный—
Ты ими властвуешь, пѣвецъ.
Ты будишь правыя надежды,
Караешь лживыя мечты,
Ты облекаешь міръ въ одежды
Нетлѣнной, чистой красоты;
Страстей смиряешь злыя бури,
Сомнѣній гасишь тщетный споръ
И отъ земли въ предѣлъ лазури,
Отъ праха къ небу манишь взоръ.
И вотъ, за даръ твой лучезарный,

За подвигъ многихъ славныхъ лѣтъ,
Ты, днесь, отчизны благодарной
Пріемлешь радостный привѣтъ.
Внимай: на голосъ твой родные
Отвсюду отклики звучатъ,
Сердца, какъ свѣточи живые,
Тобой возженные, горятъ—
Тобой—носителемъ желаннымъ
Святой поэзіи даровъ,
Тобой—преемникомъ избраннымъ
Руси прославленныхъ пѣвцовъ!
О, вѣрно ихъ родныя тѣни
Сюда слетѣлись въ этотъ часъ,
И въ хорѣ дружномъ пѣснопѣній
Звучитъ и ихъ хвалебный гласъ!
Въ пылу признательнаго чувства
Слилися всѣ въ мечтѣ одной,
На свѣтломъ праздникѣ искусства,
Любуясь и гордясь тобой!

М. П. МУСОРГСКОМУ.

Дорогой, невзначай, мы встрѣтились съ тобой;
Остановилися, окликнули другъ друга,
Какъ странники въ ночи, когда бушуетъ вьюга,
Когда весь міръ объятъ и холодомъ и тьмой.
Одинъ предъ нами путь лежалъ въ степи безбрежной,
И вмѣстѣ мы пошли.—Я молодъ былъ тогда;
Ты бодро шелъ впередъ, ужъ гордый и мятежный;
Я робко брелъ во слѣдъ... Промчалися года.
Плоды глубокихъ думъ, завѣтныя созданья
Ты людямъ въ даръ принесъ; хвалу, рукоплесканья
Восторженной толпы съ улыбкою внималъ,
Вѣнчался славою и лавры пожиналъ.
Затерянный въ толпѣ, тобой я любовался;
Далекій для другихъ, ты близокъ мнѣ являлся;
Тебя я не терялъ: я зналъ—настанетъ часъ,

И блескомъ суетнымъ, и шумомъ утомясь,
Вернешься ты ко мнѣ въ мое уединенье,
Чтобы дѣлить со мной мечты и вдохновенье.
Бывало, въ поздній часъ вечерней тишины,
Ко мнѣ слетались видѣнія и сны,
То полные тоски, сомнѣнія и муки,
То свѣтлоокіе, съ улыбкой на устахъ...
Мечтанья изливалъ въ правдивыхъ я строфахъ,
А ты ихъ облекалъ въ таинственные звуки,
Какъ въ ризы чудныя—и спѣтыя тобой,
Они нежданною сверкали красотой!
Бывало... но къ чему будить воспоминанья,
Когда въ душѣ горитъ надежды теплый свѣтъ?
Пусть будетъ пѣснь моя не пѣснею прощанья,
Пусть лучше въ ней звучитъ грядущему привѣтъ.
Туманъ волшебныхъ грезъ, таинственныхъ стремленій
Безумной юности самолюбивый вздоръ
Прогналъ я отъ себя—и новыхъ вдохновеній
Открылся предо мной невѣдомый просторъ.
Безъ солнца тяжело блуждать мнѣ въ мірѣ стало,
Во мракѣ слышался мнѣ смерти лишь языкъ;
Но утро часъ насталъ, и солнце заблистало,
И новой красоты предсталъ мнѣ свѣтлый ликъ.
Душа моя полна счастливаго довѣрья,
Уму сомнѣнья дань сполна я заплатилъ,
Храмъ творчества открытъ и грознаго преддверья
Я, осѣнясь крестомъ, порогъ переступилъ.

Я вѣрю, въ храмѣ омъ мы встрѣтимся съ тобою,
Съ живымъ сочувствіемъ другъ къ другу подойдемъ,
Мы вдохновимся вновь—но красотой иною
И пѣсню новую согласно запоемъ!

—·—

ПАМЯТИ М. П. МУСОРГСКАГО.

(Послѣ представленія „Бориса Годунова“).

Мой другъ, тебя ужъ нѣтъ... ты умеръ—но творенья
Твои нетлѣнныя живутъ—и вотъ опять
Сбѣжалася толпа, чтобъ съ жадностью внимать
Завѣщанныя ей тобою пѣснопѣнья.
На твой посмертный зовъ въ урочный день и часъ
Вновь гости собрались... И занавѣсь взвилась,
И звуки полились торжественно, прекрасно;
Толпа волнуется восторженно и страстно.
Лишь я одинъ молчу, поникнувъ головой,
Молчу—и съ горестью восторгъ толпы внимаю,
И, помня о тебѣ, дрожащею рукой
Невольную слезу украдкой отираю.
Я плачу потому, что все вокругъ меня
Твою, погибшій другъ, побѣду торжествуетъ,
Толпа—сей праведный и грозный судія—
Вѣнчая геній твой, и плещетъ и ликуетъ.

О, гдѣ же ты?—Очнись! Внимай свой приговоръ!
Взгляни вокругъ себя—ужъ твой не встрѣтитъ взоръ
На лицахъ ни вражды, ни зависти, ни смѣха;
Толпа очистилась: въ ней нѣтъ клеветниковъ,
Въ ней нѣтъ хулителей, въ ней даже нѣтъ льстецовъ—
Крикливыхъ спутниковъ случайнаго успѣха.
(Быть можетъ, новому кумиру льстятъ они:
И пляшутъ, и шумятъ предъ нимъ, какъ въ оны дни
Шумѣли предъ тобой!). Твой праздникъ чистъ и ясенъ;
Какъ торжество твое, онъ свѣтелъ и прекрасенъ;
Достоинъ онъ тебя... и нѣтъ тебя на немъ!!...
А я, забывшися, ищу тебя кругомъ...
Толпа зоветъ пѣвцовъ—мнѣ кажется, съ пѣвцами
И ты, какъ нѣкогда, предстанешь вновь предъ нами...
Мнѣ дружбы хочется послать тебѣ привѣтъ;
Но, вспомнивъ, что давно тебя въ живыхъ ужъ нѣтъ,
Отъ шума уношусь я въ даль мечтой унылой,
На тихое твое кладбище прихожу,
И въ множествѣ крестовъ твой крестъ я нахожу,
И плачу надъ твоей безвременной могилой!

А. А. ФЕТУ.

Словно говоръ листвы, словно лепетъ ручья,
Въ душу вѣетъ прохладою пѣсня твоя;
Все внималъ бы, какъ струйки дрожатъ и звучатъ,
Все впивалъ бы цвѣтовъ и листовъ ароматъ,
Все молчалъ бы, поникнувъ, чтобъ долго вокругъ
Только пѣсни блуждалъ торжествующій звукъ,
Чтобъ на ласку его, на призывъ и привѣтъ
Только сердце-бъ томилось и билось въ отвѣтъ...

ВЪ АЛЬБОМЪ Г. П. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Я измѣнилъ служенью музъ—
И ужъ давно мірскою степью,
Съ Парнаса сосланный, влачусь,
Гремя суетъ житейскихъ цѣпью.
Но вы вашъ заповѣдный храмъ
Вдругъ растворили предо мною:
Какой блестящею толпою
Избранниковъ я встрѣченъ тамъ!
Со страхомъ въ сонмъ ихъ величавый
Вхожу, цѣпей своихъ стыдясь,
И посреди любимцевъ славы
Привѣтствую смиренно васъ.

———

ВЪ АЛЬБОМЪ М. И. СЕМЕВСКОМУ.

Мнѣ милъ обычай старины
Писать привѣтствія въ альбомы.
Промчатся годы; стихъ знакомый
Дохнетъ привѣтствіемъ весны;
Сквозь холодъ жизненной истомы
Былое вспыхнетъ яркимъ сномъ,
Воскреснутъ мысли, чувства, рѣчи,
И дней давно минувшихъ встрѣчи
Опять помянутся добромъ.

ПАМЯТИ А. Н. АПУХТИНА.

Еще одинъ поэтъ угасъ,
Еще одна замолкла лира,—
Длань смерти тушитъ въ поздній часъ
Огни оконченнаго пира.
То свѣтлый пиръ былъ, о друзья!
Въ чертогъ, на властный зовъ титана,—
Пѣвца Людмилы и Руслана —
Стеклась избранниковъ семья;
И въ славу творчества родного,
Подъемля къ небу умъ и взоръ,
Восходъ столѣтья молодого
Привѣтствовалъ ихъ дружный хоръ.
Порою и тогда средь пира
Смолкалъ безвременно пѣвецъ
И смерти падала сѣкира;
Но воздѣвалъ его вѣнецъ
Иной избранникъ... Хоръ поющихъ

Въ унынья мрачномъ не смолкалъ...
И умирающій — живущихъ,
Сходя во гробъ, благословлялъ.

Теперь не то: молчатъ чертоги,
Померкли пѣсни и лучи
И въ наплывающей ночи
Развѣнчанные дремлютъ боги.
Въ бреду недужныхъ, смутныхъ сновъ
Усталый вѣкъ къ концу подходитъ
И въ вѣчность за собой уводитъ
Своихъ героевъ и пѣвцовъ.
За колесницей погребальной
Влекусь, вослѣдъ родныхъ тѣней,
Но почему-жъ въ душѣ моей
Не гаснетъ лучъ надежды дальной? —

Не вѣрю я; не можетъ быть,
Чтобъ воцарилась ночь надъ міромъ,
Чтобъ духъ о небѣ могъ забыть,
Склонясь передъ земнымъ кумиромъ!
Не можетъ быть, чтобъ вѣрный слѣдъ
На вѣкъ пропалъ средь бездорожья,
Чтобъ въ тьмѣ житейскихъ золъ и бѣдъ
Погасла въ людяхъ искра Божья!
Очамъ незримая извнѣ,—
Краса въ одеждахъ обветшалыхъ, —

Она таится въ глубинѣ
Сердецъ изношенныхъ, усталыхъ;
Но день придетъ — и Божій зовъ,
Какъ вешній громъ, внезапно грянетъ —
И ветхій ниспадетъ покровъ,
И пламя вспыхнетъ, духъ воспрянетъ...
Тогда въ живыхъ не будетъ насъ;
Но — прошлаго нѣмыя тѣни —
На пиръ воскресшихъ вдохновеній
Слетимся мы въ тотъ свѣтлый часъ.
Холодной полночи невзгоды
Въ дыханьи утреннемъ простимъ
И юной, новой жизни всходы
Въ лучахъ зари благословимъ.

V

СЫНЪ ГАЕРА.

При звукахъ литавръ, барабановъ и струнъ,
Толпу потѣшая, канатный плясунъ
Усердно кривляется—мальчика сына
Сгибаетъ въ дугу, ставитъ внизъ головой,
Бросаетъ и ловитъ могучей рукой, —
А тотъ на плечахъ у отца-исполина,
Свершивъ черезъ сцену опасный полетъ,
Ручонки поднявъ, какъ живое распятье,
Является вдругъ надъ толпою—и вотъ
Толпа рукоплещетъ, шумитъ и реветъ!
Ей тайно въ отвѣтъ посылая проклятья,
Ребенокъ измученный прыгаетъ внизъ.
Но слышится грозное, жадное bis!
Плясунъ улыбается, сыну киваетъ
И страшную вновь съ нимъ игру затѣваетъ —
Его опьянили успѣхъ тотъ и крикъ.
Въ груди его радость и взоръ его дикъ,

Онъ мышцы напрягъ съ небывалою силой:
«Ты птицею взвейся, красавецъ мой милый,
«Не бойся—отецъ твой тебя сохранитъ,
«Какъ ястребъ полетъ твой онъ зорко слѣдитъ.
«Во взорѣ его и любовь, и отвага.
«Правѣе... лѣвѣе... впередъ на полшага!
«Рука протянулась тверда и сильна,
«Безцѣнное бремя удержитъ она!»
Но что-жъ вдругъ случилось? Промчалось мгновенье...
Должно быть, плясунъ, не разсчелъ ты движенье:
Рука твоя въ воздухѣ праздно дрожитъ
А мальчикъ у ногъ раздробленный лежитъ...
И поднялъ отецъ бездыханное тѣло,
Взглянулъ... увидалъ и поникъ головой.
Толпа-жъ разглядѣть и понять не успѣла
И шумное «браво», какъ громъ, прогудѣло,
Привѣтствуя смерти красу и покой! —

———

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

(Les Chatiments. Livre IV).

Живъ только тотъ, кто борется; кто смѣло,
Святую цѣль поставивъ предъ собой,
Стремится къ ней и мыслью и душой;
Чей строгій взоръ всегда открытъ на дѣло;
Кто, полнъ любви и не страшась трудовъ,
Взбирается упрямо на вершину
И съ высоты, подобенъ исполину,
Глядитъ на міръ, задумчивъ и суровъ!..

ТИШИНА.

(Изъ Гёте).

На водахъ покой глубокій,
Безъ движенья море спитъ,
И, заботы полный, кормчій
Въ даль широкую глядитъ.

Ни волненья, ни дыханья —
Гробовая тишина!
Ни одна въ нѣмомъ просторѣ
Не колышется волна.

СТАРИКЪ.

Вы встрѣчались ли дорогою
Съ старцемъ—Божіимъ избранникомъ,
Что всю жизнь съ сумой убогою
По Руси блуждаетъ странникомъ?
Видѣлъ много онъ далекихъ странъ,
Загорѣлъ отъ солнца знойнаго,
Сѣдъ,—что̀ на полѣ сѣдой туманъ,
Вида хмураго, спокойнаго;
Прямъ и крѣпокъ,—что̀ въ лѣсу сосна,
Молчаливъ,—что̀ ночь дремучая;
На морщинистомъ челѣ видна
Вѣра старая, могучая.
Лобъ крутой, волосья рѣдкіе,
Брови тучами надвинуты;
Взгляды, словно стрѣлы мѣткія,
Что могучимъ лукомъ кинуты.

Онъ идетъ,— не озирается,
Твердо знаетъ къ правдѣ путь прямой
И широко разстилается
Предъ нимъ просторъ Руси родной!

ПОДРАЖАНІЕ ИСАІИ.

Меня Господь изъ всѣхъ людей
Избралъ отъ вѣка для спасенья,
И тѣнію руки Своей
Накрылъ отъ злобы и гоненья.

Мои уста Онъ обострилъ,
Какъ грозный мечъ предъ часомъ битвы,
И, какъ стрѣлу, Онъ для ловитвы
Меня въ колчанѣ сохранилъ.

Равнины, горы, рѣки, долы,
Народы, царства и цари!
Внимайте Господа глаголы,
Склоняйте головы свои!

Онъ рекъ: «Я подниму десницу,
И стягъ Свой людямъ покажу;
Я настежъ отворю темницу,
И свой народъ освобожу.

«Мнѣ внятенъ громкій плачъ Сіона,
Израиля печальный зовъ:
«Господь съ небесъ не слышитъ стона,
Онъ позабылъ Своихъ сыновъ!

«Но Я въ отвѣтъ: Когда-жъ то было,
Чтобъ мать покинула дитя?
И если-бъ мать дитя забыла—
Тебя не позабуду Я.

«Твоихъ враговъ въ кровавыхъ сѣчахъ
Я славой ослѣплю твоей,
И вознесутъ они на плечахъ
Твоихъ сыновъ и дочерей.

«Цари покорною толпою
Отъ всѣхъ сбѣгутся странъ земныхъ,
И станутъ плакать предъ тобою,
И прахъ лизать у ногъ твоихъ.

«Ты ихъ раздавишь, грозный мститель,—
Да всякая познаетъ плоть,
Что Я Сіона покровитель,
Что Я Владыка и Господь!»

ЗИМОЙ.

(Изъ письма).

Давно бы мнѣ пора стряхнуть дремоту,
Пора-бъ давно покинуть сельскій кровъ,
Бѣжать стремглавъ на вашъ привѣтный зовъ
И, лѣнь сломивъ, приняться за работу.
Въ былые дни любилъ я жизнь и шумъ
Большихъ столицъ; тамъ я дышалъ бодрѣе,
Тамъ въ головѣ тѣснилось больше думъ,
Тамъ мыслилъ я и чувствовалъ живѣе;
Но съ той поры не мало перемѣнъ
Во мнѣ самомъ и вкругъ меня свершилось,
Уединенье сердцу полюбилось
И легокъ сталъ мнѣ мой далекій плѣнъ.

Да, я въ плѣну! Волшебница зима
Всѣ замела тропинки и дороги,
Воздвигла вкругъ кристальные чертоги

И у воротъ, какъ стражъ, стоитъ сама,
Сердитая, косматая, сѣдая,
Въ алмазахъ вся и въ иглахъ ледяныхъ,
При свѣтѣ дня, богатствомъ ризъ сверкая,
Во тьмѣ ночной волчихой завывая,
Средь шумныхъ бурь и вихрей снѣговыхъ!
Куда бѣжать?—Какъ грозныя дружины
Снѣга вокругъ мой осадили домъ!
Случается—день цѣлый подъ окномъ
Сидишь... глядишь на бѣлыя равнины,
На дальній лѣсъ, на небо... Все мертво;
Окрестность спитъ недвижно, непробудно...
А въ комнаткѣ такъ тихо и такъ чудно,
Что слышишь бьенье сердца своего?
Тогда люблю внимать я шопотъ странный,
Капризный бредъ фантазіи моей;
Блуждать мечтой въ туманѣ прошлыхъ дней,
Иль создавать въ умѣ разсказъ пространный
На старый ладъ—съ героями, съ борьбой,
Съ могучими желаньями, страстями...
Событія и образы толпами,
Какъ облака, несутся предо мной;
Блеснутъ на мигъ и пролетаютъ мимо,
Цѣпляясь другъ за друга, торопясь,
И вдалекѣ скрываются отъ глазъ;
А между тѣмъ за ними вслѣдъ незримо
Бѣгутъ часы... Ужъ меркнетъ краткій день.

Чу, на дворѣ опять мятель завыла,
И ночь, черна, какъ черная могила,
Со всѣхъ сторонъ свою смыкаетъ сѣнь.

Мечты мои—признаюсь откровенно—
Не далеко летятъ искать чудесъ:
Окрестныя поля, сосѣдній лѣсъ,
Убогіе поселки, что смиренно
Торчатъ въ глуши—вотъ тѣсный ихъ предѣлъ.
Вотъ гдѣ свои я провожу досуги—
И сказки создаю подъ стоны вьюги
. . . .

МОЛИТВА.

Она предъ иконой стояла святою;
Скрестилися руки, уста шевелились;
Изъ глазъ ея слезы одна за другою
По блѣднымъ щекамъ жемчугами катились

Она повторяла все чье-то названье,
И взоръ озарялся молитвеннымъ свѣтомъ;
И было такъ много любви и страданья, —
Такъ мало надежды въ моленіи этомъ!

Она преклонилась и долго лежала,
Прильнувъ головою къ землѣ безотвѣтной,
Какъ будто въ томленьи нѣмомъ ожидала,
Что голосъ надъ нею раздастся привѣтный.

Но было все тихо въ молчаніи ночи,
Лампада мерцала во мракѣ тревожномъ,
И скорбно смотрѣли Спасителя очи
На очи, просящія о невозможномъ!

ВЪ КИБИТКѢ.

Одинокъ и теменъ путь мой дальній,
Сумракъ ночи скученъ и глубокъ;
Лишь одинъ невѣрный и печальный
Въ сторонѣ мерцаетъ огонекъ.

Подъѣзжаю ближе: деревушка,
Снѣгомъ вся покрытая, стоитъ;
На краю убогая избушка —
Огонекъ въ избушкѣ той горитъ.

Для чего и кто во мракѣ ночи
При огнѣ томъ не смыкаетъ очи?
Чья живая тѣнь видна въ окнѣ?

Не узнать!.. Промчалась тройка мимо,
Вкругъ опять все пусто, нелюдимо
И опять темно и скучно мнѣ! —

МЯТЕЛЬ.

Мятель поднималась порою ночной
Въ степи, озаренной морозной луной,
И степь задымилась, и степь взволновалась,
И пò вѣтру моремъ гудящимъ помчалась,
Вздымая, какъ гребни косматыхъ валовъ,
Летучіе вихри пустынныхъ снѣговъ.

Хотѣлось снѣгамъ тѣмъ подняться съ земли
До звѣздъ, погруженныхъ въ лазурной дали,
Чтобъ звѣзды, луна и лазурные своды
Страдали страданьемъ земной непогоды,
Чтобъ степи голодной полуночный стонъ
Небесъ возмутилъ очарованный сонъ;

Но миръ былъ глубокъ въ голубой вышинѣ,
И мѣсяцъ дремалъ, улыбаясь во снѣ
Мечтамъ неземнымъ и невѣдомымъ грезамъ,
Не внемля безсильнымъ мольбамъ и угрозамъ;
И ясныя звѣзды мерцали кругомъ,
Надъ страстной мятелью безстрастнымъ вѣнцомъ.

ОРЕЛЪ.

Въ раздумьи гордомъ и нѣмомъ,
Вперивъ въ пространство взоръ глубокій,
Орелъ на камнѣ полевомъ
Сидѣлъ, какъ странникъ одинокій.

Крикливыхъ птицъ враждебный рой
Надъ головой его кружился,
И вихрь, взметая прахъ земной,
Кругомъ испуганно носился.

Но недвижимъ, питомецъ скалъ,
Не внемля суетному шуму,
Орелъ на камнѣ отдыхалъ
И думалъ царственную думу...

Когда-жъ, очнувшись, оглянулъ
Весь этотъ жалкій міръ безсилья,
Затосковавъ, онъ развернулъ
Сѣдыя, медленныя крылья.

И—царь заоблачныхъ высотъ,—
Случайный гость земли печальной,—
Направилъ вольный свой полетъ
За грани тучъ, къ лазури дальной...

Высоко отъ тщеты земной
Вознесся, праху неподвластный,
И, къ дольной жизни безучастный,
Исчезнулъ въ безднѣ голубой.

КОСТЕРЪ.

Сумракъ, холодъ, сонъ глубокій,
    Пустырей нѣмыхъ просторъ;
Гдѣ-то въ полѣ одинокій
    Пламенѣющій костеръ.
Чьи-то тѣни, чьи-то лица,
    Озаренныя огнемъ,
И—какъ черная темница,
    Ночь бездонная кругомъ.
Въ мракѣ лучъ тепла и свѣта,
    Средь пустыни стражъ ночной—
Ты—не образъ ли поэта
    Въ безразсвѣтной тьмѣ земной?

---

* * *

Дня померкнулъ блескъ веселый,
Смолкнулъ лѣсъ и смолкли селы,
Сна не въ силахъ превозмочь;
Молчаливо, безъ привѣта,
Вслѣдъ лучамъ дневного свѣта,
Въ ризу темную одѣта,
Притекла и стала ночь.

Въ небѣ, гдѣ мечты витаютъ,
Очи яркія сверкаютъ—
Маяки земныхъ надеждъ;
А на долы, на дубровы,
Неподвижны и суровы,
Пали длинные покровы
Голубыхъ ея одеждъ.

Тщетно мѣры ищетъ око:
Все и близко, и далеко:

Нѣтъ началъ и нѣтъ границъ!
Въ безднѣ темнаго молчанья
Потонули очертанья;
Ни движенья, ни мерцанья,
Ни зефира, ни зарницъ...

Но дохнули ароматы—
И волшебствомъ ихъ объятый,
Опьяненный грезитъ міръ,
Что слетѣла дѣва рая,
Сладкій сонъ земли лаская,
И поетъ надъ ней, бряцая
На струнахъ небесныхъ лиръ.

СПЯЩІЙ САДЪ.

Есть въ городѣ старинный, темный садъ,
Съ пустымъ дворцомъ, съ недвижными прудами;
Ограждены деревъ густыхъ стѣнами,
Они въ тиши задумчиво молчатъ;
Не бьютъ кругомъ заглохшіе фонтаны,
И хмурятся деревья-великаны...
Имъ памятны тѣ сказочные дни,
Когда, бывало, въ пышной ихъ тѣни,
Горда, свѣтла, прекрасна, какъ денница,
Являлася великая Царица,
Окружена блистательнымъ дворомъ,
И праздники ей въ честь, въ дворцѣ своемъ,
Давалъ «великолѣпный князь Тавриды»...

Тѣ дни прошли. Для черни городской
Тотъ садъ теперь открытъ. Ея обиды,
Ея разгулъ и пѣсенъ крикъ чужой
Сквозь дивный хоръ волшебныхъ сновидѣній

Внимаютъ нынѣ царственныя тѣни
Старинныхъ рощъ. Къ величію слѣпа,
Къ преданіямъ священнымъ равнодушна,
Страстей своихъ призывамъ лишь послушна,
Безчинствуетъ нестройная толпа...
Померкъ Царицы образъ величавый,
Затоптаны слѣды минувшей славы!
Но гордый садъ безстрастенъ и угрюмъ,
Въ сознаніи нетлѣннаго величья,
На пришлый людъ взирая безъ различья,
Таинственныхъ не прерываетъ думъ.
Глубоко спятъ деревья вѣковыя
И грезятся имъ времена былыя,
И призраковъ встаетъ предъ ними строй—
Питомцевъ славы, музы и науки—
Встаетъ въ лучахъ, подъ голоса и звуки
Иныхъ рѣчей и музыки иной!

ЛАМПАДА.

Пробилъ часъ полночи, но бѣлая денница
Объемлетъ небеса и не уходитъ прочь.
Страстей и суеты не въ силахъ провозмочь,
Гремитъ и движется безсонная столица,
Снуетъ по улицамъ разгульный, праздный людъ
Въ тревогѣ блѣднаго, усталаго разврата;
Какой-то удалью недужной ночь объята,
И не страшитъ ее зари безстрастный судъ.

Въ безмолвіи тоски и думы одинокой
По улицѣ бреду я людной и широкой,
Но кажется мнѣ все безжизненно вокругъ!
Мертвы и сумрачны домовъ нѣмыхъ громады;
Въ слѣпыя окна ихъ гляжу—и вижу вдругъ,
Тамъ, гдѣ-то въ вышинѣ, подъ кровлей, лучъ лампады
Изъ тѣсной комнатки, сквозь тусклое стекло,
Какъ пламень маяка надъ бурей злаго моря,
Какъ чистый взоръ любви сквозь тьму земнаго горя,
Мнѣ свѣтитъ набожно, умильно и тепло.

И долго отъ него не отвожу я очи,
И долго я смотрю въ то дальнее окно...
Чья вѣра, чья любовь надъ бездной этой ночи
Молитвенный огонь зажгла?.. Не все-ль равно!
Но пусть въ то мирное безгрѣшное жилище
Не властенъ я войти—мнѣ сердце говоритъ,
Что, можетъ быть, душа зари небесной чище
И краше свѣтлыхъ звѣздъ тамъ въ этотъ часъ горитъ,
Что молится она вдали земнаго пира,
Вдали тревогъ и золъ, въ побѣдной тишинѣ,
О всепрощеніи, о вѣчномъ счастьи міра,
О всѣхъ вокругъ меня, и... даже обо мнѣ!

ПЕРЕДЪ МРАМОРАМИ.

I.

ВАРЕЛЬЕФЪ.

(Безвозвратная потеря).

Онъ уснулъ, онъ угасъ... но витаютъ надъ нимъ
Голубыя, какъ небо, видѣнья;
Этимъ новымъ мечтамъ, этимъ снамъ золотымъ
Ужъ невнятны земли сожалѣнья.

Не горюйте, что спитъ непробуднымъ онъ сномъ,
Вашъ печальный призывъ не внимая—
И на дѣтскомъ челѣ полюбуйтесь лучомъ
Недоступнаго, вѣчнаго рая.

II.

У МОГИЛЫ ДѢВУШКИ.

(Памятникъ княжны Оболенской).

Недугомъ злымъ привлечена
Къ дверямъ безвременной могилы,
Почуя склепа мракъ унылый,
Въ тоскѣ склонилася она.

Ея уста не шепчутъ пени,
Въ глазахъ угасъ надежды свѣтъ;
Но двѣ послѣднія ступени
Переступить ей мо́чи нѣтъ!

Кругомъ весна, цвѣты, веселье;
И зной, и блескъ со всѣхъ сторонъ—
А смерть толкаетъ въ подземелье,
Въ холодный мракъ, на вѣчный сонъ!

III.

КЪ МЕФИСТОФЕЛЮ.

(Поставленному между „Христомъ“ и „Сократомъ“).

Зачѣмъ ты здѣсь, духъ злобы и сомнѣнья,
Съ усмѣшкой искривленной на устахъ,
Съ туманомъ лжи, съ отравою презрѣнья
Въ уклончиво блуждающихъ глазахъ?

Зачѣмъ тебя художникъ вдохновенный
Впустилъ въ тотъ храмъ таинственно-священный
Величія, добра и красоты,
Гдѣ усмѣхаться... можешь только ты?!
Отъ глазъ Христа, отъ близости Сократа,
Отъ юности, отъ славы, отъ ума
Бѣги въ вертепы лести и разврата,
Туда—гдѣ звонъ цѣпей, бряцанье злата,
Гдѣ пьяное веселье, шумъ и тьма!
Тебя я проклинаю, ненавижу;
Ты оскорбилъ души восторгъ святой—
Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ тебя я вижу,
Зачѣмъ твой взоръ смѣется надо мной?!
Увы, отвѣтъ предвижу я заранѣ
И шопотъ твой знакомъ мнѣ съ давнихъ дней;
Знакомъ, какъ боль въ незаживленной ранѣ,
Какъ тяжкій бредъ безсонныхъ, злыхъ ночей.
Когда добра и свѣта полонъ жажды,
Искалъ я новыхъ знаній, думъ и встрѣчъ,
Не ты-ль въ тиши шепталъ мнѣ не однажды
Лукавую, язвительную рѣчь:
«Добро и зло, ничтожество, величье,
«Все, что живетъ, что отжило давно—
«Гдѣ судъ тому, гдѣ мѣра, гдѣ различье?
«Не все-ль людьми поругано равно?»
И нынѣ здѣсь, въ святилищѣ искусства,
Ты въ правѣ вновь язвить и хохотать,

Развѣнчивать святыни, клеветать,
Подмигивать на красоту, на чувство;
Сжигать людей презрѣнія огнемъ,
Дышать въ лицо имъ ложью и развратомъ
Между отравленнымъ Сократомъ
И крѣпко связаннымъ Христомъ!

ЛѢСЪ *).

Сказка.

Есть берегъ чудесный — морская волна,
Къ нему подбѣгая, смолкаетъ;
Тамъ, силы дремучей и тѣни полна,
Кругомъ вѣковая царитъ тишина,
Тамъ лѣсъ-богатырь почиваетъ.

Онъ дремлетъ, и грезитъ, и шепчетъ сквозь сонъ.
Волшебенъ и страненъ тотъ шопотъ,
Какъ темная молвь стародавнихъ временъ,
Какъ дальняго вѣча торжественный звонъ,
Какъ моря безбрежнаго ропотъ.

Но шопоту лѣса, но бреду тому
Внимать человѣкъ не дерзаетъ.
Подъ хмурые своды, въ зеленую тьму,
Въ волшебную чащу нѣтъ хода ему,—
Людей къ себѣ лѣсъ не пускаетъ.

---

*) Содержаніе заимствовано изъ прозаической сказки А. Додэ «Wood-Stown».

Однажды изгнанники чуждой земли—
Богъ знаетъ зачѣмъ и откуда —
Причалили смѣло свои корабли
И на берегъ шумной толпою сошли:
Молъ, жить намъ здѣсь будетъ не худо!

И городъ построить хотѣли они,
Врубилися въ лѣсъ съ топорами,
Работали дружно и ночи, и дни,
Но лѣсъ, охраняя владѣнья свои,
Надъ ихъ издѣвался трудами.

Гдѣ дерево сломятъ, тамъ выростетъ два;
Гдѣ вырубятъ глушь вѣковую,
Тамъ злобной щетиной опять дерева
Ползутъ изъ земли,— а кусты и трава
Сплетаются въ чащу густую!

Разгнѣвались люди и лѣсъ подожгли;
На пеньяхъ среди пепелища,
На черныхъ холмахъ обгорѣлой земли
Себѣ и кумирамъ своимъ возвели
Палаты, дворцы и жилища.

То было ужъ поздней осенней порой,
И лѣсъ ихъ оставилъ въ покоѣ.
Гордилися люди побѣдой такой
И славили мудрость свою... но весной
Вновь горе постигло ихъ злое.

Лишь только на землю съ весеннихъ небесъ
Лучъ солнца блеснулъ горячѣе,
Забытый, проспавшійся за̀ зиму лѣсъ
Очнулся и снова на приступъ полѣзъ
Несмѣтнаго войска грознѣе.

И чудо свершилось: земля ожила
И силу вдохнула въ строенье,
Въ стропилахъ и въ бревнахъ вновь жизнь потекла,
Могучая зелень дома облекла,
Въ корняхъ пробудилось движенье.

Сквозь камни и плиты сплошной мостовой
Ростки молодые прорвались.
Сначала не поняли люди, какой
Имъ мрачный сосѣдъ угрожаетъ бѣдой,
И чудомъ такимъ любовались.

Но съ башни дозорной отчаянный крикъ:
«Смотрите на лѣсъ!» — вдругъ раздался,
И люди взглянули: мохнатъ и великъ,
На городъ озлобленъ, нахмуренъ и дикъ,
Со всѣхъ онъ сторонъ надвигался.

И слышался шумъ, какъ отъ многихъ шаговъ,
И ропотъ, и трескъ, и гудѣнье!
То рылися корни подъ стѣны домовъ,
То вѣтви и сучья мятежныхъ деревъ
Въ людское вползали владѣнье!

И ужасъ мгновенно весь городъ объялъ,
И нà смерть борьба завязалась:
Пила завизжала, топоръ застучалъ,
Но лѣсъ все тѣснѣе объятья сжималъ,
Все выше трава поднималась!

И скоро не стало дворовъ, площадей,
Проѣздовъ и улицъ широкихъ.
Все скрылось во мракѣ мохнатыхъ вѣтвей,
Лишь крики, проклятья и стоны людей
Носилися въ дебряхъ глубокихъ!

Все рѣже и глуше звучали они,
Деревья сплетались все гуще;
Въ вершинахъ, какъ въ добрые, старые дни,
Пернатыя хоромъ запѣли въ тѣни;
А лѣсъ разростался все пуще!

Свершилось! — Въ живыхъ ни единой души
На мѣстѣ борьбы не осталось,
И вновь все заснуло средь мертвой тиши;
Людей появленье въ чудесной глуши
Какъ сонъ мимолетный промчалось!

И нынѣ, какъ прежде, морская волна
Близь тѣхъ береговъ умолкаетъ,
Гдѣ, силы дремучей и тѣни полна,
Кругомъ вѣковая царитъ тишина
Гдѣ лѣсъ-богатырь почиваетъ.

Но въ царство лѣсное незваныхъ гостей
Пускать она больше не хочетъ
И, мачты завидѣвъ вдали кораблей,
Навстрѣчу къ нимъ мчится съ прибрежныхъ камней,
Дробится, реветъ и грохочетъ!

А лѣсъ-побѣдитель смѣется сквозь сонъ,
И ужасомъ люди объяты
Бѣгутъ того смѣха! — Пугаетъ ихъ онъ,
Какъ въ полночь набата погибельный звонъ,
Какъ Божьяго грома раскаты!

СѢВЕРНАЯ ЛЕГЕНДА.

(Посвящается Ѳ. А. Ванлярскому).

1.

Пускается витязь въ опасный походъ
Въ чужбину на сѣверъ далекій.
Шумитъ непогода и вѣтеръ реветъ;
Но, страха не зная, въ волнахъ безъ заботъ
Плыветъ его челнъ одинокій.

2.

Плыветъ онъ, несется, чрезъ водъ глубину,
Какъ вольная вешняя птица,
Туда, гдѣ на сѣверѣ Дѣву-Весну
Во льдахъ заточила и держитъ въ плѣну
Полночи сѣдая Царица.

3.

И видитъ старуха, какъ витязь плыветъ,
Какъ нà полночь правитъ онъ смѣло,
Какъ быстро ладья его мчится впередъ
Вся въ бурѣ и брызгахъ играющихъ водъ—
И злоба въ душѣ закипѣла.

4.

И молвитъ: «Во вѣки тому не бывать,
Чтобъ вторгся въ мои онъ владѣнья!
Морозъ-Воевода! Не время намъ спать,
Вставай, выходи на великую рать,
Царицы свершай повелѣнье.

5.

«Природу дыханьемъ своимъ усыпи—
Пусть дремлетъ въ могильномъ уборѣ;
Пройдись по водамъ, достигай той ладьи
И льдины на льдины кругомъ взгромозди
И скуй это бурное море.

6.

«Въ ладьѣ той плыветъ дерзкій витязь—обвей
Его ты морознымъ дыханьемъ,
Чтобъ холодъ проникнулъ до мозга костей,
Чтобъ мертвый онъ спалъ среди мертвыхъ морей,
Объятъ непробуднымъ молчаньемъ».

7.

Такъ, полная гнѣва и темныхъ угрозъ,
Вѣщала Царица Полночи.
Очнулся отъ сна Воевода-Морозъ...
Онъ старъ, бородой онъ косматой обросъ;
Но ярки зловѣщія очи.

8.

На міръ онъ съ просонья взглянулъ—все кругомъ
Блеститъ еще лѣтней красою;
Луга разстилаются пышнымъ ковромъ
И ропщутъ лѣса, какъ зеленымъ плащемъ,
Одѣты кудрявой листвою.

9.

Умильно пестрѣютъ цвѣты по полямъ,
Синѣютъ холмы въ отдаленьѣ,
И весело къ дальнимъ бѣжитъ берегамъ
Ладья, по свободнаго моря волнамъ,
Въ Царицы полночной владѣнье.

10.

Тогда всталъ Морозъ изъ берлоги своей,
Гдѣ спалъ онъ все лѣто подъ сводомъ,
Укрывшись отъ солнца палящихъ лучей,
И къ морю пошелъ межъ холмовъ и полей
Тяжелымъ, размашистымъ ходомъ.

11.

Нахмуренный, злобный, косматый, сѣдой,
Морозъ-Воевода могучій
Пошелъ—и духъ смерти холодной волной
Предъ нимъ побѣжалъ надъ померкшей землей,
Какъ буря предъ грозною тучей.

12.

Траву и цвѣты, что средь мягкихъ луговъ
Лучъ солнца взростилъ и взлелѣялъ,
Ногами топталъ онъ и гнѣвно съ лѣсовъ
Сорвалъ ихъ кудрявый, зеленый покровъ
И листья по вѣтру развѣялъ.

13.

Поблекли цвѣты, помертвѣли лѣса,
Объяты внезапной дремою;
Веселыхъ умолкнули птицъ голоса,
Природы погибла живая краса
И небо покрылося мглою.

14.

Надвинулся ночи беззвѣздный покровъ,
Мятель, непогода завыла,
Завыла, какъ стая голодныхъ волковъ,
И саваномъ бѣлымъ сыпучихъ снѣговъ
Уснувшую землю покрыла.

15.

А старецъ могучій идетъ да идетъ...
Все вкругъ него гибнетъ, не споря;
Но взглядомъ упрямымъ онъ смотритъ впередъ
На берегъ, на всплески играющихъ водъ,
На ширь необъятнаго моря.

16.

И вотъ онъ у берега сталъ и махнулъ
На бурю костлявой рукою:
Утихнула буря; вой вѣтра и гулъ
Мгновенно замолкли—и мѣсяцъ блеснулъ
Надъ бѣлой и мертвой землею.

17.

Глубокая тишь воцарилась кругомъ;
Борьба начиналась иная:
Облитый луны серебристымъ лучомъ,
Къ широкому морю Морозъ сталъ лицомъ,
Сердито очами сверкая.

18.

И сталъ онъ глядѣть—неподвижный, нѣмой,
Въ волшебномъ и грозномъ сіяньѣ,
Глядѣть и дышать—и какъ смерть надъ собой
Почуяло море тотъ взглядъ ледяной
И то ледяное дыханье.

*

19.

Почуяло море, что волѣ его
Преграды вокругъ становились,
Что быстрыя волны, Богъ вѣсть отчего,
Подъ блескомъ таинственнымъ взгляда того
Лѣнивѣй и тише катились.

20.

Почуяли волны, что сонъ ихъ долитъ,
Надъ ними луна тихо дремлетъ;
А Старецъ-Морозъ все стоитъ, да глядитъ,
Волшебнымъ дыханьемъ всю ночь леденитъ
И смертью все море объемлетъ.

21.

Такъ долго стоялъ онъ... Когда-жъ улеглось
Послѣдней волны колебанье,
И море покою и сну предалось,
Когда по недвижной водѣ разлилось
Недвижнаго неба сіянье,—

22.

Старикъ встрепенулся; очами обвелъ
И берегъ, и небо, и море;
Ладью въ необъятномъ онъ морѣ нашелъ
И къ ней по водамъ усыпленнымъ пошелъ,
Съ угрозой въ сверкающемъ взорѣ.

23.

И тамъ, гдѣ воды онъ касался пятой,
Плывучія льдины являлись;
Являлись, росли и гремящей толпой,
Какъ стройное войско въ красѣ боевой,
За старцемъ во слѣдъ надвигались.

24.

Все гуще, сплошнѣй становились ряды,
И слышалось въ чуткомъ молчаньѣ,
Когда на поверхности темной воды,
Сшибались могучіе, бѣлые льды,
Какъ будто оружья бряцанье.

25.

Плывутъ они, блещутъ, при яркой лунѣ,
Толпятся, впередъ забѣгаютъ,
Таинственно ропщутъ въ ночной тишинѣ,
Все ближе и ближе подходятъ къ ладьѣ
И быстро ее окружаютъ.

26.

Упрямо ладья, отбиваясь отъ льдинъ,
Плыветъ—но все тише и тише;
Къ ней ближе подходитъ Морозъ-Исполинъ
И, кажется, будто средь бѣлыхъ равнинъ
Ростетъ онъ все выше и выше.

27.

Сребристыя ризы на мощныхъ плечахъ
Сіянье луны отражаютъ,
Алмазныя искры блестятъ въ волосахъ
И звѣзды въ широко раскрытыхъ глазахъ,
Какъ въ небѣ глубокомъ, мерцаютъ.

28.

Онъ къ лодкѣ подходитъ, онъ въ лодку ступилъ,
На витязя взоръ свой направилъ...
«Довольно», сказалъ онъ,—«ты пò морю плылъ,
Я море въ недвижную степь обратилъ
И лодку на льдину поставилъ.

29.

Я справился съ моремъ—я справлюсь съ тобой!
Смирилъ я бездушныя волны,
Смирю теперь волны я страсти живой—
И будешь ты спать, очарованный мной,
Недвижный, холодный, безмолвный!»

30.

И витязь, дремою волшебной объятъ,
Ужъ голову тихо склоняетъ,
Въ глазахъ его меркнетъ слабѣющій взглядъ;
Борьбой утомленный, онъ отдыху радъ...
А Старецъ-Морозъ продолжаетъ:

31.

«Не будетъ конца благодатному сну,
Твои не откроются очи!
И, сонный, забудешь ты Дѣву-Весну,
Чтò въ тяжкомъ и дальнемъ томится плѣну,
Во власти Царицы Полночи!»

32.

Сказалъ и умолкъ... все въ безмолвьи нѣмомъ
Притихло: спитъ грозное море,
Спитъ витязь въ ладьѣ очарованнымъ сномъ;
Морозъ лишь не дремлетъ и ходитъ кругомъ
Одинъ въ необъятномъ просторѣ.

33.

Онъ ходитъ и слушаетъ; утра онъ ждетъ,
Ждетъ перваго взгляда денницы;
Побѣдно окончилъ онъ трудный походъ:
Надъ мертвой природою утро взойдетъ;
Свершилось велѣнье Царицы.

34.

Но что-то не веселъ косматый старикъ;
Не радъ онъ побѣдѣ: угрюмо
Онъ руки сложилъ, головою поникъ;
Сталъ мраченъ безстрастный, морщинистый ликъ
Глаза омрачилися думой.

35.

Онъ чуетъ, что дѣва все витязя ждетъ,
А витязя сердце все бьется;
Онъ чуетъ, что день неизбѣжный придетъ,
И снова природа вокругъ оживетъ —
И витязь могучій проснется.

36.

Проснется и встанетъ; тряхнетъ головой,
Разбудитъ мятежныя волны
И смѣло помчится съ свободной ладьей
На сѣверъ далекій, за Дѣвой-Весной,
Надежды и радости полный!

БЕЗВОЗВРАТНЫЙ ПУТЬ.

Судьбу вопрошая, страшась и любя,
Безпечный младенецъ, смотрю на тебя.

Не вѣдая жизни таинственной цѣли,
Съ улыбкой блаженства ты спишь въ колыбели;

Все, въ чуткомъ вниманьи склонившись кругомъ,
Твоимъ заповѣднымъ любуется сномъ.

Въ твой міръ сновидѣній, лучей и лазури
Дохнуть не дерзаютъ житейскія бури,

И самое Время — скакунъ роковой —
Еще неподвижно стоитъ предъ тобой.

Но скоро безсилія свергнешь ты бремя,
И ступишь ногою въ опасное стремя,

И поводъ рука твоя смѣло возьметъ,
И двинется конь подъ тобою впередъ —

Впередъ, укороченнымъ, медленнымъ шагомъ,
Въ невѣдомый путь, по холмамъ и оврагамъ,

Цвѣтущимъ долинамъ, дремучимъ лѣсамъ,
Къ предѣламъ далекимъ, къ чужимъ небесамъ,

Гдѣ будущность скрыта въ невѣдомой долѣ,
Откуда назадъ не вернешься ты болѣ.

И радостенъ будетъ вначалѣ твой путь:
Надеждой подъемлется юная грудь,

Надежда смѣется въ порхающемъ взорѣ,
Надеждой все дышетъ въ окрестномъ просторѣ...

«О конь, что ступаешь такъ медленно ты?
Тебя обгоняя, несутся мечты

Въ тотъ край, гдѣ лучи въ небесахъ необъятныхъ
Отъ радугъ, отъ молній, отъ звѣздъ незакатныхъ

Сверкаютъ, и меркнутъ, и свѣтятся вновь,
Гдѣ юность царитъ, гдѣ пылаетъ любовь».

И конь, молодому желанью послушный,
Въ весельи ускоритъ побѣгъ свой воздушный,

И годы, какъ волны въ игрѣ и борьбѣ,
Быстрѣй понесутся навстрѣчу тебѣ;

Несчитанныхъ дней проплыветъ вереница,
Смѣняя картины, событія, лица;

Какъ лѣто, пора наслажденій пройдетъ;
А конь будетъ мчаться все дальше, впередъ —

Впередъ — ускоряя свой бѣгъ ежечасно,
За призрачнымъ счастьемъ въ погонѣ опасной...

И вдругъ на пути ты постигнешь душой,
Что счастье осталось вдали за тобой;

Услышишь, зловѣщей тревогой объятый,
Что бурь отошедшихъ смолкаютъ раскаты,

Увидишь, что солнце на небѣ блѣднѣй,
Почуешь, что дышетъ весь міръ холоднѣй,

Что меркнутъ и небо, и земли, и воды,
Что лучшіе мимо промчалися годы,

Что гаснутъ надежды и страсти въ груди,
Что холодъ, пустыня и мракъ впереди!

Тогда съ сожалѣньемъ ты вспомнишь впервые
Событія, встрѣчи и годы былые.

И все, что̀ чредой мимолетной прошло,
Опять предъ очами воскреснетъ свѣтло,

Воскреснетъ, какъ сонъ въ красотѣ небывалой,
Взывая къ возврату и,—путникъ усталый—

Кидая вокругъ отуманенный взглядъ,
Коня повернуть ты захочешь назадъ,

Чтобъ въ скрывшейся юности вновь воротиться,
Чтобъ счастьемъ прожитымъ опять насладиться;

Но конь, непокорный ужъ власти твоей,
Тебя будетъ мчать все быстрѣй и быстрѣй,

Подъ стужей и тьмой, одичалый, мятежной,
Какъ вихорь крылатый въ пустынѣ безбрежной!

И въ жалкомъ безсильи, хоть злобствуй, хоть плачь
Не смолкнетъ, не стихнетъ тотъ бѣшеный скачъ,

Пока безъ дыханья, безъ чувства, безъ силы,
Съ конемъ ты не свергнешься въ бездну могилы,

Въ разверстую пропасть безъ свѣта и дна,
Въ объятія чернаго, вѣчнаго сна.

И тамъ лишь — въ сознаніи жизненной цѣли —
Безстрастенъ и тихъ, какъ дитя въ колыбели,

Ты снова найдешь тотъ блаженный покой,
Чтò нынѣ витаетъ въ тиши надъ тобой...

Но Время отъ сна ужъ тебя не подниметъ,
И счастія смерти никто не отниметъ.

VI

САМОМУ СЕБѢ.

Я былъ одинъ,— и думы строгой
Мнѣ внятно голосъ говорилъ:
Ты въ жизни ложной шелъ дорогой,
Свой даръ ты праздно расточилъ.
Порвалъ ты дерзко съ прошлымъ связи,
Познать отчизны не съумѣлъ,
И потонулъ во тьмѣ и грязи
Вражды, неправдъ и темныхъ дѣлъ!
Покинувъ вѣры камень твердый,
Въ исканьи чуждыхъ, мнимыхъ благъ
Не вѣдалъ ты, безумецъ гордый,
Что духъ твой нищъ, и слѣпъ, и нагъ;
Что жизнь твоя есть бредъ недужный...
Пройдутъ безплодные года,
Въ землѣ родной пришлецъ ненужный,
Умрешь, какъ жилъ ты — безъ слѣда!
Умрешь — и судъ народа правый

Не наградитъ тебя хвалой,
И въ дни своей грядущей славы
Тебя не вспомнитъ край родной.
Пора! Очнись! — духовнымъ окомъ
Измѣрь, въ раскаяньи глубокомъ,
Пучину немощи своей
И, чуждый лести и гордынѣ,
Пади во прахъ передъ святыней
Отчизны — матери твоей!
Ея смиреннымъ, кроткимъ духомъ
Свой духъ болящій обнови,
Благоговѣйнымъ, чуткимъ слухомъ
Внимай призывъ ея любви —
И, озаренный Божьимъ свѣтомъ,
Воспрянешь ты отъ бѣдъ и золъ,
Познавъ душой въ призывѣ этомъ
Предвѣчной истины глаголъ!

ТРИ СВИДАНІЯ.

Въ дни ранней юности, когда, надежды полный,
Въ недоумѣніи счастливомъ и нѣмомъ
Встрѣчалъ я первыхъ чувствъ нахлынувшія волны,—
Явилася ты мнѣ и молвила: пойдемъ.
И очутился я негаданно-нежданно
На свѣтломъ праздникѣ весны благоуханной,
Въ волшебномъ царствѣ грезъ и сказочной любви.
Тамъ ночи знойныя про счастье мнѣ шептали,
Тамъ звѣзды, какъ глаза влюбленные, сверкали,
Тамъ сердце билося и пѣли соловьи.

Но я насытился весеннимъ наслажденьемъ,
Я сталъ просить борьбы, страданій и невзгодъ.
Ты вновь явилась мнѣ и властнымъ мановеньемъ
Позвала за собой и повела впередъ.
И жизнь въ свой вѣчный шумъ и мракъ меня пріяла,
И долго въ шумѣ томъ, въ той тьмѣ скитался я,

И много я страдалъ... Душа страдать устала —
На помощь, наконецъ, я вновь призвалъ тебя.
Призвалъ тебя, чтобъ ты смирила сердца муку,
Чтобъ озарила тьму спасительнымъ лучомъ...
И ты предстала мнѣ, и протянула руку,
И снова говоришь знакомое «пойдемъ»!
«Пойдемъ туда, гдѣ нѣтъ ни счастья, ни кручины,
Гдѣ умолкаетъ шумъ ненужной суеты,
Гдѣ льдами вѣчными покрытыя вершины
Глядятъ на міръ и жизнь съ безстрастной высоты!»

---

* * *

Въ годину смутъ, унынья и разврата
Не осуждай заблудшагося брата;
Но, ополчась молитвой и крестомъ,
Предъ гордостью—свою смиряй гордыню,
Предъ злобою—любви познай святыню
И духа тьмы казни въ себѣ самомъ.

Не говори: «Я капля въ этомъ морѣ!
Моя печаль безсильна въ общемъ горѣ,
    Моя любовь безслѣдно пропадетъ...»
Смирись душой—и мощь свою постигнешь;
Повѣрь любви—и горы ты подвигнешь,
    И укротишь пучину бурныхъ водъ!

---

* * *

Для битвы честной и суровой
Съ неправдой, злобою и тьмой
Мнѣ Богъ далъ мысль, мнѣ Богъ далъ слово,
Свой мощный стягъ, Свой мечъ святой.
Я ихъ пріялъ изъ Божьей длани,
Какъ жизни даръ, какъ солнца свѣтъ —
И пусть въ пылу на полѣ брани
Нарушу я любви завѣтъ;
Пусть, правый путь во тьмѣ теряя,
Я грѣхъ свершу, какъ блудный сынъ,—
Господень судъ не упреждая,
Да не коснется власть земная
Того, въ чемъ властенъ Богъ единъ!
Да,— наложить на разумъ цѣпи
И слово можетъ умертвить
Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи
И грому въ небѣ запретить!

---

*
* *

Такъ жить нельзя! Въ разумности притворной,
Съ тоской въ душѣ и холодомъ въ крови,
Безъ юности, безъ вѣры животворной,
Безъ жгучихъ мукъ и счастія любви,
Безъ тихихъ слезъ и громкаго веселья,
Въ томленіи нѣмого забытья,
Въ уныніи разврата и бездѣлья...
Нѣтъ, други, нѣтъ—такъ дольше жить нельзя!
Сомнѣній ночь отрады не приноситъ,
Клеветъ и лжи наскучили слова,
Померкшій взоръ лучей и солнца проситъ,
Усталый духъ алкаетъ божества.
Но не прозрѣть намъ къ солнцу сквозь тумана,
Но не найти намъ Бога въ дольней тьмѣ:
Насъ держитъ власть побѣднаго обмана,
Какъ узниковъ въ оковахъ и тюрьмѣ.
Не вѣетъ въ міръ мечты живой дыханье,

Творящихъ силъ изсякнула струя,
И лишь одно не умерло сознанье,—
Не то призывъ, не то воспоминанье,—
Оно твердитъ: такъ дольше жить нельзя!

---

*
* *

Зной и сушь. Мелѣютъ воды,
Блекнутъ листья и цвѣты;
Стонамъ жаждущей природы
Богъ внимаетъ съ высоты;
Онъ сбираетъ въ небѣ тучи,
Онъ ведетъ ихъ за собой,
Чтобъ съ дождемъ въ грозѣ могучей
Пронестися надъ землей.

Зной и сушь—мертвѣютъ чувства,
Вянутъ мысли и мечты,
Пламя чистое искусства
Гаснетъ въ безднѣ суеты.
Грянь же Божьею грозою,
Пѣсня вѣщаго пѣвца,
И любви струей живою
Брызни въ мертвыя сердца!

---

* * *

Отвыкъ я пѣсни пѣть! Средь мелочныхъ заботъ,
Въ житейской суетѣ умолкло вдохновенье
И только изрѣдка въ туманномъ отдаленьѣ
Внимаю я мечты таинственный полетъ.

Какъ трепетъ бѣлыхъ крылъ станицы лебединой,
Напѣвъ ко мнѣ летитъ съ небесной вышины
И грезы юности въ душѣ на мигъ единый
Рождаются, надеждъ и радости полны.

Но кратокъ ихъ привѣтъ... Блеснувшіе нежданно,
Вновь гаснутъ призраки, видѣнья и лучи
И даль скрывается за пеленой туманной,
И ночь опять кругомъ, и буря въ той ночи!

———

* * *

Прекрасенъ жизни бредъ; волшебны и богаты
Живыхъ его картинъ одежды и цвѣты,
Свѣтила знойнаго восходы и закаты
И ночи, полныя чудесъ и темноты.
Прекрасны дней земныхъ обманы и видѣнья,
Порывы страстныхъ чувствъ, полеты смѣлыхъ думъ—
Полеты на крылахъ надеждъ и заблужденья
Въ пространствахъ радужныхъ земного наслажденья,
Напѣвы юныхъ грезъ и бурь житейскихъ шумъ!..

Но, если въ трезвый мигъ душевнаго досуга,
Въ случайной тишинѣ сквозь этотъ долгій бредъ,
Внезапно прозвучитъ, какъ дальній голосъ друга,
Грядущаго конца таинственный привѣтъ;
Но если, какъ весны желанное дыханье,
Вдругъ душу обовьетъ иной красы желанье

И сквозь туманъ вдали, какъ ранняя заря,
Займется тихій свѣтъ иного бытія—
Какіе призраки, какія сновидѣнья
Дерзнутъ съ улыбкою мнѣ повторять: «живи!
«Живи и позабудь о счастьи пробужденья
«Подъ солнцемъ вѣчнаго покоя и любви!»

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА.

Виномъ наполнены бокалы,
Смолкаютъ рѣчи... Полночь бьетъ...
И вотъ, какъ съ пальмы листъ увялый,
Отпалъ прожитый, старый годъ.

На мигъ передъ живымъ участьемъ
Смирилась власть враждебной тьмы—
И съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ
Поздравили другъ друга мы.

Но мнѣ какой-то голосъ странный
Вдругъ прошепталъ привѣтъ иной,
Привѣтъ таинственный, нежданный,
Неслыханный дотолѣ мной.

И я взглянулъ:—въ красѣ безстрастной,
Сверкая вѣчной бѣлизной,
Издалека съ улыбкой ясной
Мнѣ Смерть кивала головой!

---

* * *

Глубже все въ грудь проникаетъ безстрастья цѣлительный холодъ,
Крѣпче по сердцу стучитъ закаляющій времени молотъ;
Гаснетъ въ душѣ моей жизни огонь безпокойный и юный;
Тихо на арфѣ моей замираютъ послѣднія струны.

Можетъ быть, въ сердцѣ остывшемъ огни бы опять запылали,
Можетъ быть, вѣщія струны тѣ вновь бы, какъ встарь, зазвучали,
Если-бъ нежданно коснулось ихъ бури живое дыханье,
Если-бъ отъ сна пробудило ихъ страсти всесильной желанье.

Но не примчится гроза, не нагрянетъ веселіе бури;
Тихо и нѣмо безоблачье чистой небесной лазури.
Спите же, вѣщія струны, угасни, огонь вдохновенья,
До незакатнаго, свѣтлаго... близкаго дня пробужденья!

Въ день тотъ, для сердца желанный, иные пробудятъ
вас звуки,
Чуждые буйныхъ страстей, вожделѣній, тревоги и муки;
Пламенемъ новымъ зажжется въ воскресшей груди
вдохновенье,
Чистой струею польется любви неземной пѣснопѣнье!

---

* * *

Какъ странникъ подъ гнѣвомъ палящихъ лучей,
Средь Богомъ сожженныхъ, безводныхъ степей,
Бреду я житейскимъ путемъ,— и давно
Усталое сердце тоской сожжено.

Ни тѣни отрадной, ни жизни кругомъ,
Ни тучи, ни бури на небѣ моемъ!
Безгромное небо, безбрежная даль,—
Нѣмое раздумье, нѣмая печаль...

Но изрѣдка видятся въ смутной дали
Предѣлы цвѣтущей и юной земли,
Подъемлются призраки рощъ и садовъ,
Сверкающихъ водъ и зеленыхъ холмовъ.

Въ прохладѣ незримой, воздушной волны
Струится дыханье любви и весны,
Таинственно кто-то манитъ и зоветъ,
Желаннаго счастія вѣсть подаетъ.

И духъ, оживая, стремится туда,
Гдѣ зыблются рощи, гдѣ свѣтитъ вода,
Гдѣ отдыхъ и тѣнь, и любовь, и привѣтъ,
Какихъ на землѣ не бывало,— и нѣтъ!

РОДНОМУ ЛѢСУ.

Здравствуй, лѣсъ! Ты мой возвратъ замѣтилъ;
Помѣшалъ твоимъ я тихимъ думамъ,
Но, какъ друга, вновь меня ты встрѣтилъ
Стародавнимъ, мнѣ знакомымъ шумомъ.
Въ оны дни, когда — дитя — порою
Прибѣгалъ твои я слушать сказки,
Добрый дѣдъ, мохнатой головою
Наклонясь съ заботой надо мною,
Расточалъ ты мнѣ дары и ласки.
Ихъ потомъ всей жизни трудъ и слезы
Ни на мигъ въ душѣ не заглушили...
Тѣ дары — младенческія грезы,
Что мнѣ юность свѣтомъ озарили.
Ихъ твои вершины нашептали,
Ихъ навѣялъ сумракъ твой волшебный
И до нынѣ въ злые дни печали
Душу грѣетъ пламень тотъ цѣлебный.

Здравствуй, лѣсъ! Твой миръ, твое мечтанье
Я тревогой жизни не нарушу;
Я пришелъ на краткое свиданье
Отвести тоскующую душу.
Но когда моя настанетъ осень,
Старикомъ въ твои приду я сѣни
И подъ ровный шумъ дремучихъ сосенъ
Весь отдамся отдыху и лѣни.
Въ ожиданьи жизненной развязки.
Успокоюсь дряхлый и усталый
И опять твои я буду сказки
Жадно слушать, какъ ребенокъ малый.
Той же самой властью вдохновенья
Будетъ вновь душа моя объята,
И зарю я вспомню пробужденья
На зарѣ печальнаго заката.
Надо мной раскинешь ты свой пологъ;
Пологъ тотъ, какъ ночь, широкъ и чуденъ;
Я усну — и будетъ сонъ мой дологъ,
Будетъ дологъ, тихъ и непробуденъ!

ДУХЪ РОЩИ.

Изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ окрестностей селенья,
Гдѣ нынѣ я живу, люблю всѣхъ больше я
Ту рощу старую на берегу ручья.
Среди ея березъ въ тиши уединенья
Живетъ какой-то духъ незримый, и порой,
Когда я прихожу, онъ дѣлится со мной
Своей пустынною и старою печалью.
Въ вечерніе часы, когда съ туманной далью
Во тьмѣ сливается туманный небосклонъ,
Когда смолкаетъ день и наступаетъ сонъ,—
Невольно я влекусь на тайное свиданье
Съ тѣмъ страннымъ призракомъ и внемлю въ тишинѣ,
Какъ съ грустью тихою онъ повторяетъ мнѣ
Свое волшебное, давнишнее сказанье.
Мнѣ даже чудится, что въ сумракѣ, порой,
Унылый чей-то взглядъ мерцаетъ предо мной,
Что въ душу вѣетъ мнѣ живой души страданье.

Мнѣ вздохи слышатся въ таинственномъ молчаньѣ
И жутко мнѣ внимать тѣ вздохи, ту печаль,
Я удаляюсь прочь,—но мнѣ кого-то жаль!
Не знаю, правда-ль то, иль бредъ воображенья:
Та роща для меня является, какъ слѣдъ
Когда-то людняго и шумнаго селенья,
Жилища барскаго... Его теперь ужъ нѣтъ;
Но прадѣдъ-домовой, селенія строитель,
Погибшаго гнѣзда исконный властелинъ,
Донынѣ сторожа то мѣсто, гдѣ обитель
Его разрушена, остался живъ одинъ
И, ко всему вокругъ исполненный презрѣнья,
Запомнилъ и твердитъ лишь повѣсть разрушенья.
О, что же—что влечетъ меня внимать ему?
За что я полюбилъ печальной рощи тьму?
Чуждаясь новаго и свѣтлаго жилища,
Зачѣмъ иду искать забытаго кладбища,
И съ думой строгою надъ тлѣніемъ брожу,
И въ близости его отраду нахожу?
Иль слухъ усталъ внимать житейскому волненью,
Иль самъ уже клонюсь я къ отдыху и тлѣнью,
И въ томъ, что говоритъ духъ рощи, внятенъ мнѣ
Призывъ къ невѣдомой, но милой сторонѣ?

———

* * *

Непогодная ночь, вьюга вѣетъ въ поляхъ,
Снѣжнымъ пологомъ путь заметая;
Тройка шагомъ бредетъ, колокольчикъ въ потьмахъ
Подъ дугою дрожитъ, замирая.

То внезапно очнувшись, Богъ знаетъ зачѣмъ,
Завизжитъ онъ съ тревогой ненужной,
То медлительно стонетъ, то смолкнетъ совсѣмъ,
Какъ страдалецъ въ дремотѣ недужной.

И подъ бредъ колокольчика брежу я самъ;
Придорожныя, смутныя тѣни
Пробѣгаютъ сквозь сумракъ, являясь очамъ
Вереницей знакомыхъ видѣній.

И душа—то стремится во слѣдъ за мечтой,
Вся объята мгновеннымъ порывомъ;
То смолкаетъ покорно и внемлетъ съ тоской
Безнадежно далекимъ призывамъ.

Непогодная ночь, вьюга вѣетъ въ поляхъ,
Снѣжнымъ пологомъ путь заметая,
Невозвратно-минувшее стонетъ въ потьмахъ,
Колокольчика звонъ заглушая!

ВЕСЕННЯЯ ДУМА.

Зимнихъ тумановъ раздвинулись хмурые своды,
Страстнымъ дохнули тепломъ небеса голубыя;
Бьются, играютъ, трепещутъ сердца молодыя,
Льются, сверкаютъ и плещутъ весеннія воды.

Блескомъ обманчивымъ жизнь Божій міръ озарила,
Призрачнымъ счастьемъ подъяла тревогу желаній;
Много сгоритъ въ ея пламени грезъ и мечтаній,
Много надеждъ разобьетъ ея буйная сила.

Но не страшитъ меня жизни безумная смута,
Но не глушитъ меня громъ ея пѣсни побѣдной:
Знаю впередъ, что все это промчится безслѣдно;
Въ безднѣ покоя сверкнетъ и потонетъ минута.

Вижу сквозь праздникъ, сквозь пламя и радугу лѣта
Образъ иной красоты, неизмѣнно спокойный;
Слышу сквозь пѣсни, сквозь шумъ треволненья нестройный
Тихую ласку и прелесть иного привѣта.

Вижу подъ саваномъ бѣлымъ уснувшую землю,
Миръ водворила въ ней смерти цѣлебная сила;
Взоръ успокоенный къ небу съ земли я подъемлю —
Въ вѣчной лазури тамъ вѣчныя блещутъ свѣтила!

---

*
* *

Когда, святилище души
Замкнувъ предъ суетной толпою,
Поэтъ молчитъ—его покою
Не вѣрь—онъ бодрствуетъ въ тиши.
Не вѣрь молчанью грозной тучи:
Раздумья вѣщаго полна,
Свой вихрь, свой дождь, свой огнь летучій,
Свой громъ таитъ въ груди она...
Но мигъ придетъ—и заповѣдный
Въ глубокихъ нѣдрахъ вспыхнетъ жаръ,
И тьму пронижетъ лучъ побѣдный,
И грянетъ громовой ударъ!

---

* * *

Я растворилъ окно—и ночь ко мнѣ вошла
Съ прохладою полей, съ луною и звѣздами,
Вошла и кроткими, воздушными мечтами
Мнѣ душу полную томленья обняла.
«Довольно горевать», она шепнула нѣжно,
«Довольно вспоминать, что было и прошло,
Взгляни, какъ чуденъ міръ, какъ въ тьмѣ моей свѣтло,
Какъ даль заманчива и небо какъ безбрежно...
Зачѣмъ же въ той дали, за смутною чертой,
Гдѣ взоръ теряется въ серебряномъ туманѣ,
Искать лишь прошлаго, гоняться за волной,
Съ безпечной вольностью, бродящей въ океанѣ?
Ты не найдешь ея—она умчалась въ даль,
Сверкнувъ тебѣ въ глаза мгновенно и случайно;
Ты полюбилъ ее, по ней тоскуешь тайно,
Ты плачешь, ты зовешь—а ей тебя не жаль!
Она, холодная, не вѣдаетъ участья,
Она, свободная, о прошломъ не тужитъ.

Въ пучинѣ много волнъ—и въ жизни много счастья:
Одно отхлынетъ прочь, другое набѣжитъ»...

Покорно слушалъ я—и замирало горе,
И въ мысляхъ возникалъ волшебный новый бредъ;
Искалъ чего-то взоръ въ невѣдомомъ просторѣ,
Все ярче серебрилъ окрестность лунный свѣтъ.
Какія-то вдали являлись очертанья
Кудрявыхъ береговъ, склоненныхъ надъ водой,
Тамъ тѣни двигались, тамъ чудились лобзанья
И пѣсни нѣжныя, и шопотъ молодой.
Но взоръ я отвратилъ, промчалося мгновенье,
И отрезвленное заныло сердце вновь,
Въ глазахъ воскреснуло знакомое видѣнье,
Въ душѣ заплакала давнишняя любовь!
Опять я вѣдалъ страсть, сомнѣнія и муку,
Томительный недугъ счастливыхъ, лучшихъ дней,
Я звалъ минувшее, я проклиналъ разлуку...
Стеналъ—и сладокъ былъ мнѣ стонъ любви моей!..
А ночь померкнула, разсѣялися грезы,
Міръ чуждыхъ призраковъ погаснулъ и исчезъ...
Лишь звѣзды падали, какъ трепетныя слезы,
Съ глубокой синевы безоблачныхъ небесъ...

ЗАРНИЦА.

Въ дни дѣтства, помню я, бывало, передъ сномъ
Встревоженъ отблескомъ далекихъ молній ночи,
Я ложе покидалъ и, стоя подъ окномъ,
Въ мерцающую даль вперялъ съ тревогой очи.
Полна, казалось мнѣ, грозой ночная тишь...
Но отворялася сосѣдняя свѣтлица,
И няня старая входила... «Что не спишь?»
Шептала мнѣ она, «не бойся — то зарница...
Ни бури, ни грозы не будетъ».— И внималъ
Я съ дѣтской вѣрою словамъ успокоенья.
— Зарница,— отходя ко сну, я повторялъ,
И тихія ко мнѣ слетали сновидѣнья...

Съ тѣхъ поръ прошли года... и много шумныхъ грозъ
Надъ головой моей сбиралося — и много
Невзгодъ и радостей въ душѣ я перенесъ,
Тревожно проходя житейскою дорогой.
Какъ знойный, лѣтній день, сверкая и гремя,

Въ убранствѣ облаковъ, раскиданныхъ въ лазури,
Мѣняя блескъ, и тѣнь, и тишину, и бури,
Крылатымъ праздникомъ промчалась жизнь моя.
И вечеръ наступилъ, и зарево заката
Ужъ погружается въ ночную глубину,
Душа безмолвіемъ и сумракомъ объята;
Пора мнѣ отдохнуть, пора идти ко сну.
И вотъ, въ холодной тьмѣ надвинувшейся ночи
Я призываю сонъ и отдыхъ... но порой,
Какъ молніи, мечты мнѣ вновь мерцаютъ въ очи,
И вспыхиваетъ страсть съ надеждой и тоской.
И вновь, какъ въ оны дни, тревогой тѣхъ мерцаній
Душа испугана, но кто-то въ тишинѣ
Знакомыя слова, слова старухи-няни —
«Не бойся, не томись»,— любовно шепчетъ мнѣ...
И меркнутъ призраки, и гаснутъ въ отдаленьи
Ненужныхъ позднихъ грезъ обманные огни.
— Зарница,— говорю я въ тихомъ утомленьи,
И голосъ надо мной твердитъ: усни, усни...

---

* * *

Знакомыя поля, привѣтныя селенья,
Дубравы, полныя завѣтныхъ, тайныхъ думъ!
Въ мечтахъ я вижу васъ сквозь сумракъ заточенья,
Внимаю вашъ призывъ, и голоса, и шумъ.

Суровъ мой долгій плѣнъ, крѣпка моя темница,
Тяжелой цѣпію прикованъ я къ стѣнѣ;
Но мысль крылами бьетъ, какъ пойманная птица,
И рвется на просторъ къ родимой сторонѣ.

Ей хочется узнать, все такъ же ли, какъ прежде,
Тамъ блещутъ и гремятъ веселые ручьи?
Все также-ль молоды въ ихъ праздничной одеждѣ
Тѣ рощи, гдѣ весной пѣвали соловьи?

Все также-ль пѣсни ихъ полны тревогой страстной
И будятъ ли, какъ встарь, любви весенній пылъ?
Все также ли тамъ жизнь свободна и прекрасна,
Какъ въ дни счастливые, когда и я тамъ былъ?

* * *

На ветхой скамьѣ при дорогѣ
Сидѣлъ я... Вкругъ вихри носились
И листья сухіе въ тревогѣ
У ногъ моихъ дико кружились.

Поникнувъ въ раздумьѣ глубокомъ,
Внималъ я ихъ бренному шуму—
О чемъ-то давнишнемъ, далекомъ
Я думалъ осеннюю думу.

И въ памяти, полной смятенья,
Всѣ грезы и сны молодые,
Всей жизни минувшей видѣнья
Кружились... какъ листья сухіе.

---

*
* *

Весенныхъ грезъ увяла красота.
Давно, давно крылатая подруга
Души моей—волшебница мечта,
Ни въ часъ трудовъ, ни въ краткій мигъ досуга,
Ни въ сумракѣ, въ полночной тишинѣ,
Ни въ шумѣ дня, при солнечномъ сіяньѣ,
Ужъ не летитъ съ улыбкою ко мнѣ
На свѣтлое, желанное свиданье!
Давно, давно умолкъ ея напѣвъ
И очерствѣлъ мой духъ, унынья полный;
Кругомъ гремятъ и плещутъ жизни волны,
Но чужды мнѣ ихъ дикій шумъ и гнѣвъ.
На языкѣ для сердца непонятномъ,
Безъ устали, немолчно межъ собой
Онѣ ведутъ въ просторѣ необъятномъ
Свой вѣчный споръ подъ вѣчною грозой.

Незримъ предѣлъ бушующаго круга,
Слѣпая ночь грозитъ со всѣхъ сторонъ;
А милая, невѣрная подруга
Не внемлетъ мой призывный, горькій стонъ!

---

* * *

О, вѣрю я: никто не виноватъ!
Таковъ законъ судьбы неумолимой:
Часовъ и дней скользитъ беззвучный рядъ
И, суетой житейскою объятъ,
Безъ счета ихъ я пропускаю мимо.

И меркнетъ мысль, и гаснетъ страсти пылъ,
И на призывъ любимаго искусства
Безрадостенъ, безмолвенъ и унылъ
Я остаюсь, не обрѣтая силъ
Согрѣть въ душѣ остынувшія чувства.

Да, знаю я,—никто не виноватъ!..
Но почему съ такою жгучей мукой
Я пристально порой гляжу назадъ
И къ прошлому вернуться былъ бы радъ
Любовникомъ, измученнымъ разлукой?

Зачѣмъ въ тиши я внемлю пересказъ
О вешнихъ дняхъ, о томъ, что миновало;
Въ томительный уединенья часъ
Кто этотъ другъ безжалостный, чей гласъ
Тревожитъ сонъ души моей усталой?

Онъ мнѣ не чуждъ—тотъ шопотъ въ тьмѣ ночной,
Онъ мнѣ знакомъ давно, тотъ гость незримый;
За что-жъ теперь съ презрѣньемъ и враждой
Онъ холодно смѣется надо мной
И дразнитъ умъ мечтой неуловимой?

Зачѣмъ порой напѣвы вновь звучатъ,
И близятся крылатыя видѣнья?
Въ ихъ пѣсняхъ—плачъ, въ ихъ взорахъ—тайный ядъ..
Я не ропщу: никто не виноватъ,
Возврата нѣтъ... Зачѣмъ же нѣтъ забвенья?..

———

* * *

Мнѣ легче дышется на горныхъ высотахъ;
Тамъ близко къ небесамъ и отъ людей далеко;
Объятый радостью простора, тамъ въ мечтахъ
Я забываюся, блуждая одиноко.
И что за яркія, крылатыя мечты
Съ нездѣшнимъ пѣніемъ туда ко мнѣ слетаютъ,
Но только захочу ихъ звуки, иль черты
Запомнить, уловить—онѣ, умолкнувъ, таютъ.
И пусть!—Вѣдь заключить ихъ въ цѣпи точныхъ словъ,
Ихъ выразить, назвать—усилія напрасны;
Какъ стаи легкія кудрявыхъ облаковъ,
Лишь безъимянныя онѣ прекрасны!

СВИДАНІЕ СО СМЕРТЬЮ.

Она ко мнѣ пришла и постучалась въ дверь...
И я узналъ тотъ стукъ! Но съ холодомъ испуга:
«О знаю, я сказалъ, я звалъ тебя, какъ друга,
И не страшусь тебя; приди... но не теперь!
Ты видишь—я одинъ, въ изгнаньи, на чужбинѣ;
А тамъ въ краю родномъ, куда стремлюся я,
Тамъ, сердце вѣрное въ тревогѣ и кручинѣ,
Осиротѣлое, зоветъ и ждетъ меня.
Уйти вослѣдъ тебѣ безъ взгляда, безъ пожатья
Руки трепещущей, на зовъ любви въ отвѣтъ
Не вымолвивъ—прости до встрѣчи и объятья
Въ чертогахъ вѣчности, гдѣ разлученья нѣтъ,—
Уйти вослѣдъ тебѣ—и слышать за собою
Земного счастія отчаянный призывъ...
О нѣтъ, не властенъ я!»—и, дверь пріотворивъ,
Она кивнула мнѣ съ упрекомъ головою,
И было много такъ печали и любви
Въ слетѣвшемъ съ устъ ея участливомъ: «живи!».

НА ПОѢЗДѢ.

Ночь. Въ дрожащей мглѣ вагоновъ
Все подернуто дремой.
Рабъ слѣпой слѣпыхъ законовъ,
Мчится поѣздъ въ тьмѣ ночной.

Мчится поѣздъ—мнѣ не спится...
Разлученья близокъ мигъ,
Дорогой для сердца ликъ
Еще молитъ воротиться—

И вернулся-бъ я домой
На призывъ подруги милой;
Но бездушной движимъ силой
Мчится поѣздъ въ тьмѣ ночной!

Неподвижно, одиноко
Я лежу средь темноты;
Безпріютныя мечты
Разбрелись во тьмѣ далеко...

И помчался предо мной
Рядъ измѣнчивыхъ видѣній.
Мчатся грезы, мчатся тѣни...
Мчится поѣздъ въ тьмѣ ночной!

Утро дѣтства золотое,
Бури юношескихъ дней,
Все умершее, былое
Мчится въ памяти моей;

Мчатся скорби и невзгоды;
Мчится счастье съ красотой;
Мчатся лица, мчатся годы...
Мчится поѣздъ въ тьмѣ ночной!

И мнѣ чудится, что дико
Безъ оглядки, безъ слѣда,
Буйнымъ вихремъ въ тьмѣ великой
Мчится все, вездѣ... всегда!

Позади оставивъ счастья
И любви живой привѣтъ,
Правду нѣжнаго участья,
Благодатной вѣры свѣтъ;

Торопясь въ погонѣ шумной
За невѣдомой мечтой,
Какъ безвольный, какъ безумный
Этотъ поѣздъ въ тьмѣ ночной!

---

*
* *

Есть одиночество—въ глуши,
Вдали людей, вблизи природы—
Полно задумчивой свободы,
Оно цѣлебно для души;
Въ немъ утихаютъ сердца бури,
Въ немъ думы, какъ цвѣты полей,
Какъ звѣзды въ тьмѣ ночной лазури,
Сіяютъ чище и свѣтлѣй.

Есть одиночество иное—
Въ немъ гибнутъ чувства и мечты.
Кругомъ, холодное, чужое,
Бушуетъ море суеты;
Шумитъ толпа, конца нѣтъ бою
Ея слѣпыхъ, безумныхъ волнъ,
Напрасно къ пристани, къ покою
Стремится сердца утлый челнъ.

О, никогда, никто въ пустынѣ
Такъ не забытъ, не одинокъ,
Какъ это сердце въ злой пучинѣ
Чужихъ страстей, чужихъ тревогъ!

---

*
* *

Усталый, съ сердцемъ отягченнымъ,
Покинувъ жизни грѣшный пиръ,
Порой предъ храмомъ озареннымъ,
Священнымъ звономъ оглашеннымъ,
Стою я мраченъ, нѣмъ и сиръ.
Хочу вступить я въ двери храма,
Хочу, отрясши прахъ земной,
Въ волнахъ молитвъ и ѳиміама,
Умчаться духомъ въ міръ иной;
Чтобъ покаянными слезами
Тамъ раны совѣсти омыть,
И дольный міръ съ его страстями,
Съ его безумьемъ позабыть.
Но мигъ... и слезы умиленья
Уже во взорѣ не горятъ —
Знакомый голосъ искушенья
Опять зоветъ меня назадъ.
И передъ свѣтлымъ ликомъ Бога,

Не въ силахъ мрака превозмочь,
Отъ недоступнаго порога
Я отхожу въ смятеньи прочь.
Бреду на торжище людское;
Но долго тамъ, какъ бы сквозь сонъ,
Все вижу пламя неземное,
Все слышу благовѣста звонъ!

ВЪ ГОРАХЪ.

Стоялъ одинъ я въ вышинѣ
Межъ скалъ, поросшихъ мхомъ и лѣсомъ.
Внизу, подъ чернымъ ихъ навѣсомъ,
Гнѣздились люди,—но ко мнѣ
Ихъ жизни суетные шумы
Не доносилися—и думы
Мои никто не прерывалъ.
Я былъ одинъ... я вспоминалъ
Минувшее, внимая пени
Неуспокоенной души—
И чьи-то въ дремлющей тиши
Неуспокоенныя тѣни
На этотъ тайный сердца стонъ
Слеталися со всѣхъ сторонъ.
Нѣмые призраки!—Ужели
Вы—тѣ видѣнья красоты,
Которымъ чуть не съ колыбели
Я посвящалъ свои мечты!
Мои ли омрачились очи,
Иль вашъ невѣрный свѣтъ угасъ,—

Но въ тьмѣ, на сердце павшей, ночи
Не узнаю теперь я васъ!
Мнѣ странны ваши очертанья,
Мнѣ чуждъ беззвучный вашъ привѣтъ...
Внемлю,—но радости свиданья
Въ неутоленномъ сердцѣ нѣтъ!
Ему все вѣрится, что гдѣ-то
Тамъ, за горами, вдалекѣ
Живетъ минувшее... въ тоскѣ
Душа взываетъ... ждетъ отвѣта...
Но даль въ безстрастіи нѣмомъ
Не отвѣчаетъ, а кругомъ
Недвижно горы-великаны
Стоятъ, закутаны въ туманы,
Объяты вѣчною дремой.
И кажется мнѣ—ихъ покой
Зловѣщей, грозной полонъ думы:
На жизнь—враждебны и угрюмы—
Онѣ взираютъ съ высоты,
Насупивъ тяжкія морщины;
Людей созданія, мечты,
Надежды, радости, кручины...
Все—мановеніемъ однимъ,
Единымъ вздохомъ нѣдръ могучихъ,
Единымъ взрывомъ силъ дремучихъ
Убить хотѣлося бы имъ!

---

* * *

О муза, не зови и взоромъ не ласкай!
Во взорѣ этомъ и призывѣ,
И въ сердца сладостно-мучительномъ порывѣ
Мнѣ чувствуется вновь утраченный мой рай.

Но въ свѣтломъ томъ раю я гость чужой и лишній,
Повсюду за собой влача унынья гнетъ...
Къ чему-жъ подъ пепломъ жаръ давнишній
Мнѣ душу черствую порой томитъ и жжетъ?

Не вспыхнетъ пламень чудотворный,
Не вырвется изъ устъ напѣвъ былой любви...
Въ чертогъ сіяющій изъ мрака ночи черной
Умолкшаго пѣвца, о муза, не зови!

---

* * *

Въ тиши раздумія, въ минуты просвѣтлѣнья
Души, измученной житейскою борьбой,
Все чаще слышится мнѣ голосъ утѣшенья,
Все ближе небеса сіяютъ надо мной.

Земного счастія бродячіе обманы
Бѣгутъ, какъ призраки ночныхъ, недужныхъ грезъ,
Въ глазахъ горитъ разсвѣтъ и падаютъ туманы
Росою утренней животворящихъ слезъ.

Я знаю, что кругомъ все прахъ и все минуетъ...
Я вѣрю, что мой рай—тамъ... въ Божьей вышинѣ—
И небо надъ землей побѣду торжествуетъ,
И вѣчность самая видна и внятна мнѣ!..

---

* * *

Къ тебѣ, царица ночь, въ чертогъ твой голубой,
Въ просторъ твоихъ тѣней таинственно манящихъ,
Предъ очи ясныя свѣтилъ твоихъ горящихъ
Вернулся я — бѣглецъ усталый и больной.
Бывало, ты свои мнѣ расточала ласки
И въ сердце вѣяла дыханіемъ любви.
О, повтори же вновь мнѣ дней минувшихъ сказки,
Склонись къ душѣ моей, согрѣй и вдохнови.
Простри надъ головой поникшей покрывало,
Защитою отъ бурь и дольней суеты—
И, глядя пристально въ глаза мнѣ, какъ бывало,
Мой сумракъ озари участьемъ красоты.
И пой — о, пой опять тѣ пѣсни, мнѣ родныя,
Которымъ я внималъ въ той знойной тишинѣ,
Когда смолкали вкругъ волненія земныя,
Когда зарницы лишь порхали золотыя
Да звѣздныя мечты слеталися ко мнѣ.
Я вѣрилъ тѣмъ мечтамъ — я вѣрю имъ и нынѣ;

Ихъ образы, какъ встарь, витаютъ надо мной...
Къ тебѣ, царица ночь, въ чертогъ твой голубой
Пришелъ я голову склонить предъ ихъ святыней;
Сказать твоимъ мечтамъ, сказать звѣздамъ твоимъ,
Что я не измѣнилъ, что я все вѣренъ имъ!

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА А. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА

ТОМЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1894

ГАШИШЪ

(1875)

ГАШИШЪ.

(Разсказъ туркестанца).

ПОСВЯЩАЕТСЯ В. В. СТАСОВУ.

Ты видишь, ликъ мой тощъ и блѣденъ;
Я нищъ и старъ; я скорбью съѣденъ.
Я былъ и молодъ, и богатъ —
Я расточилъ свое богатство;
Промчалась юность; много кратъ
Враговъ извѣдалъ я злорадство
И лживую печаль друзей—
То казнь была моей гордынѣ!
Ужъ мнѣ не жаль минувшихъ дней.
Съ судьбою примирившись нынѣ,
Я въ потѣ дряхлаго лица
Тружусь и жизни жду конца;
Но памятенъ мнѣ день ужасный,
Когда презрѣнный и несчастный,

Одинъ, безъ крова, въ поздній часъ,
Я очутился въ первый разъ.

Ужъ тѣнью Самаркандъ покрылся,
Народъ съ базара расходился,
Дервиша смолкъ унылый крикъ,
Закрылся торгъ, кончались споры...
Дородный сартъ, сѣдой старикъ,
Съ усильемъ надвигалъ запоры
На двери лавочки; огонь
Блеснулъ въ потемкахъ; чей-то конь,
Понуря голову, лѣниво
Брелъ безъ хозяина домой.
Все утихало, лишь порой
По сонной улицѣ пугливо
Перебѣжать изъ дома въ домъ
Спѣшила женщина; потомъ,
Какъ мышь, въ тѣни двора скрывалась —
И вновь молчанье водворялось.
Счастливый часъ для богачей!
Ихъ ждутъ объятья женъ стыдливыхъ,
Иль пиръ въ кругу друзей шумливыхъ.
При пляскѣ молодыхъ бачей.
Ужъ за стѣной раздались клики
И музыки веселый звукъ,
И пляски быстрый топотъ... Вдругъ
Смятенье, ревъ несется дикій:

Бача лукавый угодилъ,
Восторгъ собранье охватилъ;
Бѣгутъ и мечутся, и стонутъ...
Но вотъ опять всѣ звуки тонутъ
Въ ночномъ молчаніи... Луна
Изъ-за садовъ свой ликъ являла
И городъ сонный освѣщала.
Въ ту ночь казалась мнѣ она
Блѣдна и зла. Людьми забытый,
Къ стѣнѣ прижавшися, нѣмой,
Съ поникшей долу головой
Стоялъ я; злобой ядовитой
Томилася больная грудь, —
Мнѣ было негдѣ отдохнуть!
И о судьбѣ своей жестокой
Въ тиши я плакалъ одинокій;
Но нищему внималъ Алла;
Къ нему печаль моя дошла:
Онъ помощь мнѣ послалъ нежданно:
Вдругъ, вижу я, — передо мной
Старикъ съ дрожащей головой
Стоитъ; таинственно и странно
Мерцаетъ безпокойный взглядъ
Очей, луною озаренныхъ;
Въ устахъ, усмѣшкой искривленныхъ,
Зубовъ темнѣетъ черный рядъ...
И звуки вкрадчиваго слова

Я слышу въ тишинѣ ночной:
— О чемъ ты плачешь? — Я безъ крова.
— Кто ты? — Наказанный судьбой,
За то, что... — Удержись! Причину
Мнѣ знать не нужно; проходя,
Въ ночи твой плачъ услышалъ я
И захотѣлъ твою кручину
Совѣтомъ мудрымъ облегчить.
— Отстань, старикъ! Твое участье
Не нужно мнѣ; мое несчастье
Никто не властенъ исцѣлить!
— Смири порывъ гордыни ложной.
Вотъ кошелекъ; мой даръ ничтожный
Прими и слушай: средство есть
Въ печаляхъ вѣдать наслажденье,
И, позабывъ судьбы гоненье,
Съ отрадой бремя жизни несть.
Ты плачешь; но въ земной юдоли
Унынья, нищеты, заботъ
Алла спасенье подаетъ
Рабамъ его священной воли.
Алла могучъ! Гашиша дымъ
Для счастья нищихъ созданъ имъ!
Скорѣй же, горемъ отягченный,
Иди въ пріютъ уединенный,
Струю волшебную вдыхай,—
И тяжесть скорби безысходной

Съ души спадетъ, и, вновь свободный,
Ты на землѣ познаешь рай.

Сказалъ и быстро удалился,
Оставивъ даръ въ рукѣ моей...

Въ кофейнѣ огонекъ свѣтился, —
Шатаяся, побрелъ я къ ней.
Вошелъ... Средь дымнаго тумана
Сидѣли люди вкругъ кальяна.
Кто самъ съ собой велъ разговоръ,
Кто, на огонь уставивъ взоръ,
Въ торжественномъ оцѣпенѣньѣ,
Казалось, созерцалъ видѣнье;
Кто, мирно голову склонивъ
На грудь, въ дремоту погружался,
Кто пѣньемъ сладкимъ упивался...
Я сѣлъ угрюмъ и молчаливъ,
Чубукъ схватилъ рукою жадной,
Вдохнулъ гашиша дымъ отрадный
И дожидаться сталъ. Порой,
Объятъ невѣдомой мечтой,
Кофейни гость въ восторгѣ дикомъ
Вставалъ, и хохотомъ и крикомъ
Вертепъ убогій оглашалъ;
Тогда хозяинъ прибѣгалъ,
Чтобы унять безумца бранью;

Но, преданъ чудному мечтанью,
Окрестъ не видя ничего,
Счастливецъ презиралъ его
Ничтожный гнѣвъ и въ плясъ пускался.
Но вдругъ почудилося мнѣ,
Что самъ, какъ будто въ странномъ снѣ,
Я громкимъ смѣхомъ заливался.
Да гдѣ же горе? — Горя нѣтъ!
О чемъ я плакалъ такъ недавно?
На что сердился своенравно?
Мнѣ счастье нѣжный шлетъ привѣтъ!
Я все забылъ... я въ упоеньи...
То было райское мгновенье!
Я понялъ, что гашиша дымъ
Ужъ духомъ властвовалъ моимъ.

Быть можетъ, житель странъ холодныхъ,
Суровыхъ, темныхъ и безплодныхъ,
Не вѣдалъ ты въ снѣгахъ своихъ
О чудныхъ таинствахъ Востока?
Я разскажу тебѣ о нихъ,
Во славу Бога и Пророка.
Внимли-жъ словамъ моимъ, пришлецъ,
И вѣрь правдивому разсказу.
За слово лжи пускай Творецъ
Пошлетъ на плоть мою проказу,
Пусть изсушитъ источникъ водъ

Мнѣ на пути въ степяхъ горючихъ,
И облакомъ песковъ летучихъ
Мой трупъ истлѣвшій занесетъ!

Забывъ житейскія тревоги,
Унылыхъ мыслей не тая,
На войлокѣ, поджавши ноги,
Сижу я, веселъ, какъ дитя!
Куда ни обращаю взоры,
Повсюду дивные узоры
И разноцвѣтные ковры,
Роскошной Персіи дары;
Шелками шитые халаты,
Въ сіяньи золота чалмы,
За мигъ — и блѣдны, и темны,
Теперь — прекрасны и богаты, —
Пестрѣютъ ярко предо мной
Игривой, радужной красой.
А люди, люди! Не похожи
Они вдругъ стали на людей:
Забавный видъ! Какія рожи!
То сонмъ невиданныхъ звѣрей!
Одинъ вѣтвистыми рогами
Товарища бодаетъ въ бокъ;
Другой, съ руками и ногами
Въ ковровый спрятавшись мѣшокъ,
Клубочкомъ по полу катится;

Кто выросъ вдругъ до потолка,
А кто сталъ мельче паука...
Все пляшетъ, мечется, кружится —
Быстрѣй, быстрѣй — и, увлеченъ
Въ туманѣ дикаго вращенья,
Изъ глазъ теряю я видѣнья
И вдругъ, какъ-будто дальній стонъ,
Раздался звонъ.
Такъ чуденъ онъ,
Что, упоенъ,
Я въ сладкій сонъ
Имъ погруженъ.
И все кругомъ,
Объято сномъ,
Внимаетъ въ сумракѣ нѣмомъ,
Какъ, потрясая небосклонъ,
Несется онъ,
Тотъ дивный звонъ.

Звонъ — и широко раскрылись зѣницы!
Звонъ — я на волѣ; подулъ вѣтерокъ;
Звонъ — пробудилися пѣвчія птицы,
Алой зарей разгорѣлся востокъ.
Съ звономъ сливаются новые звуки:
Каплетъ роса съ оживленныхъ деревъ,
Вѣтви въ одеждѣ зеленыхъ листовъ
Манятъ меня, какъ мохнатыя руки,

Въ темныя сѣни роскошныхъ садовъ.
Ропщутъ тамъ воды — прозрачныя воды.
Къ нимъ, покидая узорные своды
Пышныхъ гаремовъ, веселой гурьбой
Жены эмира съ зарей прибѣгаютъ,
Пѣсни ихъ громкія страсть распаляютъ,
Будятъ желанья въ груди молодой...
Крѣпкія стѣны красу ихъ скрываютъ...
Но, какъ тигрица на гриву коня,
Бѣшено на стѣну кинулся я.

Прыгнулъ — и вотъ за ревнивой оградой
Жадно дышу благовонной прохладой;
Спрятавшись въ чащѣ кудрявыхъ кустовъ,
Жду я видѣній; но тѣхъ голосовъ,
Что долетали ко мнѣ за мгновенье,
Смолкло волшебно-лукавое пѣнье.
Все въ неподвижно-нависшихъ садахъ
Пусто... Но чу! Недалеко въ кустахъ
Слышится шопотъ, призывъ потаенный:

«Спѣши, мой яхонтъ драгоцѣнный,
Ко мнѣ, ко мнѣ! Я здѣсь одна;
Тревогой грудь моя полна.
Я жажду наслажденій новыхъ,
Безумныхъ, молодыхъ страстей.
Я ускользнула отъ очей

Эмира евнуховъ суровыхъ,
Чтобъ убѣжать съ тобою въ даль.
Ужель тебѣ меня не жаль?
Я молода... не въ силахъ долѣ
У старика скучать въ неволѣ;
Возьми меня, люби меня.
Ты смѣлъ и молодъ — я твоя!»

И та, чей голосъ соловьиный
Меня такъ чудно призывалъ,
Явилась мнѣ, и станъ змѣиный
Къ груди съ весельемъ я прижалъ.
Меня отталкивали руки.
«Боюсь... ступай...» шепталъ языкъ,
«Не уходи»! съ улыбкой муки
Молилъ откинувшійся ликъ.
Я видѣлъ взоръ сердито-нѣжный
Сквозь сѣть опущенныхъ рѣсницъ:
Пылалъ онъ страстію мятежной,
Какъ туча, полная зарницъ!
Я чуялъ сердца трепетанье
(Такъ голубь бьется молодой
Въ когтяхъ орла, еще живой)...
И жгло меня любви дыханье,
Какъ вихрь пустыни въ страшный часъ,
Когда, играя и кружась,
Самумъ съ полудня налетаетъ

И караваны заметаетъ
Горячей пылью... Чудный сонъ!
Какъ дымъ мгновенный, скрылся онъ.
Въ волнахъ нежданныхъ тьмы глубокой
Призывъ промчался одинокій,
Прощальный, безпомощный стонъ!
И страхъ предъ местію жестокой
Внезапно душу обуялъ...
То было краткое мгновенье;
Но непостижное мученье
Я въ то мгновенье испыталъ!
Темницы тѣсной мракъ и холодъ,
Терзанье пытки, жажду, голодъ,
Неумолимый гнетъ оковъ...
Казалось, острія штыковъ
Вонзались въ плоть мою; и враны
Потомъ мои терзали раны,
Я погибалъ!... И вдругъ на мигъ,
Среди ужаснаго мечтанья,
Во мнѣ проснулся лучъ сознанья,
Въ кофейнѣ я услышалъ крикъ:
«Вяжи его» — и въ то-жъ мгновенье
Я навзничъ съ грохотомъ упалъ,
И кто-то руки мнѣ связалъ, —
И вновь насмѣшки, брань и пѣнье...
Но скоро въ вихрѣ новыхъ думъ
Исчезъ земли презрѣнный шумъ.

И чую я — крылья ростуть за плечами,
Орлиныя крылья! И тучи кругомъ
Таинственно шепчуть, несутся клубами...
Вдругъ молніи блескъ, оглушительный громъ...
И мчусь я въ пространствѣ, обвитый грозою,
Любуюся съ неба далекой землею.
Тамъ лентой серебристою вьется рѣка,
Въ ней такъ же, какъ въ небѣ, бѣгутъ облака,
Склонившись на берегъ, аулъ одинокій
Задумчиво дышетъ прохладой волны,
А справа и слѣва по степи широкой
Пасутся киргизскихъ коней табуны.
И вижу я въ дымкѣ степного тумана —
Торжественно движется цѣпь каравана.
Мнѣ слышится шорохъ песчаныхъ зыбей,
Шаганье верблюдовъ и ржанье коней;
Цвѣтистой, сверкающей, длинною цѣпью
Плывутъ, извиваясь надъ желтою степью,
Лѣниво колеблясь, взрывая пески,
И ярко на солнцѣ бѣлѣютъ тюки;
А черные кони, какъ черныя тучи,
То медлятъ, то мчатся, послушно-могучи.
Вотъ близится всадникъ... Отецъ мой, отецъ!
Тебя я узналъ! Посмотри, твой птенецъ,
Давно отъ гнѣзда непогодой отбитый,
Тобою, быть можетъ, уже позабытый
Опять отыскался... Тебя онъ зоветъ,

Къ тебѣ онъ летитъ... Но безплоденъ полетъ:
Скрывается призракъ степного обмана
И нѣтъ ужъ верблюдовъ, коней, каравана...

Безлюдно все снова вокругъ.
Не бьются усталыя крылья,
Съ уныньемъ и стономъ безсилья
На землю я падаю вдругъ.
И снова одинъ,
Средь мертвыхъ равнинъ,
Лежу на пескѣ
Въ безмолвной тоскѣ,
А хищникъ степной,
Орелъ, надо мной
Летаетъ, кружитъ,
Въ глаза мнѣ глядитъ —
И, страхомъ объятъ,
Я понялъ тотъ взглядъ.

Онъ говорилъ съ насмѣшкою спокойной:
«Усни, усни недвижнымъ, мертвымъ сномъ!
Пусть солнца лучъ въ степи пылаетъ знойной:
Накрою я тебя своимъ крыломъ.

Зачѣмъ держать въ умѣ пустыя грезы?
Зачѣмъ блеститъ въ глазахъ твоихъ слеза?
Я съѣмъ твой умъ, твои я выпью слезы,
Я выклюю ненужные глаза.

Мятежныя волнуютъ сердце страсти—
Я сердце отыщу въ груди твоей
И выну вонъ, и разорву на части;
Оно умретъ для горя и страстей!

И звѣрь придетъ, прожорливый и смѣлый,
И хлынетъ дождь, и вѣтеръ набѣжитъ;
Надъ грудою костей, сухой и бѣлой,
Вновь солнца лучъ веселый заблеститъ.

Но и тогда тебя я не покину:
И день, и ночь, орелъ сторожевой,
Я стану крикомъ оглашать равнину
И охранять костей твоихъ покой!»

Я молча внималъ.
Орелъ подлеталъ
Все ближе ко мнѣ...
Но вдругъ въ тишинѣ
Дрогнула степь, поднимается ропотъ,
Шумъ и оружій бряцанье, и топотъ.
Вижу: несутся, какъ вѣтеръ легки,
Всадники... Врагъ!.. Ты творишь ли молитвы?
Сабли ихъ остры; какъ лѣсъ, бунчуки
Подняты, вьются—предвѣстники битвы.
«Полно, товарищъ, покоится, встань!
Воину-ль время терять за мечтами?
Вотъ тебѣ конь и оружье; за нами

Ты поспѣши на великую брань.
И кони съ весельемъ заржали, и въ сѣчу
Быстрѣе крылатыхъ, погибельныхъ стрѣлъ
Помчались невѣрнымъ гяурамъ навстрѣчу...
И сталь засверкала, и бой загудѣлъ.
Вихрь пыли и крови взвился надъ землею:
Мелькаютъ въ немъ головы пестрой толпою,
Но вотъ, перегнувшись на бѣломъ конѣ,
Невѣдомый всадникъ несется ко мнѣ:
Блеститъ его сабля, звенятъ его шпоры, —
То русскій, то врагъ! Наши встрѣтились взоры...
Грозя мнѣ, привсталъ онъ на легкомъ сѣдлѣ;
Ужъ вижу морщины на старомъ челѣ,
Нарядъ боевой и на бляхахъ насѣчку,
И красныя ноздри коня, и уздечку...
Мгновеніе — и бой загорится на смерть.
Я дрогнулъ... Взглянулъ на далекую твердь:
Тамъ, съ пристальнымъ взглядомъ, зловѣще-унылый,
Надъ битвой парилъ Азраилъ длиннокрылый;
Казалось, онъ въ битвѣ кого-то искалъ...
Нашелъ — и, сраженный, съ коня я упалъ!
И конь мой, испуганъ, взвился надо мною,
Какъ буря, дыша и гремя въ вышинѣ.
Взвился, покачнулся и черной скалою
Внезапно застылъ. И почудилось мнѣ,
Что неба достигъ головой онъ косматой,
Что бой раздавилъ онъ, что грудью подъятой

Затмилъ лучезарное солнце. Вокругъ
Все тѣнью ночною покрылося вдругъ,
И звѣзды блеснули, и мѣсяцъ далекій,
Серпомъ перегнувшись, въ лазури глубокой
Повиснулъ, янтарною тучкой обвитъ.
Гляжу — то не конь надо мною стоитъ,
То дикій утесъ при лунѣ серебристой
Вздымается гордо стѣной каменистой.
Онъ дремлетъ... Но сумракъ окрестный гудитъ,
Гудитъ голосами, и плескомъ, и ревомъ...
Все громче и громче! И въ ужасѣ новомъ
Я вспрянулъ, взглянулъ—вѣрь ты мнѣ иль не вѣрь,—
Но цѣлое море, щетинясь, какъ звѣрь,
Объемля всю землю отъ края до края,
Мильонами волнъ и дымясь, и сверкая,
Бѣжало, какъ войско на приступъ, ко мнѣ.
Взметая и пѣну, и брызги, и пламень...
Дрожащей рукой ухватившись за камень,
Не въ силахъ отъ пропасти глазъ отвести,
Висѣлъ я въ пространствѣ. Одежды мои,
Какъ крылья подстрѣленной птицы, метались,
Мнѣ били въ лицо, трепетали и рвались...
И видѣлъ я праздникъ подводныхъ духовъ:
Они веселились въ пучинѣ просторной;
На каждой волнѣ прыгалъ карликъ проворный,
Билъ въ бубны, коверкался на сто ладовъ,
Плевалъ на меня въ вышину и смѣялся,

Нырялъ и опять на поверхность являлся.
И видѣлъ я глубь океана, и рыбъ
Чешуйчатыхъ, малыхъ, большихъ и громадныхъ,
Вертлявыхъ и пестрыхъ, холодныхъ и жадныхъ,
Стадами бродившихъ вкругъ каменныхъ глыбъ.
И въ шумномъ приливѣ тонули тѣ глыбы,
Все ближе и ближе являлись мнѣ рыбы.
Ужъ карлы, скача на упругихъ волнахъ,
Руками старались поймать мои ноги;
Лишь мѣсяцъ далекій, не зная тревоги,
Все ярче и ярче блисталъ въ небесахъ,
И звѣзды спокойно мерцали въ лазури,
Гдѣ нѣтъ ни морей, ни утесовъ, ни бури!
И слышалъ я стоны народовъ земныхъ,
Съ полудня, съ полночи, съ заката, съ востока, —
Все гибло въ кипящихъ пучинахъ морскихъ,
Все звало на помощь Аллу и Пророка!
Но черная туча на небѣ взвилась,
Какъ призракъ, махая краями одежды;
И скрылися звѣзды, и мѣсяцъ погасъ —
Послѣдняя искра послѣдней надежды;
И грянулъ впотьмахъ надъ вселенною громъ,
И голосъ побѣдный послышался въ немъ:
    «Вотъ слово Мудраго, — Того,
    Кто сотворилъ моря и сушу:
    Рабы презрѣнные! Чего
    Хотите вы? Я міръ разрушу,

Я новый въ мигъ опять создамъ,
Но въ немъ, отверженцы Пророка,
Клянусь зрачкомъ десного ока,
Уже не будетъ мѣста вамъ!
Не надувайтесь же гордыней,
Отвѣтьте мнѣ: гдѣ ваша мощь?
Вы зрѣли тучу надъ пустыней,
И говорили — это дождь.
Лжецы! То вихрь, несущій кару;
Готовьтесь къ грозному удару,
Дрожите, падайте во прахъ!..
Зачѣмъ такъ исказились лики?
Что означаютъ эти крики?
Я отвѣчаю: это страхъ
Творившихъ зло и преступленья;
Въ великій день суда и мщенья
Они ничто въ моихъ глазахъ!
Я ослѣплю ихъ всѣхъ туманомъ,
Я затоплю ихъ океаномъ,
Я жаръ вдохну въ тотъ океанъ, —
Они погибнутъ въ мукахъ ада;
Но ждетъ великая награда
Того, кто въ жизни чтилъ Коранъ!» *)
Умолкъ — и міръ поколебался,
И въ черномъ вихрѣ я помчался,

---

*) Подражаніе Корану.

Куда — не знаю! Предо мной,
Мгновенно слившись въ рой летучій,
Огонь и мракъ, и дымъ, и тучи,
Мелькали съ дикой быстротой,
Безумнымъ хоромъ оглушая,
Свистя, шипя и завывая,
Какъ будто сонмы злыхъ духовъ
Слетались съ четырехъ концовъ,
На праздникъ гибели вселенной.
Но снова грянулъ громъ священный —
Въ мигъ шумъ смѣнился тишиной,
Умчался ночи мракъ безсильный,
Разлился свѣтъ волной обильной...
Но гдѣ же я... и что со мной?

Я былъ въ раю!... Крылатый рой видѣній
Слетѣлъ ко мнѣ для страстныхъ наслажденій,
Для радости и нѣги, для любви,
Не знающей печали и разлуки.
Небесный свѣтъ, небесныхъ пѣсенъ звуки!
Я слушалъ... я глядѣлъ... въ уста мои
Лилось вино небеснаго веселья,
И въ облакѣ волшебнаго похмѣлья
Мнѣ слышалось: «Вкушай, вдыхай, лови —
Все для тебя!—плоды, цвѣты, лобзанья
Покорныхъ дѣвъ... Улыбки ихъ очей,
Ихъ ласки, ихъ напѣвы, ихъ желанья...

О, не страшись? Огня въ груди твоей
Не утолятъ блаженныя мгновенья:
Здѣсь въ счастьи нѣтъ отравы пресыщенья,
Какъ нѣтъ измѣнъ, притворства и цѣпей!»
И я открылъ и взоры, и объятья
Для счастья...
Но что же это?... Ночь?
Дрожащій свѣтъ... толпа... кофейня?!... Прочь!
Прочь съ глазъ моихъ вы, призраки проклятья,
Противный соръ противной мнѣ земли!
Какъ смѣли вы явиться! Какъ могли
Вы заслонить собой картины рая?
Гашишъ, спаси!... О, дайте!..
И, срывая
Веревки съ рукъ моихъ и ногъ,
Хотѣлъ вскочить я — и не могъ!
Взглянулъ — и стыдъ объялъ меня:
Одежда ветхая моя
Была разодрана въ клочки.
Да гдѣ-жъ чалма?.. гдѣ башмаки?
Гдѣ кошелекъ — случайный даръ?
Все, все похищено!.. Угаръ
Надъ распаленной головой
Носился смутною волной;
Но ужасъ жизни созналъ я
И слезъ потокомъ залился!

Пришлецъ! Съ тѣхъ поръ промчались годы.
Поденщикъ, нищій, рабъ людей,
Влачу безъ цѣли, безъ свободы
Я бремя долгихъ, тяжкихъ дней;
Привыкъ я къ брани и презрѣнью,
Кормлюсь работой кое-какъ...
Но лишь съ небесъ отрадный мракъ
На землю падаетъ, и тѣнью,
Какъ черной ризой облаченъ,
Базаръ впадаетъ въ мирный сонъ,
Забытый всѣми, гнусный парій,
Зажавъ въ рукѣ дневной динарій,
Спѣшу въ кофейню я, и тамъ
До утра предаюсь мечтамъ...
Пора! Ты видишь, солнце сѣло,
Томится духъ, устало тѣло...
Пришлецъ! Не хочешь ли со мной
Ты испытать гашиша чары?
Пойдемъ... Смѣешься?.. Богъ съ тобой!
Прощай... Но если бы удары
Судьбы жестокой на тебя
Обрушились, и жизнь твоя
Нежданнымъ горемъ омрачилась,
Припомни, что со мной случилось...
Алла могучъ—гашиша дымъ
Для счастья нищихъ созданъ имъ!

СКУКА

(1875)

СКУКА.

(Отрывокъ изъ дневника).

И мракъ, и сонъ — терпѣнья нѣтъ!
Напрасно мысль рѣшеній проситъ —
Теченье жизни не приноситъ
Ни пораженій, ни побѣдъ.
Воспоминанья стыдъ наводятъ,
Надеждъ не видно и слѣда;
Часы летятъ, и дни проходятъ,
И молча крадутся года.
Подъ вечеръ сладостно зѣвая,
Мы завтра ничего не ждемъ,
И скука — скука роковая
Одна надъ всѣмъ царитъ кругомъ!

Что-жъ дѣлать? — спать? иль равнодушно
Ѣсть, пить, глазѣть по сторонамъ,

Пастись безвредно и послушно
По тощимъ нивамъ и лугамъ;
Иль, тяжкую стряхнувъ дремоту,
Съ плеча приняться за работу
И «новь» тяжелую пахать? —
Въ умѣ безплодно создавать
Невоплотимые обманы...
Иль длинные писать романы,
Иль пѣть любовь... Не все-ль равно?
Все это не худое дѣло,
Да въ томъ бѣда, что надоѣло
И ужъ осмѣяно давно,
Въ насъ нѣтъ ни юности, ни вѣры,
Ни силъ, ни знанья, ни любви;
Мы убѣжденья всѣ свои
Не ставимъ въ грошъ. Къ чему примѣры?
Мы праздно жили и живемъ
И скука намъ порукой въ томъ.

Всепобѣждающая скука,
Ты стала общей госпожой!
Плачъ совѣсти, сомнѣній мука
Давно покорены тобой.
Въ тебѣ одной вся правда нынѣ;
Ты, — жизни цѣль и идеалъ —
Объемлешь, какъ самумъ въ пустынѣ,
И топишь, какъ девятый валъ!

Что юность, пылкость, жажда счастья,
Кипѣнье въ молодой крови,
Порывъ къ свободѣ и любви?..
Нахлынешь ты — и безъ участья
Холодной и слѣпой волной
Ихъ скроешь въ глубинѣ нѣмой,
Откуда къ жизни нѣтъ возврата!
Священнымъ трепетомъ объята
Моя душа передъ тобой —
Я вѣрный рабъ отнынѣ твой.
Къ тому-жъ, во слѣдъ тебѣ блуждая,
Куда ни заглянулъ-бы я,—
Вездѣ ты дома, всѣмъ родная,
Всѣ двери настежъ для тебя!
Намедни въ чопорной гостинной
Мы повстрѣчалися съ тобой.
Ты гостьей важною и чинной
Сидѣла; вкругъ тебя толпой
Вилися дамы и мужчины...
Въ ихъ тусклыхъ лицахъ и рѣчахъ
Мнѣ отражались, какъ въ водахъ,
Твои недвижныя морщины,
Твой взглядъ упорный, какъ упрекъ,
И скрытый вѣжливо зѣвокъ.
Вотще хозяйка молодая,
Гостей искусно занимая,
Борьбу на смерть съ тобой вела —

Непобѣдима ты была!
Вотще смѣнялися забавы:
Романсы пѣлись, генералъ
Вопросъ восточный разрѣшалъ,
Поэтъ читалъ свои октавы —
Всѣмъ было скучно — отчего?
Никто не могъ понять того,
И каждый думалъ одиноко:
Да чортъ ли мнѣ въ судьбѣ Востока!
Въ красѣ октавъ et cetera!
Ахъ, отпустите — спать пора!
А между тѣмъ языкъ привычный
Болталъ, злословилъ, клеветалъ,
«Charmant» —привычно повторялъ —
Ну словомъ, вечеръ былъ приличный,
И мерзли чуть не до утра
Передъ подъѣздомъ кучера...

Въ гостиныхъ я привыкъ, смиренно
Въ углу безмолвствуя, зѣвать;
Иль втихомолку дерзновенно
Собранье мыслью покидать
И уноситься въ отдаленье.
Въ тотъ вечеръ, Богъ вѣсть почему,
Воображенью моему
Предстало мрачное видѣнье.
Иная скука въ немъ была!

Она манила и звала
Къ себѣ на помощь; сердце ныло.
Поникнувъ головой уныло,
Забытъ скучающей толпой
Я перенесся въ край родной.

Я слышалъ вьюги завыванье
Вокругъ пустынныхъ деревень,
Я видѣлъ томное мерцанье
Лучинъ, сквозь ночи зимней тѣнь;
Холмы и горы снѣговыя,
Морозъ, мятель и мракъ кругомъ,
Да лица хмурыя, худыя
Въ убогихъ хатахъ предъ огнемъ...
Вотъ, съ тяжкою борясь дремотой,
Согнулась баба надъ работой.
Веретено ея жужжитъ,
Тоску — печаль наводитъ злую.
Мужикъ угрюмо чинитъ сбрую,
Въ качалкѣ дѣтище кричитъ.
Ползутъ часы труда и скуки
Въ молчаньи мертвомъ въ дымной мглѣ,
Но вотъ и ужинъ на столѣ
Явился; трудовыя руки
Взялись за ложки... Хлѣбъ, вода,
Квасъ кислый — ужинъ хоть куда!
За все благодаренье Богу.

Всѣ напитались понемногу;
Трапезу кончивъ, поднялись,
На полки утварь посовали,
Перекрестились, повздыхали
И вновь за дѣло принялись.
И вновь безмолвье, трескъ лучины,
Докучный шумъ веретена,
Покой безпомощной кручины,
Стенанье вѣтра у окна,
Морозъ и вьюга надъ полями,
Луна средь дымныхъ облаковъ,
И на дворахъ за воротами
Унылый лай голодныхъ псовъ...

. . . .

. . . .

— Да полно вамъ мечтать! Ужели
Все сочиняете стихи? —
Такъ прервала мечты мои
Хозяйка. Мигомъ улетѣли
Мечты всѣ прочь! Передо мной
Она стояла, молодая,
Нарядомъ и красой блистая,
Съ поднятой гордо головой.
Гостей окинувъ томнымъ взглядомъ,
Она со мною сѣла рядомъ
И мнѣ шепнула: «Боже мой,
Какъ это все мнѣ надоѣло!

Какъ скучно, скучно! — Ваше дѣло
Меня разсѣять... Вотъ альбомъ.
Безъ долгихъ размышленій въ немъ
Стихи на память мнѣ впишите —
Экспромтъ, признанье — что хотите;
Любезность, дерзость — все равно,
Лишь только было бы смѣшно».
И, злобой тайной вдохновенный,
Альбомъ я въ руки смѣло взялъ,
И въ немъ красавицѣ надменной
Желанья сердца написалъ:

«Скучай — ты создана для скуки;
Тебѣ иного дѣла нѣтъ.
Ломай и голову, и руки —
Тебѣ на все одинъ отвѣтъ!»

«Скучай въ тиши уединенья,
Влача досугъ ненужныхъ дней;
На празднествахъ, при звукахъ пѣнья,
При блескѣ камней и огней».

«Скучай, словамъ любви внимая,
Во тьмѣ сердечной пустоты,
Привѣтомъ лживымъ отвѣчая
На ложь и праздныя мечты».

«Скучай! — Съ рожденья до могилы
Судьбою путь начертанъ твой:
По каплѣ ты истратишь силы,
Потомъ умрешь... И Богъ съ тобой!»

. . . .

СТАРИКИ

(1877)

СТАРИКИ.

I.

Былъ долгій миръ; намъ было скучно;
Дремали мы въ тоскѣ нѣмой,
Сквозь сонъ внимая равнодушно
Европы шумъ, для насъ чужой.
Намъ опротивѣли не въ мѣру
И рѣчь, и думы о себѣ;
Мы потеряли бодрость, вѣру;
Мы, молча, предались судьбѣ.
Безъ грёзъ, безъ смѣха, безъ печали,
Поникнувъ праздно головой,
Впередъ глядѣть мы перестали,
Махнувъ на прошлое рукой!
И вдругъ, средь мертваго молчанья

Вдали раздался внятный стонъ,
Призывъ на помощь, вопль страданья, —
Предсмертный вопль!..
Что значитъ онъ?
Чьи это кровь, тѣла, могилы?..
Очнулись мы!... Дремавшей силы
Нежданно поднялась волна.
Какъ возмущенная стихія,
Забушевала вся Россія,
Негодованія полна,
И грянулъ кличъ: война, война!

Война! Широко прокатился
Надъ Русью громовой раскатъ.
Столичный людъ засуетился,
Въ избѣ мужикъ перекрестился;
Богачъ и нищій, старъ и младъ,
Стряхнули разомъ всѣ дремоту,
Войны великую заботу
Почуя на душѣ. Москва —
Россіи сердце—въ страсти шумной,
И Петербургъ благоразумный —
Россіи гордая глава—
Уѣзды, дальнія селенья, —
Пріюты сна и запустѣнья —
Все пробудилося, какъ встарь,
Въ борьбы тяжелыя годины,

И самъ въ средѣ своей дружины
Походъ свершаетъ Русскій Царь.

Но бранный призракъ дикъ и страшенъ;
Вокругъ него проклятья, стонъ.
Какъ хищникъ, кровью мерзкихъ брашенъ
Упитанъ и обрызганъ онъ.
Быть можетъ, полный вдохновенья,
Иной грядущихъ дней поэтъ
Прославитъ подвиги, сраженья
И громъ эпическихъ побѣдъ.
Моихъ стиховъ не громки звуки
Полетъ мой ниже и скромнѣй:
Иныя радости и муки
Найдутъ отвѣтъ въ груди моей.
Не берегъ синяго Дуная,
Не кручи темныя Балканъ,
Не войскъ шумящій пестрый станъ,
Не жизнь героевъ боевая;
Нѣтъ, признаюсь, манитъ мой взоръ
Иная тусклая картина:
Родной мнѣ чудится просторъ,
Однообразная равнина;
Надъ мутной рѣчкой барскій домъ,
Пять старыхъ липъ — остатокъ сада,
Дорожка, сгнившая ограда,
Строенья ветхія кругомъ —

Конюшня, скотный дворъ, людская;
А дальше... дальше глушь родная —
Поля, болота, пустыри,
И въ вышинѣ, въ лазури ясной,
Невозмутимый и безстрастный
Свѣтъ угасающей зари.

II.

Весенній вечеръ меркнетъ тихо.
Помѣщикъ бодро на крыльцо
Выходитъ. Смуглое лицо
Его воинственно и лихо.
Онъ старъ, зарей освѣщены
На головѣ его сѣдины,
На лбу и на щекахъ морщины;
Но всѣ движенія полны
Какой-то силы необычной...
Въ глазахъ зловѣщій огонёкъ,
Въ петлицѣ бѣлый орденокъ...
«Эй ты, Василій!» Голосъ зычный
И грубый, какъ команды крикъ,
Звучитъ въ тиши вечерней тѣни
И палкой о крыльцо ступени
Нетерпѣливо бьетъ старикъ.
За нимъ, наморща носъ плаксиво,
Глотая слезы торопливо

И спотыкаясь о порогъ,
Бѣжитъ старуха... «Ахъ, мой Богъ!
Съ ума ты спятилъ, въ самомъ дѣлѣ?
Куда тебѣ?» — и въ попыхахъ
Толкаетъ мужа. Горе, страхъ
Въ ея лицѣ; на тощемъ тѣлѣ
Одежда немощно дрожитъ...
«Послушай, иль тебѣ не жалко
Меня?» А онъ упрямо палкой,
Не слушая, въ крыльцо стучитъ.
Въ конюшнѣ шевельнулось что-то;
Конь фыркнулъ, скрыпнули ворота,
Шаги послышались — и вотъ,
Свой, на ходу, тулупъ дырявый
Рукой запахивая правой,
А лѣвой прикрывая ротъ,
Василій заспанный идетъ.
«Чего вамъ?» — и старуха сзади
Рукою машетъ — молъ, уйди!
И къ мужу: «Полно, Бога ради!
Оставь»; а старецъ впереди
Стоитъ съ усмѣшкою спокойной.
Онъ гордъ, онъ думаетъ о томъ,
Какъ въ дни былые подъ огнемъ,
Средь мертвыхъ тѣлъ, въ толпѣ нестройной,
Онъ съ бастіона отбивалъ
Колоннъ французскихъ приступъ ярый!

Въ немъ вновь воскресъ воитель старый.
И страстный помыселъ шепталъ
Ему: «Спѣши, пока есть сила,
И тутъ, и тамъ близка могила,
Къ чему дни ветхіе беречь?»
Внимая шепотъ тотъ лукавый,
Старикъ прельстился бранной славой,
Какъ юноша!... Свой ржавый мечъ
Поднять онъ снова замышляетъ,

Старуху Богу поручаетъ,
А самъ спѣшитъ проситься въ строй,
Въ свой старый полкъ, въ привычный бой.

Съ просонья хмурясь и зѣвая,
Косясь въ полглаза на востокъ,
Откуда поздній вѣтерокъ,
Струею свѣжей набѣгая,
Ему студилъ лицо и грудь,
Василій ждалъ... «Знать, завтра въ путь» —
Гадалъ онъ... — Баринъ встрепенулся;
Отъ думъ очнувшись, какъ отъ сна,
Взглянулъ: — на лѣстницѣ жена
Въ ногахъ лежитъ... Онъ отвернулся
И отошелъ. Такъ на поляхъ,
Когда предъ нимъ солдатъ убитый
Свернувшись падалъ, или прахъ
Рылъ въ лютой мукѣ, — взоръ сердитый

Онъ опустивъ впередъ бѣжалъ,
Туда, гдѣ больше было шума,
Гдѣ умолкала злая дума
И призракъ страшный исчезалъ.

И нынѣ, отойдя отъ двери,
Кричалъ онъ громче свой приказъ:
«Конямъ овса по полумѣрѣ
Отсыпать... смазать тарантасъ;
Да чуръ...» И взглядъ сверкнулъ сурово —
«Чтобъ завтра, въ полдень все готово
Къ отъѣзду было»! — Вопль глухой
Съ крыльца раздался. — За рѣкой,
Въ дали невѣдомой, туманной
Какой-то звукъ пронесся странный,
Печальный вздохъ полей и нивъ,
Не то — отвѣтъ, не то — призывъ!
На небѣ звѣздъ зажглися очи,
Дохнуло холодомъ съ рѣки;
Но долго, долго старики
Потомъ сидѣли въ мракѣ ночи,
Обнявшись на крыльцѣ вдвоемъ,
Въ раздумьи нѣжномъ и нѣмомъ.
Она тихонько горевала,
Онъ вспоминалъ о дняхъ былыхъ;
А ночь ихъ тѣнью обнимала,
Какъ двухъ счастливцевъ молодыхъ.

III.

Заутро старики разстались.
Осталась барыня одна
Въ печальномъ домѣ. Дни помчались —
Дни страха и надеждъ! Весна
Отбушевала, отшумѣла,
Свои всѣ пѣсни перепѣла.
И унеслась къ другимъ краямъ,
Безпечнѣй перелетной птицы.
Настало лѣто. Ужъ зарницы
Надъ нивами по вечерамъ
Въ тиши таинственной мерцали,
Коростели во ржи кричали;
Домой крестьянинъ воротясь
Съ косьбы тяжелой, въ поздній часъ
На камень предъ избой садился
И правилъ косу; ровный стукъ
Въ поляхъ далеко разносился;
Потомъ стихало все вокругъ,
Объято краткою дремою;
Потомъ опять рождался день.
И такъ средь мирныхъ деревень
Все шло обычной чередою,
Межъ тѣмъ, какъ тамъ, вдали—война,
Убійствъ и гибели полна,

Неудержимо разгоралась
Грознѣй и шире каждый часъ!
Вотъ имя Плевны въ первый разъ
Въ устахъ зловѣщее промчалось,
И горе черное, какъ дымъ,
На Русь спустилось вслѣдъ за нимъ

Внимая слухъ о каждой битвѣ,
Дрожитъ старуха; на молитвѣ
Стоитъ и плачетъ во всю ночь;
Прочтетъ акафистъ, повздыхаетъ,
Вздремнетъ, очнется, вновь читаетъ,
И стало дома ей не въ мочь
Вѣстей желанныхъ дожидаться.
Она рѣшилась перебраться
Въ уѣздный городъ; наняла
Квартиру тамъ недорогую;
Анисью — ключницу сѣдую
Съ собою для услугъ взяла.
И вотъ усадьба опустѣла,
Безлюденъ сталъ пріютный домъ,
Гдѣ баринъ съ барыней вдвоемъ
Въ заботахъ будничнаго дѣла
Старѣли мирно. Кто-бъ сказалъ,
Что бурной жизни треволненья
Достигнутъ до того селенья!
Что налетитъ нежданный шквалъ,

Нарушитъ миръ, стихійной силой
Разлучитъ — гнѣвенъ и суровъ —
Уже склоненныхъ надъ могилой
Сѣдыхъ, усталыхъ стариковъ;
Подъ кровъ ихъ ветхаго жилища
Тревогу юности вдохнетъ
И отъ сосѣдняго кладбища
На смерть въ чужбину унесетъ!

Уже конецъ приходитъ лѣту.
Ненастной, сѣрой пеленой
Сентябрь повисъ надъ головой.
Вотъ вечеръ настаетъ. Газету,
Насупясь, щурясь сквозь очки,
Не пропуская ни строки,
Старуха при огнѣ читаетъ;
Анисья, молча, ей внимаетъ.
Увы, работа не легка!
Дрожитъ огонь, дрожитъ рука,
Дрожитъ и гнется листъ широкій,
Пестрѣя, путаются строки;
Въ глазахъ туманъ; слеза порой
Дрожитъ, повиснувъ на рѣсницѣ.
Сморгнетъ старуха, и къ страницѣ
Приникнетъ ближе головой
И все читаетъ... Страшно что-то
Ей вдругъ становится... «Вотъ, вотъ,

Еще о Плевнѣ рѣчь! «Съ высотъ
Тогда подвинулася рота...»
«Нѣтъ, все не то! Постой, постой!
Анисья, подержи поближе
Мнѣ свѣчку — прочитаю ниже...
Вотъ здѣсь — убиты — кто такой?
Не разгляжу!.. «Подъ Плевной въ дѣлѣ
Убиты...»
И померкнулъ взоръ.
Анисья съ свѣчкою въ упоръ
Глядитъ; котенокъ на постелѣ
Мурлычитъ громко; подъ окномъ
Во тьмѣ холодной и ненастной
Шумитъ погода, вихрь съ дождемъ
Стучатъ назойливо и страстно...
Старуха вздрогнула... глядитъ...
Какъ будто что припоминаетъ...
Шурша газета выпадаетъ
Изъ рукъ ея... «Убитъ, убитъ!»

IV.

Прошло три мѣсяца безъ мала.
Не воротилася домой
Вдовица горькая. Сначала
Врасплохъ застигнута бѣдой,

Она безъ слезъ съ утра день цѣлый
Сидѣла праздно подъ окномъ
Въ оцѣпѣненіи нѣмомъ.
Съ волосъ чепецъ сбивался бѣлый,
Сѣдины падали на лобъ,
И кацавейка съ плечъ спадала —
Она того не примѣчала!
Въ постелю вечеромъ, какъ въ гробъ,
Не раздѣваяся, ложилась;
Потомъ совсѣмъ занемогла,
Безъ пищи въ забытьи дремала,
Въ бреду все мужа поминала,
И мертваго домой звала.
Тогда-то съ дальняго Дуная,
Какъ лучъ сквозь сумракъ и туманъ,
Сверкнула вѣсть: сдался Османъ
И пала Плевна роковая!
Народной радости потокъ
Широко, шумно разливался.
Въ глуши убогій городокъ
Повеселѣлъ, заволновался;
Другъ другу каждый несъ привѣтъ.
Былъ вечеръ. Плошекъ красный свѣтъ
Сквозь дымъ пылалъ передъ домами;
Народъ по улицамъ толпами
Бродилъ всю ночь, и до утра
Гремѣли пѣсни и «ура!»

Ура, ура! — и вдругъ въ полночи
Старуху пробудилъ тотъ крикъ;
Прислушалась, открыла очи...
«Анисья», прошепталъ языкъ,
«Что тамъ такое?»—«Плевну взяли»,
Анисья сонная въ отвѣтъ
Пробормотала. Странный свѣтъ
Мерцалъ предъ окнами; звучали
Лихія пѣсни, смѣхъ—и вотъ
Воскресло въ головѣ сознанье...
Убитъ! раздалося стенанье,
Ура! въ отвѣтъ кричалъ народъ!
То былъ ли бредъ, иль сновидѣнье —
Богъ вѣсть!—страдалицѣ больной
Всей Руси внятно стало пѣнье,
Гигантскій смѣхъ и пиръ горой!
Деревни, города, столицы,
Толпы несмѣтныя людей,
Полковъ блестящихъ вереницы,
Мильоны плошекъ и огней —
Все разомъ предъ глазами встало...
Все ликовало, все кричало,
Вблизи, вдали, со всѣхъ сторонъ,
Облито счастья яркимъ свѣтомъ —
И въ необъятномъ счастьи этомъ
Безслѣдно замеръ смерти стонъ!

СМЕРТЬ СВЯТОПОЛКА

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА

(1878)

СМЕРТЬ СВЯТОПОЛКА.

Драматическая сцена.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Святополкъ Окаянный (Великій князь Кіевскій).

Схимонахъ **Варѳоломей.**

Строитель скита пустынножителей, старецъ **Иринархъ.**

1-й
2-й } Дружинники Святополка.

Дѣйствіе происходитъ въ 1019 году, послѣ пораженія Святополка войсками Ярослава въ битвѣ при Альтѣ. Внутренность келіи схимника въ лѣсу между Чехіей и Лехіей. Направо въ углу предъ иконами аналой и на немъ горящій свѣтильникъ. Ближе къ иконамъ открытый гробъ, крышка котораго стоитъ прислоненная къ стѣнѣ. Ночь. Гроза.

Схимонахъ Варѳоломей стоитъ предъ аналоемъ и читаетъ божественную книгу.

ВАРѲОЛОМЕЙ [закрывая книгу].

Теперь, свершивъ обычное стоянье,
Дерзнулъ бы я и плоти дать покой,
Да̀ обновить слабѣющія силы
Для новыхъ подвиговъ; но въ эту ночь
Я не усну: въ смятеніи природа,
Съ небесъ грозитъ разгнѣванный Господь...
Не спи, монахъ, стой бодро на молитвѣ,
Не то придетъ нежданно судія,
Во снѣ раба лѣниваго застанетъ
И приговоръ конечный изречетъ!

[Молнія и громъ].

Не попусти Господь ночному духу
Стрѣлой убить скота иль человѣка,
Объять огнемъ селеніе людское,
Иль возмутить младенца мирный сонъ!

[Молнія и громъ].

О, Господи! помилуй и спаси
Рабовъ твоихъ въ путяхъ, въ моряхъ далекихъ;
Дай сирымъ кровъ въ часъ бури, непогоды
И отведи грозящую десницу!

[Молнія и громъ].

Какой-то чудный страхъ меня объемлетъ,—
Ужель грядетъ послѣдній, страшный часъ?
Не знаю что̀... но слышитъ духъ тревожный

Какъ нѣкій стонъ, иль чье-то приближенье...
Чу! на дворѣ и шумъ, и конскій топотъ...
Къ дверямъ идутъ... Господь помилуй мя!

Дверь быстро отворяется, два дружинника вводятъ раненаго Святополка.

СВЯТОПОЛКЪ.

Ведите дальше, дальше... въ темный уголъ!
За мной бѣгутъ несмѣтныя дружины!
Впередъ, скорѣй, бѣгите безъ оглядки,
Не выдайте меня, друзья мои!

Дружинники останавливаются у скамьи.

Что-жъ стали вы? Гдѣ я? [Указывая на гробъ]. А это что?
Досчатый гробъ?! Такъ, такъ... все понимаю:
Насталъ конецъ, меня пригнали къ гробу,
Открылся гробъ—и некуда бѣжать!

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ [къ Варѳоломею].

Честный отецъ! Къ тебѣ вломились мы
Безъ спроса, чтò разбойники ночные;
Прощенья просимъ...

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Не трудися, сынъ,
Молю азъ недостойный о прощеньи —
Бо есмь убогъ и нищъ и не имѣю

Ни явствій, ни вина, ни даже ложа
Для отдыха...

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Объ насъ не безпокойся,
Мы не привыкли къ нѣгѣ... лишь бы князю...

СВЯТОПОЛКЪ.

Шт... замолчи... не князь я... что ты врешь!
Не вѣрь ему, старикъ — я бѣдный странникъ,
Я нищій, я слуга, я... но чему
Смѣешься ты? Скажи мнѣ ради Бога
Чему?.. чему? Такъ ты меня узналъ?
На лбу моемъ прочелъ мое ты имя
Проклятое... клянешь и ты меня?
На всей землѣ нѣтъ мѣста Святополку!
Скорѣе прочь отсюда, дальше, глубже
Въ подземный склепъ заройте вы меня...
Я слышу смѣхъ побѣдный Ярослава,
Меня въ ночи какъ звѣря травитъ онъ:
Все ближе шумъ, все яростнѣй — спасите!
Подъ кровомъ тьмы бѣжимъ, бѣжимъ, бѣжимъ!

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Да полно, князь, тебѣ пустой боязнью
Смущать свой духъ. Мы въ безопасномъ мѣстѣ,

Погони нѣтъ за нами, ужь давно
Мы русскую границу миновали.

СВЯТОПОЛКЪ [озираясь].

Погони нѣтъ... мы въ безопасномъ мѣстѣ?...
А этотъ шумъ что̀ значитъ?

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Въ небесахъ
Собрались тучи, громъ гремитъ и буря
Гудитъ въ лѣсу.

СВЯТОПОЛКЪ.

А эта хата чья?

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Мы на нее наткнулися случайно,
Дорогу потерявъ.

СВЯТОПОЛКЪ [указывая на схимника].

А это кто?

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Ея хозяинъ.

8

ВАРѲОЛОМЕЙ [низко кланяясь].

Грѣшный, недостойный
Рабъ Божій, схимонахъ Варѳоломей.

СВЯТОПОЛКЪ.

Ты здѣсь въ лѣсу живешь? Ты никуда
Отсюда не выходишь?

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Трижды въ годъ
Подъемлю путь я въ ближнюю обитель
И тамъ за литургіей пріобщаюсь
Христовыхъ Тайнъ.

СВЯТОПОЛКЪ.

Приди ко мнѣ сюда,
Стань ближе здѣсь... тебя спросить хочу я:
Ты никогда доселѣ не слыхалъ
О добромъ русскомъ князѣ Святополкѣ?
До этихъ мѣстъ не долетала слава
Его благихъ дѣяній и побѣдъ?

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Нѣтъ, княже — нѣтъ.

СВЯТОПОЛКЪ.

Приди еще поближе,
Склонись ко мнѣ... вотъ такъ... теперь скажи:

[Шопотомъ].

Ты никогда доселѣ не слыхалъ
О Святополкѣ грозномъ, окаянномъ,
Что незаконно княжескій престолъ
Похитилъ, что отвергся правой вѣры,
Что братьевъ трехъ убилъ?.. ну, что-жъ?.. слыхалъ?

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Да, княже, слышалъ.

СВЯТОПОЛКЪ [отталкивая схимника].

Будь же проклятъ ты!
Ты ворогъ мнѣ, слуга ты Ярослава;
Бѣги къ нему... зови его сюда!
Вы всѣ измѣнники, я это знаю;
Такъ быть должно: измѣна за измѣну
И кровь за кровь!.. убейте же меня...

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ [второму].

Онъ помутился въ разумѣ, смотри —
Въ очахъ его видна печать безумья...

ВТОРОЙ ДРУЖИННИКЪ.

Что дѣлать намъ?

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ [схимнику].

Ты научи насъ, отче,
Что дѣлать намъ; быть можетъ, ты искусенъ
Въ цѣленіи недуговъ...

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Сей недугъ
Душевный — не тѣлесный; исцѣлить
Его Господь лишь властенъ.

ВТОРОЙ ДРУЖИННИКЪ.

Намъ казалось,
Что рана не опасна...

СВЯТОПОЛКЪ.

Что же вы
Меня нейдете убивать? Я жду.
Скорѣй совѣтъ кончайте вашъ лукавый...
Что?... Угадалъ я ваши мысли?.. О!
Я ихъ прочелъ въ трусливыхъ вашихъ взглядахъ:
Нечистая лишь совѣсть такъ глядитъ,
Какъ вы теперь всѣ на меня глядите,
Убійцы!

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Княже!

СВЯТОПОЛКЪ.

Нѣтъ, молчи, молчи!
Я знаю все—я по себѣ все знаю...
Вотъ... вотъ опять взглянулъ ты на меня
Украдкою, но ласково и жадно;
Такъ на невинность смотритъ сластолюбецъ
Предъ гнуснымъ блудодѣйствомъ, такъ убiйца
Ласкаетъ взглядомъ избранную жертву,
Такъ я смотрѣлъ когда-то самъ... но братья
Не вѣдали того, что знаю я.
Меня вы не обманете... гдѣ мечъ?
Гдѣ мечъ? [Схватывая мечъ]. А, вотъ онъ, мой товарищъ
вѣрный!
Мой славный мечъ — не выдай.

ВАРѲОЛОМЕЙ [дружинникамъ].

Удалитесь,
Оставьте насъ вдвоемъ...

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Ты не боишься
Остаться съ нимъ наединѣ? Въ безумствѣ
Князь можетъ умертвить тебя.

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Не можетъ
Онъ надо мною сдѣлать ничего
Безъ Божья попущенья... удалитесь.

ВТОРОЙ ДРУЖИННИКЪ.

Господь да сохранитъ тебя. Мы будемъ
По близости, и въ случаѣ чего—
Лишь позови, мы прибѣжимъ на помощь. [Уходятъ].

Святополкъ, опираясь на мечъ, приподнимается со скамьи и вглядывается въ монаха. Схимникъ дѣлаетъ шагъ, чтобы къ нему приблизиться.

СВЯТОПОЛКЪ.

Ни съ мѣста!.. Стой!.. Такъ это ты, старикъ,
Меня убить сбираешься? Избрали
Они тебя—и ихъ послушный волѣ,
Ты Святополка мнишь убить? Но гдѣ же
Оружіе твое? Въ моей, хоть слабой
И раненой рукѣ держу я мечъ.
Гдѣ мечъ твой? гдѣ кинжалъ?.. Иль задушить
Меня ты хочешь? [Молчаніе]. Но зачѣмъ такъ смотришь
Ты пристально въ глаза мнѣ? Говори:
Что значитъ этотъ взглядъ, какою силой
Во мнѣ всю кровь онъ леденитъ? Не имъ ли
Меня убить ты хочешь? Отвернись!

Закрой глаза, хоть на одно мгновенье
Дай отдохнуть отъ взгляда твоего!
Онъ въ душу мнѣ вонзается, какъ жало
Змѣиное; я чувствую, какъ ядъ
Его по всѣмъ моимъ разлился членамъ
И немощью всего меня объялъ!
О, пощади, старикъ! Ты видишь — я
Передъ тобой безсиленъ [роняя мечъ], безоруженъ —
Я уронилъ свой мечъ... я не могу
Его поднять... [Схимникъ подходитъ]. Молю тебя, молю!
Оставь меня, уйди... я на колѣняхъ
Тебя молю смиренно: пощади! [Падаетъ со скамьи].

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Господь да ниспошлетъ душѣ твоей
Прощеніе и миръ!

СВЯТОПОЛКЪ.

Твой грозенъ ликъ,
Но въ голосѣ нѣтъ мести и угрозы...
Такъ ты меня не хочешь убивать?
Ты мнѣ не врагъ? ты противъ Ярослава
И за меня?

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Смири духъ непріязни,
Забудь вражду и злобу; покаяньемъ
Очистися, о княже!

СВЯТОПОЛКЪ.

Хочешь ты,
Чтобъ я тебѣ грѣхи свои повѣдалъ?

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Не мнѣ, но Господу: Онъ знаетъ все
И милосердъ; покайся лишь смиренно,
Твои грѣхи тебѣ простятся, сыне!

СВЯТОПОЛКЪ.

Зачѣмъ, старикъ, меня зовешь ты сыномъ?
Мнѣ чуждо, ненавистно это слово
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ дядя мой Владиміръ
Лишилъ меня отца убійствомъ гнуснымъ,
Въ наложницы къ себѣ взялъ мать мою,
Меня-жъ сталъ сыномъ называть и мыслилъ
Загладить тѣмъ кровавую обиду,
Смирить во мнѣ духъ мести и вражды!
Ошибся онъ! Я отомстилъ жестоко:
Названный братъ—я братьевъ умертвилъ—
Названнаго отца сынковъ любимыхъ!
И каяться въ томъ не хочу... и если-бъ
Мнѣ сызнова пришлось...

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Умолкни!

СВЯТОПОЛКЪ.

Нѣтъ,
Не прерывай,—я все тебѣ открою...
Не звѣремъ же я дикимъ родился!
И я былъ добръ, и я былъ чистъ душою!
На Божій міръ глядѣлъ веселымъ окомъ,
Въ невѣдѣньи счастливомъ росъ и — помню, —
Любилъ, ласкалъ, смѣялся, какъ и всѣ!
Волшебнымъ сномъ мнѣ чудится то время:
Я помню мать — тогда не вѣдалъ я
Причину слезъ ея и тихой грусти.
Мнѣ хорошо, мнѣ сладко было къ ней
Порою прибѣгать и прижиматься
Къ ея груди, и слушать, какъ она
Шептала мнѣ слова любви и ласки!
Недолго въ томъ невѣдѣньи я жилъ:
Не мать — о, нѣтъ! она сносила молча,
Безропотно печаль свою, — другія
Недобрыя, лукавыя уста
Мнѣ истину ужасную открыли!
Я все узналъ... и началась тогда
Иная жизнь: все вкругъ преобразилось,
Моя душа наполнилася ядомъ
Безмолвной, лютой злобы; съ каждымъ днемъ
Она росла во мнѣ неудержимо!
И вотъ однажды, словно огонекъ

Впотьмахъ глухой и непроглядной ночи,
Сверкнула мысль... Постой... какъ это было?
Припомнить дай... Я былъ одинъ, въ лѣсу;
Надъ головой шумѣли тихо сосны,
А я лежалъ и думалъ... Солнце сѣло,
Умолкли птицы, гаснула заря,
А я лежалъ и думалъ... Въ небесахъ
Зажглися звѣзды, ночь въ лѣсу настала.
Кругомъ деревья, словно великаны
Мохнатые, стояли въ мертвомъ снѣ.
Пахучей, свѣжей сыростью земля
Дышала мнѣ въ лицо, и долго, долго
Со всѣхъ сторонъ ко мнѣ тѣснился мракъ...
Потомъ опять свѣтлѣй на небѣ стало,
Взошла заря... Я все лежалъ и думалъ!
И вдругъ тогда впервые прошепталъ
Мнѣ на ухо нежданный, тайный голосъ:
«Ты отомстишь...» И всталъ я, и пошелъ...
Пошелъ съ склоненной низко головою;
И вышелъ изъ лѣсу... и въ первый разъ
На Божій міръ, на Кіевъ градъ, на солнце,
Что надъ Днѣпромъ изъ-за горы вставало,
Взглянулъ я изподлобья... а въ душѣ
Какъ ночью и темно, и страшно было!
Потомъ... потомъ... Нѣтъ, погоди, старикъ,
Я не могу... позднѣй когда-нибудь
Я разскажу тебѣ все по порядку,

Не утаю, не скрою ничего;
Теперь лишь объ одномъ тебя молю я:
Взоръ отъ меня свой строгій отврати!
Я чувствую, изъ раны снова кровь
Обильнѣй потекла, смутились мысли
Въ моей усталой, тяжкой головѣ.
Оставь меня, уйди! Я изнемогъ,
Я спать хочу—хочу я позабыться.

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Миръ надъ тобой да будетъ!

[Молчаніе].

Онъ заснулъ,
Но тяжко дышетъ грудь, и голова
Горитъ въ огнѣ [Святополкъ стонетъ во снѣ]; тревожныя мечтанья
Его во снѣ не покидаютъ. Боже
Благій и всепрощающій! услышь
Мое ты недостойное моленье!
Не попусти исконному врагу,
Діаволу, во адъ низвергнуть душу,
Грѣхами отягченную; не дай
Жизнь грѣшнику скончать безъ покаянья;
Но благости Своей неизреченной
Излей на недостойнаго щедроты,
Да на землѣ познаетъ всяка тварь,

Что ты Господь и Богъ, ему же слава
И присно, и во вѣки вѣкъ... Аминь.

СВЯТОПОЛКЪ [въ бреду].

Чуръ, чуръ меня! Прочь страшныя видѣнья!
Зачѣмъ встаютъ изъ гроба мертвецы?
Борисъ, Борисъ! Глѣбъ, Святославъ!.. Проклятье!
Я васъ узналъ... прочь! сгиньте! [Вбѣгаютъ дружинники].

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Чтò такое?

ВТОРОЙ ДРУЖИННИКЪ.

Чтò съ княземъ?

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Смертный часъ его грядетъ,
И духъ его томится предъ исходомъ
Сознаніемъ содѣянныхъ грѣховъ.
Спѣшите, други, въ ближнюю обитель —
Взошла луна и путь вамъ недалекъ.
Отъ келіи моей сверните вправо
И по тропѣ все слѣдуйте — она
Васъ выведетъ къ опушкѣ лѣса; тамъ
Увидите вы одинокій холмъ,
Съ того-жъ холма широкая равнина

Предстанетъ вашимъ взорамъ, и на ней
На берегу рѣки стоитъ обитель.
Тамъ старца вы спросите Иринарха:
Великій сей предъ Господомъ подвижникъ
И той обители строитель. Слезно
Его молите именемъ моимъ,
Да скоро притечетъ сюда съ Дарами
И князю дастъ напутствіе.

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Одинъ
Изъ насъ остаться можетъ здѣсь съ тобою,
Другой же пусть идетъ.

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Нѣтъ, други, вмѣстѣ
Идите оба... путь проходитъ лѣсомъ:
Отъ звѣря, отъ лихого человѣка
Блюдите старца и святыню.

ДРУЖИННИКИ.

Будетъ
Все сдѣлано, какъ ты намъ повелѣлъ,
Святой отецъ... Благослови насъ въ путь.

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Господь да спутешествуетъ вамъ, чада,
И оградитъ отъ всякой непріязни.
Не медлите, бо близокъ часъ!

СВЯТОПОЛКЪ [очнувшись].

Куда
Онъ посылаетъ ихъ? О чемъ они
Тамъ шепчутся?

ДРУЖИННИКИ.

Исполнимъ все... Прости.

[Уходятъ].

Варѳоломей подходитъ къ аналою и раскрываетъ книгу.

СВЯТОПОЛКЪ [про себя].

Я оттадалъ — онъ вѣсть далъ Ярославу!
Я слышалъ, какъ сказалъ онъ: поспѣшите,
Они-жъ отвѣтили: исполнимъ все!
И скрылися... точь-въ-точь какъ въ оный день,
Когда я посылалъ—и мнѣ въ отвѣтъ
Сказали: все исполнимъ!.. На всю жизнь
Запомнилъ я два эти слова, будто
Ихъ врѣзалъ кто мнѣ въ сердце глубоко,
Какъ надпись на могильномъ камнѣ. Да,
«Исполнимъ все» — и ждалъ я исполненья,

Какъ этотъ ждетъ теперь — и дождался;
И все исполнилось!... но съ той поры
Не вѣдаю ни сна я, ни покоя!
О это «все» звучитъ въ моихъ ушахъ
Всегда, вездѣ, немолчно, неустанно!
Его я слышалъ внятно на пирахъ
При звонѣ чашъ заздравныхъ, при шумящемъ
Веселіи дружины и гостей;
Его я слышалъ въ полѣ на ловитвѣ,
Когда скакалъ на бѣшеномъ конѣ
За вепремъ вслѣдъ, иль турицею дикой,
Когда трубили въ рогъ, и доскакавъ,
Закалывалъ ревущаго я звѣря.
Ни крикъ людей, ни бури вой, ни битвы
Широкій громъ его не заглушали.
Но явственнѣй еще во мракѣ ночи
Мнѣ словъ тѣхъ слышалось дыханье... «все
«Исполнено... все... все...» И отовсюду
Одинъ и тотъ же шопотъ раздавался,
Хоть тихій, но жестокій, безпощадный,
Какъ смертный приговоръ, когда-бъ его
Уста младенца нѣжно лепетали.
Но то обманъ воображенья былъ;
То было лишь недужное мечтанье;
Ни побороть его, ни убѣжать
Отъ призрака тогда я не былъ властенъ;
Теперь не то! Изъ устъ живыхъ я слышалъ

Свой приговоръ... досель неуловимый
И безтѣлесный — въ плоть облекся онъ,
Въ лицо взглянулъ мнѣ человѣчьимъ окомъ
И въ голосѣ людскомъ вдругъ прозвучалъ.
Конецъ моимъ несказаннымъ терзаньямъ,
Конецъ борьбѣ съ невидимой мечтой!

[Указывая на схимника].

Вотъ лютый врагъ мой, тотъ чтò мнѣ покоя
Ни днемъ, ни ночью не давалъ! Въ глазахъ
Его узналъ я взглядъ тотъ ненавистный,
Чтò, не спросясь, читалъ въ душѣ моей
Минувшаго кровавыя страницы
И, до конца дойдя, вновь начиналъ
Все сызнова, сначала... безконечно!

[Съ усмѣшкой всматривается въ схимника].

Въ какомъ ничтожномъ, старческомъ, безсильномъ
И жалкомъ образѣ явился ты,
Мучитель тайный мой! Одинъ ударъ,
И нѣтъ тебя... и духъ мой здравъ опять,
И никогда ужъ не раздастся шопотъ
Въ тиши ночной! Да, такъ... одинъ ударъ,
И для него во мнѣ достанетъ силы.

[Осторожно вставая].

Я чувствую, какъ мощь во мнѣ ростетъ

[нагибается, чтобы поднять мечъ].

Нѣтъ, мечъ не нуженъ, мечъ тяжелъ — онъ шумно
Вздымается предъ тѣмъ чтобъ поразить!

[Хватая за поясомъ кинжалъ].

Кинжалъ надежнѣе и молчаливѣй:
Что̀ вѣрный рабъ, онъ волю господина
Въ безмолвіи творитъ... [Подходя къ схимнику]. Одинъ ударъ.

Заноситъ кинжалъ. Варѳоломей оборачивается, Святополкъ быстро прячетъ кинжалъ за спину.

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Что ты замыслилъ, княже? Для чего
Подкрался ты ко мнѣ, какъ тать, какъ ворогъ?
Ты хочешь умертвить меня?

Святополкъ молча утвердительно киваетъ головой.

За что?
Что-жъ ты молчишь? отвѣтствуй мнѣ.

СВЯТОПОЛКЪ.

Зачѣмъ
Ты обернулся? Я не ожидалъ,
Что обернешься ты; я думалъ... тихо,
Безъ словъ... однимъ ударомъ, а теперь
Все спуталось... Зачѣмъ ты обернулся?
Не нужно словъ, не нужно взглядовъ.

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Княже,
О смерти помышляя ежечасно,
Отрекшися отъ всѣхъ земныхъ суетъ,
Я смерти не боюсь, но...

СВЯТОПОЛКЪ [перебивая].

Ты все хочешь
Узнать за что?

ВАРѲОЛОМЕЙ.

Не смерть, а окаянство
Твое меня страшитъ.

СВЯТОПОЛКЪ [не слушая].

За что... За что?!
Тебѣ нужны слова; испить я долженъ
До дна моихъ терзаній горькихъ чашу!
Такъ слушай же: я видѣлъ, какъ злодѣевъ
Ты посылалъ за смертію моей.

ВАРѲОЛОМЕЙ.

За жизнію твоей и воскресеньемъ!

СВЯТОПОЛКЪ.

Молчи и слушай.—Я не спалъ, я видѣлъ
Какъ ты послалъ... Не могъ ты не послать!
Я это зналъ заранѣ такъ же вѣрно,
Какъ то, что завтра утромъ встанетъ солнце,
Иль что за лѣтомъ осень вслѣдъ придетъ,
Всегда и неизмѣнно... Мнѣ былъ выборъ:
Я властенъ былъ послать и не послать,

Иль посланныхъ опять вернуть обратно;
Сказать: не нужно, не ходите; но
Я имъ сказалъ тогда: идите!—Нынѣ
Не могъ ты не сказать того же слова!
Таковъ законъ: измѣна за измѣну,
Убійство за убійство, кровь за кровь!
Вина твоя не въ томъ передо мною,
Что ты послалъ... Но... для чего, старикъ,
Меня терзалъ и мучилъ ты такъ долго?!
Такъ долго, что и вспомнить я не въ силахъ
О времени, когда былъ счастливъ я,
Когда я не страдалъ! Ты хочешь знать
За что? Тебѣ отвѣчу я: за ночи
Безсонныя, когда шепталъ ты мнѣ —
Невидимый, но близкій, неизбѣжный,
Шепталъ — а я... не могъ же я не слышать!
Не могъ же я отвѣтствовать: ты лжешь,
Проклятый голосъ! Мнѣ сказали: «все
Исполнено», я въ томъ не сомнѣвался,
А ты напоминалъ! Какъ тѣнь, за мною
Ты слѣдовалъ повсюду; ты смущалъ
Веселіе, покой, отдохновенье,
Ты на меня вотъ этимъ самымъ взглядомъ
Смотрѣлъ всегда и отовсюду: днемъ
Я этотъ взглядъ встрѣчалъ неотразимый
Порой межъ тучъ и бѣлыхъ облаковъ
Въ клочкѣ прозрачномъ голубого неба

Порой у ногъ моихъ въ былинкѣ малой
И полевомъ цвѣткѣ, порой въ очахъ
Затравленнаго на охотѣ звѣря,
Въ очахъ коня, когда его за холку
Я схватывалъ предъ тѣмъ, чтобъ сѣсть, а онъ
Дрожалъ какъ листъ и на меня косился.
Всего-жъ больнѣй твой взглядъ меня язвилъ,
Когда во взглядѣ друга, иль жены,
Иль глупаго ребенка онъ являлся —
И мѣткой, ядовитою стрѣлою
Вонзался прямо въ сердце мнѣ... Старикъ,
Ты отравилъ мнѣ дружбу, страсть, любовь!
Какъ волкъ я бѣгалъ отъ людей... А ночью
Во мракѣ и молчаньи! Волосъ дыбомъ
Становится, лишь вспомню я о томъ,
Что я видалъ въ ужасныя тѣ ночи,
Что я слыхалъ въ той страшной тишинѣ!
Я не забылъ: дни, мѣсяцы и годы —
Да — годы такъ я проводилъ, а ты —
Мнѣ не давалъ ни часа, ни мгновенья
Сомкнуть глаза, забыться, отдохнуть!
Нѣтъ, не проси себѣ теперь пощады!
Ты былъ жестокъ — я отыскалъ тебя,
Узналъ я взглядъ и голосъ твой... и нынѣ
Насталъ конецъ терзаніямъ моимъ!
Нельзя мнѣ колебаться, мигъ единый
Послѣдній, краткій мигъ... одинъ ударъ

И кончено!—И тишина, забвенье...
Спокойный сонъ! Мнѣ... мнѣ тебя простить?
Нѣтъ, не могу!.. я спать хочу... я долженъ
Убить тебя! [Бросается на схимника].

ВАРѲОЛОМЕЙ [удерживая его руку].

Остановись!

СВЯТОПОЛКЪ [въ изступленіи].

Ни слова,
Ни слова больше!

ВАРѲОЛОМЕЙ [падая на колѣни].

Боже милосердный,
Прости его, помилуй мя и съ миромъ
Духъ грѣшнаго раба прими!

СВЯТОПОЛКЪ [наноситъ ударъ].

Аминь!

Варѳоломей падаетъ ницъ. Святополкъ надъ нимъ склоняется, прислушивается и потомъ быстро встаетъ.

Не дрогнула рука, умолкъ навѣки,
И, кажется, все тихо вкругъ меня!
Нѣтъ прошлаго! [Озираясь прислоняется къ аналою. Свѣтильникъ падаетъ и угасаетъ].
А это что такое?

Кругомъ темно... мнѣ страшно, я дрожу!
Но страхъ пройдетъ, пройдетъ сейчасъ—онъ долженъ
Сейчасъ пройти!.. Чу, что-то шевельнулось!
Не можетъ быть, чтобъ шевельнулся онъ...
Чтобъ онъ шепталъ и мертвыми устами!
Кто-жъ шепчетъ мнѣ?.. Что я сказалъ? Опять
Мнѣ слышится знакомый прежній шопотъ...
Такъ стало быть шепталъ тогда... не онъ!
Не онъ! — и я ошибся, я напрасно
Его убилъ?!.. Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть.
А если и ошибся я, такъ что же?
Я убѣгу отсюда безъ оглядки
На край земли, туда, гдѣ океанъ
Ревѣтъ и плещетъ, гдѣ не будетъ слышно
Ни шопота, ни стоновъ, ни именъ!

[Въ раздумьи поникнувъ головой].

Опять бѣжать... и стало быть опять
Все то же, то же, что и прежде было!
Лишь новыхъ два за мной помчатся слова:
Не онъ, не онъ!.. Но кто-жъ, когда не онъ?
Не я же самъ!.. [Молчаніе]. А почему я знаю?
Кто мнѣ сказалъ: не я?.. А если я! [Молчаніе. Святополкъ смѣется].
И я не зналъ!.. и я искалъ такъ долго!!
И я убилъ... [Смотря на тѣло схимника]. Прости меня, старикъ!

Слышится шумъ. Святополкъ скрывается въ темный уголъ. Входятъ дружинники и старецъ Иринархъ.

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Нѣтъ свѣта.. не свершилось ли чего? [Зоветъ].
Честной отецъ!... Никто не отвѣчаетъ.

[Увидавъ при свѣтѣ луны трупъ].

О, Господи помилуй! Посмотрите,
Здѣсь чье-то тѣло мертвое.

ВТОРОЙ ДРУЖИННИКЪ.

Гдѣ князь?
Огня добыть бы надо.

СВЯТОПОЛКЪ

[выходя изъ темнаго угла и подходя къ окну, озаренному луной].

Не ищите,
Я здѣсь... Я все сейчасъ вамъ разскажу.

[Указывая на тѣло схимника].

Его убилъ я оттого, что онъ
Мѣшалъ мнѣ спать, такъ мнѣ тогда казалось;
Но это вздоръ... пустое... я ошибся:
Не онъ шепталъ мнѣ по ночамъ, не онъ
Меня терзалъ и жегъ мнѣ сердце. Нынѣ,
Какъ бѣлый день, мнѣ вдругъ все стало ясно.
Я понялъ все... я своего врага
Лютѣйшаго познал... Хотите-ль вы,

Чтобъ показалъ его я вамъ?.. Смотрите-жъ
Во всѣ глаза и вѣдайте [Ударяя себя кинжаломъ въ грудь].
Вотъ онъ! [Падаетъ].

ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИКЪ.

Онъ падаетъ! себя убилъ онъ!

ВТОРОЙ ДРУЖИННИКЪ.

Княже,
Что сдѣлалъ ты? [Святополкъ умираетъ].
[Молчаніе].

ИРИНАРХЪ.

Свершился Божій судъ!
Преклонимся предъ нимъ покорно, чада,
И Господу молитву вознесемъ
Да праведнаго къ праведнымъ причтетъ
И грѣшника да упокоитъ душу.

———

СТАРЫЯ РѢЧИ

(1879)

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Отъ одиночества, отъ скуки
Во дни печальные разлуки
Я повѣсть эту написалъ;
Но, трудъ свершая одинокій,
Все о тебѣ, мой другъ далекій,
Я вспоминалъ и тосковалъ.
Хотѣлось мнѣ дѣлить съ тобою
Живого творчества мечты,
Чтобъ правду ихъ своей душою
И сердцемъ повѣряла ты.
Но проходили дни за днями,
Не возвращалась ты ко мнѣ —
И часто тайными слезами
Надъ позабытыми строками
Я обливался въ тишинѣ.
Казалось мнѣ, что безвозвратно

Любовь и счастье скрылись вдаль!
Не оттого-ль въ строкахъ тѣхъ внятно
Звучитъ сердечная печаль?
Не оттого-ль веселья звуки
И радость жизни чужды имъ,
Что я слагалъ ихъ въ дни разлуки,
Тоской глубокою томимъ?
Но воротись — улыбкой нѣжной
Мнѣ душу снова озари,
Какъ свѣтомъ утренней зари
Потемки ночи безнадежной —
И сердце радостнѣй, живѣй,
Забьется, полное участья,
И — вѣрю я — въ груди моей
Еще найдутся пѣсни счастья!

СТАРЫЯ РѢЧИ.

«Мой дряхлый песъ, мой вѣрный другъ!
Ты не забылъ меня? — Здорово!
Мое привѣтственное слово
Тебя живитъ... Но все вокругъ
Въ давно покинутомъ селеньи
Преобразилося съ тѣхъ поръ,
Какъ бросилъ я прощальный взоръ
И затерялся въ отдаленьи.
Блуждалъ я долго. Этотъ домъ —
Бывало, свѣтлое жилище —
Теперь, какъ мрачное кладбище,
Спитъ старческимъ, тяжелымъ сномъ!
Померкъ онъ — грустный, молчаливый.
Я самъ, усталый и лѣнивый,
Уже не тотъ, что прежде былъ,
И, возвращаясь въ край родимый,

Воспоминаньями томимый,
Тебя, товарищъ, позабылъ.
Но лишь, прахъ чуждый отряхая,
Переступилъ я свой порогъ,
На грудь мнѣ кинувшись и лая,
Ты далъ мнѣ вѣрности урокъ.
Спасибо, другъ! Пойдемъ же вмѣстѣ
Въ уединенный тотъ покой,
Гдѣ, помнишь, жили мы съ тобой
Такъ счастливо... На прежнемъ мѣстѣ
Свернись у печки калачомъ,
Такъ, чтобы солнце пригрѣвало;
Я сяду въ кресла, какъ бывало,
И... помолчимъ мы кой о чемъ.»

Такъ путникъ говорилъ усталый,
Вернувшись въ домъ свой обветшалый,
Подъ кровъ, куда ужъ много лѣтъ
Онъ не заглядывалъ. Привѣтъ
Его былъ полнъ тоской упрека
На міръ, на жизнь, на волю рока.
Казалось — дальній кончивъ путь,
Душой безсильной и недужной
Онъ проклиналъ тотъ путь ненужный;
Ему хотѣлось отдохнуть.
Чего же лучше? Домъ старинный
Какъ будто созданъ былъ для сна:

Уютность, ветхость, тишина,
Диваны мягкіе въ гостинной,
Безмолвный, хмурый кабинетъ,
На стѣнахъ пыльныя картины,
Въ углахъ лохмотья паутины.
Но... но зачѣмъ же солнца свѣтъ
Горитъ такъ молодо и живо?
Зачѣмъ такъ громко, шаловливо
Въ кустахъ сирени подъ окномъ
Щебечетъ чижикъ, а кругомъ
Деревья сада зеленѣютъ?
Они не дряхнутъ, не старѣютъ
И свѣжей, трепетной листвой
Шумятъ, что дѣти за игрой.
Зачѣмъ въ поляхъ гуляка праздный,
Іюльскій бродитъ вѣтерокъ,
То кашки колыхнетъ цвѣтокъ,
Ему лепеча бредъ несвязный;
То нивъ взволнуетъ пелену,
То унесется въ вышину
Вослѣдъ за тучкой полуденной;
То, притаясь за рощей сонной,
Молчитъ, не дышетъ—а съ небесъ
На нивы, на холмы, на лѣсъ
Побѣдно давитъ зной могучій,
И зрѣетъ рожь, и лугъ пахучій
Пестрѣетъ ярче, а въ лѣсу

Звучатъ протяжныя: ау!
Ахъ, гдѣ ты, свѣжесть, гдѣ ты сила,
Гдѣ краткой молодости цвѣтъ,
Гдѣ счастье, что мечта сулила?
Откликнитесь!—Отвѣта нѣтъ.
Остались образы, названья,
Что прежде волновали кровь;
Но скрылся блескъ очарованья—
Ему не воротиться вновь!

И въ тишинѣ гнѣзда родного
Домой вернувшійся старикъ
Подъ тихимъ вѣяньемъ былого
Въ смятеньи головой поникъ.
Какъ не понять его тревогу!
Желанный гость—со всѣхъ сторонъ
Онъ призраками окруженъ.
Они, проснувшись, понемногу
Отвсюду блѣдные встаютъ;
Встаютъ толпою полинялой,
Косматой, заспанной и вялой
И на поклонъ къ нему идутъ.
Въ лицо глядятъ съ нѣмымъ укоромъ:
«Зачѣмъ, молъ, пережилъ ты насъ?
Пора на отдыхъ... близокъ часъ!»
И панихиду дружнымъ хоромъ
Вдругъ запѣваютъ по живомъ,

Какъ будто жизни нѣтъ ужъ въ немъ!
И онъ ихъ прочь не отгоняетъ,
Онъ въ тишинѣ не прерываетъ
Тотъ вѣщій, погребальный хоръ.
Куда ни обратится взоръ —
Кругомъ, повсюду онъ встрѣчаетъ
Неизгладимый, вѣрный слѣдъ
Давно минувшихъ, лучшихъ лѣтъ.
Онъ въ нихъ безмолвно, тихо бродитъ,
Какъ гость могилъ, среди крестовъ
И сердцу милыхъ мертвецовъ
По ветхимъ надписямъ находитъ
И внемлетъ смертный ихъ покой,
Къ гробамъ приникнувъ головой.

Въ толпѣ иныхъ воспоминаній
Живѣй являлося одно.
Огнемъ несбывшихся желаній
Больнѣе душу жгло оно.
Средь книгъ на полкѣ запыленной
Лежала старая тетрадь.
То былъ, когда-то имъ веденный,
Дневникъ. Раскрывъ, онъ сталъ читать
Тѣ строки, что писалъ, бывало,
Дрожащей, спѣшною рукой,
Когда за пламенной мечтой
Перо слѣдить не поспѣвало.

Вотъ эти строки: въ нихъ звучитъ
Тревога искренняго чувства;
Въ нихъ безъ прикрасъ и безъ искусства
Живое сердце говоритъ.

1.

«Пишу не для тебя. Смиренную тетрадь,
Куда свои мечты, замѣты, впечатлѣнья
Вношу я иногда въ часы уединенья,
Гдѣ чувства я привыкъ свободно изливать,
Тетрадь завѣтную—тебѣ не нужно знать.
Для одного меня полна она значенья,
Какъ лѣтопись души. Но почему же мнѣ,
Порой задумавшись въ глубокой тишинѣ,
Не призывать тебя, не тѣшиться мечтою,
Что, слушая меня, стоишь ты предо мною?

Увы, мнѣ истина печальная ясна:
Я для тебя чужой! Житейская волна
Не вмѣстѣ мчитъ насъ въ даль невѣдомаго моря.
Ни общихъ радостей, ни общихъ слезъ и горя
Душа моя имѣть съ твоею не должна...
Не смѣетъ, не должна! — И все-жъ твое дыханье,
Твой смѣхъ, твой разговоръ, лучъ взгляда твоего —
Все внятно, мило мнѣ; хоть скучное сознанье,

Какъ нянька старая, твердитъ напоминанье:
Ты для нея чужой, ты — гость, ты — ничего!

И правда — для тебя я ничего. Но кто же
Тебѣ среди людей всѣхъ ближе, всѣхъ дороже?
Съ кѣмъ чувство дѣлишь ты, кому любовь твоя
Даритъ названіе избранника и друга?
Мнѣ строго шепчетъ мысль, что любишь ты супруга;
А сердце говоритъ, что любишь ты меня,
Что врозь намъ жизнь не въ жизнь, что общаго въ насъ много,
Что если-бъ мы съ тобой пошли одной дорогой,
Наперекоръ судьбѣ и надъ людьми смѣясь, —
Навѣрно счастіе бы осѣнило насъ.

Вѣдь замужъ вышла ты и рано, и случайно.
Попался «человѣкъ хорошій», полюбилъ...
Ему ты отдалась, хотя, быть можетъ, тайно
И сознавалась въ томъ, что чуждъ тебѣ онъ былъ.
Еще молчалъ въ душѣ желаній голосъ юный,
Еще не дрогнули любви живыя струны
Въ твоей довѣрчивой и дѣвственной груди.
«Хорошій человѣкъ» позвалъ тебя съ собою,
И ты за нимъ пошла съ спокойною душою
Впередъ — не вѣдая, чтò будетъ впереди.

А впереди вся жизнь далѐко и ширòко
Развертывала свой загадочный просторъ.

Предъ нимъ нѣмѣла мысль и замирало око,
Его не властенъ былъ окинуть робкій взоръ!
Дни быстро потекли. Повѣяли отвсюду
Дыханья новыя и новыя мечты;
Преобразился міръ, преобразилась ты...
Тогда мы встрѣтились... Вовѣкъ я не забуду
Ни нашихъ первыхъ встрѣчъ, ни мыслей, ни бесѣдъ...
Въ потемкахъ я блуждалъ — и вдругъ явился свѣтъ!

Не много радости принесъ онъ мнѣ съ собою!
Блеснувъ въ ночи моей нежданной красотою,
Какъ утренней зари небесный, чистый лучъ,
Все озаривъ кругомъ — побѣденъ и могучъ —
Онъ озарилъ и ту зіяющую бездну,
Что на пути лежитъ межъ нами, хоть порой
Съ привѣтной ласкою мнѣ шепчетъ образъ твой:
«Перешагни смѣлѣй, — не то сейчасъ исчезну,
«Лови счастливый мигъ — не то умчусь я прочь,
«И снова будетъ мракъ, и снова будетъ ночь!»

Но не хочу внимать навѣтамъ я лукавымъ;
Хочу я убѣжать, укрыться отъ тебя.
Безгрѣшную мечту лелѣя и любя,
Хочу я предъ тобой и предъ собой быть правымъ.
Спокойна ты (я въ томъ увѣренъ!) — для чего-жъ
Покой тотъ возмущать я сталъ бы изліяньемъ
Тебѣ не нужныхъ чувствъ, иль сумрачнымъ молчаньемъ?

Прощай, забудь меня! — и сердца не тревожь
Ни сожалѣньями, ни поздними мечтами,
Ни явнымъ холодомъ, ни тайными слезами!

Рѣшенье принято — и легче стало мнѣ!
Когда душа полна надеждой, иль сомнѣньемъ,
Гнетъ страсти тяжелѣй. Теперь я въ тишинѣ
Мечтой завѣтною любуюсь, какъ во снѣ
Картиной свѣтлою, какъ ласковымъ видѣньемъ.
Порой я думаю о прошломъ — безъ стыда,
Безъ злобной горечи, спокойно, безопасно —
Чего стыдиться мнѣ? Я молодъ — ты прекрасна;
Я полюбилъ тебя глубоко, навсегда...
Все это, кажется, такъ просто и такъ ясно!

А счастье? — счастья нѣтъ! владѣетъ имъ другой.
Оно далось ему легко, само собой,
Безъ долгихъ дней борьбы, какъ неба даръ случайный.
Все это просто... да! Но часто голосъ тайный
Въ недвижномъ сумракѣ безсонныхъ, злыхъ ночей
Мнѣ на ухо шепталъ назойливо: «разбей
То безполезное, безсмысленное счастье;
Ужель слѣпой судьбы слѣпое самовластье
Не въ силахъ свергнуть ты и смѣлою рукой
Взять то, что̀ у тебя украдено судьбой?»

Тогда одинъ вопросъ являлся неизбѣжно,
Томительный вопросъ: ты счастлива, иль нѣтъ?
И за тобой слѣдилъ я зорко и прилежно,
Старался прочитать въ глазахъ твоихъ отвѣтъ,
Подслушать въ голосѣ покой или волненье,
Дождаться, чтобы вздохъ, невольное движенье,
Случайный, краткій взглядъ, иль слово — что-нибудь
Мнѣ къ тайнику души твоей открыло путь.
И послѣ каждаго свиданья, каждой встрѣчи
Твои я вспоминалъ движенья, взгляды, рѣчи...

Напрасно! Мнѣ вчера казалося одно,
А завтра я опять не зналъ и сомнѣвался...
Все представлялось вновь загадочно, темно,
Таинственный отвѣтъ, какъ кладъ, мнѣ не давался.
«Ты счастлива, иль нѣтъ?»—я въ мысляхъ предъ тобой
Твердилъ, красой твоей и близостью смущенный...
«Ты счастлива, иль нѣтъ?»—взывалъ я въ тьмѣ ночной,
Вернувшися къ себѣ въ пріютъ уединенный.
Какъ знать!—Въ глазахъ твоихъ сіялъ то яркій день,
То налетала вдругъ, какъ тучка, грусти тѣнь.

И радость тайная сжимала грудь невольно,
Когда казалась ты печальна и грустна.
Я говорилъ себѣ: несчастлива она!
И было на сердцѣ такъ сладко и такъ больно
Въ тѣ чудные часы; такъ жаждала душа

Открыться предъ тобой, сказать всю правду смѣло,
Какъ много слезъ въ груди усталой накипѣло,
Какъ я люблю тебя, и какъ ты хороша!
Но призракъ исчезалъ, мгновенье проходило;
Ты улыбалась вновь—и я молчалъ уныло.

Молчалъ и съ горечью слѣдилъ, какъ жизнь твоя
Катилась будничной и торною стезею;
Какъ мужу доброму быть доброю женою
Старалась ты, въ душѣ унынье затая.
А мужъ? —Тебя понять не могъ онъ!—Безъ заботы,
Доволенъ жизнію, онъ время проводилъ
И, кажется, равно отъ всей души любилъ
Тебя, и сельское хозяйство, и охоты,
Обѣды жирные съ гостями и виномъ,
И споры вечеромъ за карточнымъ столомъ.

Наскучивъ праздною и вздорной болтовнею,
Ты удалялась въ садъ отъ шума и гостей.
Тамъ иногда вдвоемъ я проводилъ съ тобою
Хорошіе часы. Дышалось тамъ вольнѣй,
Тамъ задушевнѣе твой голосъ становился,
Тамъ ярче огонекъ души твоей свѣтился—
Души отзывчивой, и страстной, и живой...
Что толку было въ томъ?—Вернувшися домой,
Ты вновь являлася спокойной и счастливой—
И прочь я отходилъ печальный и ревнивый.

Довольно... я усталъ... Ни позабыть тебя,
Ни потопить любовь въ тревогахъ жизни ложной,
Въ шумящей суетѣ — я знаю — невозможно.
Но чувство горькое на днѣ души тая,
Дверь сердца затворивъ, не властенъ развѣ я
Неволи нравственной совлечь съ себя одежды,
Дышать не для тебя, жить не тобой одной?
Иныя, высшія создать себѣ надежды,
Иную въ жизни цѣль поставить предъ собой
И бодро къ ней пойти дорогою прямой!

2.

Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ, волнуясь, эти строки,
Недѣля пронеслась. Теперь, читая ихъ,
Ужъ я не узнаю ни чувствъ, ни думъ моихъ:
Тѣ дни мнѣ кажутся такъ отъ меня далеки!
Дни темные, когда, тоскуя и любя,
Притворно увѣрялъ я самого себя,
Что нѣтъ дороже благъ спокойствія и воли,
Что я пойду искать какой-то лучшей доли,
Что счастье не въ любви, что жалокъ, тотъ, въ комъ страсть
Поработила духъ и свергла мысли власть!

Безплодный, лживый бредъ! Такъ нищему порою
Пріятно обзывать богатство суетою,
Такъ темному слѣпцу, передъ которымъ свѣтъ

Затмился навсегда, отрадно заблужденье,
Что пустъ весь Божій міръ, что красоты въ немъ нѣтъ!
Но если-бъ чудомъ, вдругъ, къ нему вернулось зрѣнье
И свѣтъ дневной опять блеснулъ со всѣхъ сторонъ,
Какими-бъ жадными онъ сталъ смотрѣть глазами,
Какими-бъ залился блаженными слезами!—
Увидѣвъ Божій міръ, какъ счастливъ былъ бы онъ!

Я счастливъ потому, что въ тьмѣ печальной ночи
Блеснули мнѣ любви живительныя очи...
Я счастливъ потому, что въ чуткой тишинѣ
Любимыя уста привѣтъ шепнули мнѣ.
И не обманъ то былъ, не бредъ, не сновидѣнье—
Я чувствовалъ къ рукѣ моей прикосновенье
Ея хладѣющей и трепетной руки;
Я видѣлъ взглядъ ея, исполненный тоски,
Я слышалъ тихій вздохъ и шопотъ въ мигъ прощанья:
«Вы не уѣдете... не правда-ль?.. До свиданья?..»

А я хотѣлъ бѣжать!.. а я пришелъ, чтобъ съ ней
Проститься навсегда!—Блѣднѣя отъ волненья,
Я что-то бормоталъ безъ смысла и значенья;
Она-жъ съ улыбкою обычною своей
Глядѣла мнѣ въ глаза, какъ будто не внимая,
Какъ будто рѣчь души иную понимая...
И вдругъ, не знаю какъ, въ какой связи, зачѣмъ —
«Я васъ люблю, люблю...» сказалъ я... Въ то-жъ мгновенье

Послышались шаги и чье-то приближенье...
Она нахмурилась, и я остался нѣмъ.

И въ комнату вошелъ супругъ—довольный, ясный...
«А вотъ и я! Какой сегодня день прекрасный!»
Сказалъ онъ, дружески сжимая руку мнѣ.
Потомъ, не торопясь, приблизился къ женѣ,
Уставилъ на нее взглядъ нѣжный и умильный;
Сѣлъ рядомъ на диванъ—и страстный, грубый, сильный,
Въ сознаніи своихъ ненарушимыхъ правъ,
Ея покорный станъ одной рукой обнявъ,
Другою повернулъ головку молодую
И своему ее подставилъ поцѣлую.

Тогда-то въ глубинѣ ея знакомыхъ глазъ
Я гнѣва молнію увидѣлъ въ первый разъ.
Я сердцемъ ощутилъ въ то странное мгновенье
Ея отчаянье, и стыдъ, и отвращенье
Отъ обязательныхъ лобзаній, отъ любви
Того, кому клялась быть вѣрною до гроба,
Кому всѣ первыя мечтанія свои,
Всю юность отдала, кого теперь мы оба
Такъ ненавидѣли за то, что онъ тутъ былъ,
Казался счастливымъ, и вѣрилъ, и любилъ!

Кто знаетъ—можетъ быть, нежданное признанье
Въ ней пробудило бы одно негодованье?

Кто знаетъ—можетъ быть, горда и холодна
Мнѣ смѣхомъ на него отвѣтила-бъ она.
Но входъ незваннаго, счастливаго супруга,
Его увѣренность, наивный разговоръ,
И ласка грубая... и мой пытливый взоръ
Ей въ сердце влили ядъ. Мы поняли другъ друга,
Какъ два преступника столкнувшись въ тьмѣ ночной,
Случайно, на пути предъ цѣлію одной.

Той цѣлью жизнь была, во что бы то ни стало;
Жизнь полная страстей, веселья и тревогъ,
Съ мечтами юности, съ исканьемъ идеала,
Невиданныхъ небесъ, невѣдомыхъ дорогъ!
Она манила насъ волшебной красотою
Тумановъ голубыхъ, мерцаній и лучей
Къ той сказочной дали, любимой съ дѣтскихъ дней,
Куда, летая, мысль уносится порою
На отдыхъ отъ мірской, печальной темноты,
Отъ скуки будничной, отъ зла и суеты.

Намъ объяснилось все, что было сокровенно.
«Его не любишь ты!» ей улыбнулся я.
Мнѣ-жъ взглядъ ея сказалъ: «о, пожалѣй меня»!
И тайна общая насъ сблизила мгновенно,
Одно желаніе вдругъ зародилось въ насъ —
Скорѣе уловить уединенья часъ,

Другъ другу высказать, чѣмъ сердце было полно,
Что понимали мы, но скрытно и безмолвно,
Чего ни этотъ мужъ, ни кто-либо другой
Не долженъ былъ узнать! — Я сталъ ей не чужой!

И только лишь за дверь супругъ докучный скрылся
(Въ урочный часъ обѣдъ не поданъ былъ на столъ
И торопить слугу пріятель мой пошелъ) —
Дотоль унылый взоръ ея преобразился,
Поспѣшно головой кивнула мнѣ она,
Чтобъ къ ней я подошелъ—и вымолвила смѣло:
«Я завтра вечеромъ останусь здѣсь одна —
У мужа въ городѣ какое-то есть дѣло.
Пройдите прямо въ садъ — подъ липой у ручья
Мы съ вами встрѣтимся — тамъ ждать васъ буду я».

Я руку взялъ ея — рука ея дрожала,
Съ блаженной радостью, прижавъ ее къ губамъ:
«Вы осчастливили меня—спасибо вамъ!»
Сказалъ ей тихо я. Она не отвѣчала.
Она недвижима сидѣла предо мной —
Нѣмая, блѣдная, съ поникшей головой,
Вся погруженная въ глубокое раздумье...
И вдругъ какой-то бредъ, какое-то безумье
Вновь овладѣло ей и внятно въ тишинѣ—
«Мой милый, дорогой!» она шепнула мнѣ.

Я все забылъ въ тотъ мигъ! Безъ словъ, безъ объясненій,
Я, какъ подкошенный, упалъ къ ея ногамъ.
Не знаю, много ли промчалося мгновеній
Въ волшебномъ томъ бреду; но сладко было намъ
Смятеніе любви и страхъ ея извѣдать,—
Когда изъ комнаты сосѣдней громкій зовъ
До слуха нашего донесся: «супъ готовъ!
Жена—любезный гость!—пожалуйте обѣдать».—
И мы очнулися, и съ ней простился я
До завтра, тамъ... въ саду... подъ липой... у ручья!

3.

До завтра — такъ тогда я думалъ... Но у счастья
Нѣтъ завтрашняго дня, сказалъ мудрецъ-поэтъ.
Какъ молнія, порой, нежданно средь ненастья
Въ глубокой тьмѣ сверкнетъ его могучій свѣтъ,
Сверкнетъ—и ослѣпитъ испуганныя очи;
Но снова скроется—и снова сумракъ ночи
Чернѣе прежняго надвинется потомъ;
Печальнѣе впотьмахъ ненастный вихрь завоетъ
И сердце путника больнѣй въ груди заноетъ
При вспоминаніи о краткомъ блескѣ томъ!

Сосѣдъ—пріятель мой—обманутый женою!
Вчера ты счастливъ былъ—а нынче, что съ тобою?
Какое надъ тобой несчастіе стряслось?

Несчастье пошлое: безумно, на авось,
Ты въ карты напролетъ всю ночь игралъ; пропало
Все достояніе твое въ безумствѣ томъ.
Вчера еще богачъ—сегодня бѣднякомъ
Ты очутился вдругъ. Грядущее вставало
Зловѣщимъ призракомъ въ лохмотьяхъ нищеты.
Бѣда нагрянула—ее не вынесъ ты:

Ударъ тебя сразилъ! Недвижимъ, безъ дыханья,
Зажавъ въ рукѣ туза, лежалъ ты, какъ мертвецъ.
День цѣлый такъ прошелъ. Подъ вечеръ, наконецъ,
Проснулся въ головѣ лучъ скорбнаго сознанья.
Открылися глаза; ты простоналъ: «жена!
Жена, приди ко мнѣ!»—Приблизилась она,
Въ смятеньи къ твоему склонилась изголовью,
И—трупъ полуживой—ты съ дѣтскою любовью
Губами блѣдными къ рукѣ ея приникъ...
«Прости, прости!» шепталъ коснѣющій языкъ.

Все это лишь потомъ узналъ я. Одиноко
Провелъ я этотъ день, безслѣдный и пустой.
Его часы влеклись лѣнивой чередой.
Я вышелъ изъ дому... Спокойно и широко
Лежали предо мной знакомыя поля.
Объятъ невѣдомой и странною тревогой,
Я шелъ, неторопясь, пустынною дорогой,
И долго ли я шелъ?—того не знаю я.

Очнувшись, увидалъ я домъ передъ собою
И садъ, и ручеекъ, и липу подъ горою.

Былъ вечеръ. Тонкія алѣли облака
Въ багряномъ пламени лучистаго заката;
Но ужъ сырой туманъ надъ плёсомъ ручейка
Таинственно вставалъ. Дремотою объята,
Природа нѣжилась; лишь изрѣдка, сквозь сонъ
Въ саду листва деревъ тихонько трепетала,
Душистая теплынь волною набѣгала.
Въ селѣ сторожевой вдругъ раздавался звонъ
И тихо замиралъ, какъ плачъ струны, какъ стонъ;
Да гдѣ-то далеко кукушка куковала.

Потомъ смолкало все. Старинный темный садъ
Вкругъ дома барскаго далеко простирался,
Къ ручью по холмику пологому спускался,
Тамъ са́женыхъ дубовъ кончался длинный рядъ
И въ сторонѣ, одна, склонившись надъ водою,
Стояла липа. Къ ней тропинкой полевою
Въ обходъ жилыхъ домовъ, тайкомъ, черезъ заборъ,
Я въ часъ тотъ пробрался, какъ полуночный воръ,
Никѣмъ не встрѣченный и, притаивъ дыханье,
Сталъ ждать съ чужой женой условнаго свиданья.

И снова въ смутное раздумье погруженъ,
Я не видалъ, какъ тьмой покрылся небосклонъ,

Какъ весь онъ заблисталъ веселыми звѣздами,
Какъ полная луна взошла надъ деревами,
Обливъ вершины ихъ волшебнымъ серебромъ.
Я ждалъ свиданія — и въ ожиданьи томъ
Тянулись медленно докучныя мгновенья...
Вползали тихо въ умъ вопросы и сомнѣнья
И самая любовь, какъ ночь въ красѣ своей,
Все становилася блѣднѣй и холоднѣй.

Глазамъ окрестные предметы надоѣли,
Мой утомился слухъ внимать тиши ночной;
Надежда гаснула и, нехотя, безъ цѣли,
Подъ липой я стоялъ съ поникшей головой...
Пѣтухъ вдали пропѣлъ. Съ ручья вдругъ потянуло
Холодной сыростью въ туманѣ спящихъ водъ...
Ждать больше нечего — она ужъ не придетъ...
И счастью не бывать! — сомнѣнье мнѣ шепнуло.
Должно быть счастье то чужое, — не мое! —
Я поднялъ голову — и увидалъ... ее!

Платочкомъ наскоро закутавъ грудь и плечи,
Легко, какъ бы скользя по скату, шла она.
Тѣнь быстрая за ней бѣжала, а луна
Свѣтила ей въ лицо. Глаза искали встрѣчи
И всматривались въ мракъ подъ липою густой,
Гдѣ, неожиданнымъ видѣньемъ очарованъ,
Какъ будто цѣпію волшебною прикованъ,

Недвижно я стоялъ, смущенный и нѣмой.
Былъ счастливъ я, иль нѣтъ?—не знаю. Сердце билось...
Все замерло кругомъ; ничто не шевелилось.

Лишь слышались шаги все ближе, все яснѣй.
И—странно—въ этотъ мигъ мнѣ ясно показалось,
Что—что-то прежнее, былое повторялось:
И ночь, и этотъ садъ, и эта встрѣча съ ней,
Въ тиши ея шаговъ поспѣшныхъ приближенье
И тѣни быстрый бѣгъ—все это въ сновидѣньѣ
Иль на яву, давно, когда-то видѣлъ я.
Когда?... Но ужъ она стояла предо мною
И, озаренная холодною луною,
Враждебно, холодно смотрѣла на меня.

Я не узналъ ее! Нѣтъ—то была другая!
Не та, что мнѣ вчера, свиданье назначая,
Шептала бредъ любви и счастія; не та,
Чьи улыбались мнѣ привѣтныя уста,
Чей взоръ довѣрчивый, когда съ моимъ встрѣчался,
Въ смятеньи радостномъ, сверкалъ и потуплялся
И мигъ спустя опять, таинственно горя,
Мнѣ въ душу проникалъ какъ свѣтлая заря.
Гдѣ-жъ тотъ небесный взглядъ, гдѣ нѣжность, гдѣ улыбка?
Иль грезилъ я вчера? Иль то была ошибка?

Иль нынѣ эта рѣчь мнѣ слышится во снѣ?
«Что-жъ не кидаетесь на встрѣчу вы ко мнѣ?
«Я — видите — свое сдержала обѣщанье:
«Я ваша... я пришла на тайное свиданье,
«Въ потемкахъ крадучись, забывъ и стыдъ, и честь.—
«Да смѣйтесь, радуйтесь же!—добрую вамъ вѣсть
«Съ собой я принесла: онъ боленъ, умираетъ...
«Онъ въ этотъ самый мигъ, быть можетъ, призываетъ
«Жену любимую. Да нѣтъ жены! Она —
«Ушла къ любовнику — любимая жена!

«А вы, мой пламенный, счастливый обожатель!
«Конечно, завтра же поутру, какъ пріятель,
«Какъ добрый другъ семьи, придете къ мужу въ домъ
«У плачущей жены справляться о больномъ!
«Съ притворной грустію и напускнымъ участьемъ,
«Вы посмѣетеся надъ чуждымъ вамъ несчастьемъ...
«И, полная стыда, невидимо для всѣхъ,
«Лишь я одна пойму обидный этотъ смѣхъ:
«Пойму — и, можетъ быть, отъ гнѣва поблѣднѣю;
«Пойму — но выгнать васъ изъ дома не посмѣю!

«Васъ выгнать? Моего любовника?—О, нѣтъ!
«Я мужу передамъ вашъ дружескій привѣтъ.
«Скажу: онъ навѣстить тебя пришелъ, мой милый!
«И благодарный мужъ, собравъ остатокъ силы,
«Къ себѣ васъ позоветъ: прошу... ко мнѣ, сюда;

«Я радъ!.. И мнѣ на васъ довѣрчиво укажетъ:
«Вотъ настоящій другъ! онъ съ умиленьемъ скажетъ,
«Не правда ли, жена?—И я отвѣчу... да!!»
Она умолкнула и посреди молчанья,
Яснѣй, понятнѣй словъ, послышались рыданья.

Я ихъ не прерывалъ. Что могъ сказать я ей?
Сама природа-мать ея слезамъ внимала
И ночь-волшебница любовнѣй и нѣжнѣй
Свой голубой покровъ надъ нею простирала,
Смиряла бережно мятежъ больной души
И ласковый привѣтъ шептала ей въ тиши.
А мѣсяцъ между тѣмъ всплывалъ все выше, выше,
Все необъятнѣе, все глубже былъ покой,
Неотразимѣй онъ овладѣвалъ душой
И слезы все лились обильнѣе и тише.

Грозы стихалъ порывъ и грусти кроткій лучъ
Изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, слезами отягченныхъ,
Въ глазахъ, вновь для меня знакомыхъ и смягченныхъ,
Блеснулъ мнѣ, какъ лазурь сквозь убѣгавшихъ тучъ.
«Простите», мнѣ она смиренно прошептала,
«Я обезумѣла отъ горя, отъ стыда,
«Я разскажу... меня поймете вы тогда...»
И слезы отеревъ, она мнѣ разсказала
Все, какъ случилося, какъ мужъ молилъ ее
Простить... не покидать... любить.—Я понялъ все!

«Вотъ видите ли» — такъ она мнѣ говорила —
«Пока онъ счастливъ былъ — его я не любила.
«Вы это поняли, вы это знали... Да,
«Скрываться нечего и тайны нѣтъ межъ нами:
«Мнѣ душно было съ нимъ — легко мнѣ было съ вами.
«Меня манили вы украдкою. — Куда?
«Къ блаженству-ль, къ гибели? — Я спрашивать боя-
лась...
«Какъ птица въ клѣткѣ я безсмысленно металась.
«И — правду горькую примите не сердясь —
«Отъ скуки завлекла и полюбила васъ.

«Васъ — пришлаго въ дому, чужого человѣка,
«Я мужу предпочла! Я съ вами заодно
«Его обманывать тайкомъ хотѣла!... Но
«Тотъ мужъ теперь исчезъ... Полуживой калѣка,
«Безпомощный бѣднякъ явился предо мной
«И, глядя мнѣ въ глаза съ покорною тоской,
«Боясь не встрѣтить въ нихъ желанное участье,
«Молилъ послѣднее ему оставить счастье
«(То, что онъ требовать бы могъ!) — любовь мою...
«И жалко мнѣ его — и я его люблю!

«А къ вамъ теперь пришла проститься. Виновата
«Во всемъ случившемся, быть можетъ, я одна
«И въ наказаніе за то нести должна
«Суровый, тяжкій крестъ! Къ былому нѣтъ возврата

«Забудьте же меня, какъ я забуду васъ,
«А мнѣ... о! мнѣ давно пора разстаться съ вами,
«Пора идти къ нему!.. Все кончено межъ нами».
И, смолкнувъ, отъ земли не поднимая глазъ,
Какъ будто торопя забвенье и разлуку,
Она холодную мнѣ протянула руку.

«Прощайте!» Но на мигъ ее я удержалъ...
«Ужель возврата нѣтъ?» я горько прошепталъ;
«Ужель за краткій часъ счастливаго забвенья
«Должна разбиться жизнь? Ужели нѣтъ прощенья?
«Не вѣрю!—вновь должны сойтись мы!.. но когда?»
Она окинула меня печальнымъ взоромъ;
Не то съ усмѣшкою, не то съ нѣмымъ укоромъ
Тотъ взглядъ отвѣтилъ мнѣ: «Конечно, никогда!»
И молча я смотрѣлъ, какъ призракъ удалялся,
Какъ въ мракѣ скрылся онъ—и я одинъ остался!

Одинъ—вновь для нея далекій и чужой;
Одинъ—униженный, забытый, оскорбленный,
Поверженный во прахъ, колѣнопреклоненный
Предъ новой, чистою, могучей красотой!
Къ ней не дерзаетъ страсть поднять съ моленьемъ очи,
Уста не властны ей слова любви шептать;
Ее желать нельзя, но и забыть нѣтъ мо̀чи!
Возможно лишь одно: бѣжать, бѣжать, бѣжать!
Куда нибудь, скорѣй, въ чужое отдаленье,
Въ надеждѣ тамъ найти желанное забвенье!

4.

Привѣтный уголокъ земли родной—прости!
Прости и ты, мечта о счастьи! Одинокій,
Ненужный никому—я завтра въ путь далекій
Пускаюсь... Можетъ быть въ концѣ того пути
Случайно... гдѣ нибудь... Нѣтъ, полно увлекаться!
Пора одуматься, пора за умъ мнѣ взяться.
Къ чему мечтанія, надежды лживый бредъ?
Блаженъ, чье счастіе судьбою позабыто.
Мое мелькнуло мнѣ на мигъ—и ужъ разбито!
Розбито почему? за что?—Отвѣта нѣтъ.

И протекутъ года. Холодный, очерствѣлый,
Наскучивъ странствіемъ, я возвращусь назадъ,
Увижу этотъ домъ, забытый, опустѣлый,
И снова забреду въ безмолвный этотъ садъ...
Неузнанный никѣмъ, одинъ подъ старой сѣнью
Въ раздумьи сяду я,—и ласковою тѣнью
Желаннымъ призракомъ въ знакомой тишинѣ
Давно минувшее опять предстанетъ мнѣ...
Предстанетъ, можетъ быть, съ улыбкой примиренья
И милы будутъ мнѣ тѣ грезы и видѣнья!»

Вотъ, что въ забытомъ дневникѣ
Написано когда-то было,
Что нынѣ ясно въ старикѣ

О прошломъ память воскресило.
Сбылося все: онъ посѣтилъ
И ту сосѣднюю обитель,
Гдѣ, шумной роскоши любитель,
Его пріятель прежде жилъ.
Съ какой-то горькою отрадой,
Въ воспоминанья погруженъ,
Къ усадьбѣ приближался онъ.
Вотъ, за рѣшетчатой оградой
Мелькнулъ знакомый, сельскій храмъ;
Вотъ, хижинъ рядъ; вотъ, мостъ — а тамъ
Правѣй, на ближнемъ возвышеньи...
Но гдѣ же домъ? гдѣ садъ? — ихъ нѣтъ!
Кой-гдѣ лишь виденъ смутный слѣдъ....
Кругомъ все новое строенье;
На мѣстѣ сада — огородъ;
Гдѣ прежде домъ стоялъ старинный
Теперь тянулся низкій, длинный
Не то сарай, не то заводъ...
Весь въ окнахъ; изъ трубы высокой
Дымъ черный вылеталъ. Далеко
Какихъ-то машинъ странный шумъ
Въ поляхъ окрестныхъ разносился.
И озадаченъ, и угрюмъ,
Старикъ, вздохнувъ, остановился.
Зачѣмъ привлекся онъ сюда —
Пришлецъ печальный и суровый —

Гдѣ отъ былого нѣтъ слѣда?
Гдѣ жизнью чуждою и новой,
Не говорящей ничего,
Все вдругъ дохнуло на него?!

И съ затаеннымъ онъ укоромъ,
Окинулъ равнодушнымъ взоромъ
Селенье, холмъ и все вокругъ.
Вездѣ свершились перемѣны,
Все ново — зданья, крыши, стѣны...
Нѣтъ прошлаго!.. Но что же вдругъ
Старикъ какъ будто оживился?
На чемъ, блеснувъ, остановился
Его недвижный, жадный взоръ?
Какой онъ пораженъ красою?..
Тамъ, гдѣ зеленый косогоръ
Къ ручью волнистой пеленою
Спускается... ужель она,
Средь разрушенія одна
Стоитъ цѣла и невредима —
Та липа старая? — хранима
Какой-то тайною судьбой,
Стоитъ и дремлетъ надъ водой!
Она! — и годы забывая,
Съ бывалой легкостью шагая
По пашнѣ рыхлой прямикомъ,
Не озираяся кругомъ,

Спѣшитъ онъ, ускоривъ дыханье,
Какъ на любовное свиданье,
Нестройныхъ, смутныхъ полонъ думъ —
И вдругъ знакомый листьевъ шумъ
Донесся издали до слуха:
Узнала старика старуха!
Очнулась послѣ многихъ лѣтъ
Нѣмого сна, нѣмой кручины —
Очнулась съ корня до вершины
И шепчетъ радостный привѣтъ!

Не потревожимъ ихъ свиданья;
Оставимъ ихъ въ тиши, вдвоемъ.
Ни ихъ рѣчей, ни ихъ молчанья
Мы сердцемъ чуждымъ не поймемъ.
Да и къ чему? Иныя встрѣчи,
Иные образы впередъ
Уже насъ манятъ. Жизнь не ждетъ —
И старыя смолкаютъ рѣчи,
Когда подъемлется весной,
Шумъ жизни новой, молодой...

СКАЗКА НОЧИ

(1880)

СКАЗКА НОЧИ.

Въ разлукѣ мы съ тобой... душа свиданья проситъ—
И часто въ сумракѣ, вечернею порой,
Крылатая мечта къ тебѣ меня уноситъ;
Мнѣ кажется тогда, что вижусь я съ тобой...

Недавно, вечеромъ я былъ одинъ. Стемнѣло.
Заснулъ весь Божій міръ. Дневное кончивъ дѣло,
Я вышелъ на балконъ, съ балкона въ темный садъ,
Изъ сада въ сторону побрелъ дорогой въ поле.
Въ померкнувшей дали тонулъ, какъ въ морѣ, взглядъ;
Но душно было мнѣ, какъ узнику въ неволѣ.
Въ уединеніи томилася душа
И безсознательно тебя вездѣ искала...
Въ далекомъ облакѣ зарница трепетала;
А вѣтерокъ ласкалъ лицо мнѣ, чуть дыша.
Я шелъ все далѣе... и вдругъ мнѣ показалось,
Что ты на встрѣчу мнѣ съ тѣмъ вѣтеркомъ примчалась

Какъ чистой радости желанная струя;
Съ довѣрьемъ ласковымъ къ груди моей прильнула
И, глядя мнѣ въ глаза съ улыбкою, шепнула:
— Меня ты не узналъ? Смотри—вѣдь это я!..

И вмѣстѣ мы пошли...
Счастливою тревогой
Такъ сердце билося, такъ намъ хотѣлось много
Другъ другу высказать, что оба смолкли мы
И долго, долго шли средь чуткой полутьмы,
Ища напрасно словъ, лишь взглядами мѣняясь,
Лишь крѣпче на ходу другъ къ другу прижимаясь,
Въ минуту счастія нежданнаго страшась,
Чтобъ что нибудь опять не разлучило насъ.
Безсонный коростель кричалъ въ травѣ высокой;
Но такъ прислушались мы къ голосу его,
Что намъ казалося — не слышно ничего!
Поля покоились кругомъ въ тиши глубокой.
Хотѣлъ я долгое молчанье превозмочь
И разсказать тебѣ всю повѣсть дней разлуки,
Но смолкли на устахъ начатой рѣчи звуки—
За насъ держала рѣчь сама Царица Ночь!
Она покрыла насъ широкими тѣнями,
Она сверкала намъ блестящими глазами
Своихъ несчетныхъ звѣздъ, она шептала намъ
Слова беззвучныя, но внятныя сердцамъ, —
Волшебныя слова, исполненныя ласки,

Отъ вѣка созданной и вѣчно новой сказки
Про счастіе любви... Въ разлукѣ мы съ тобой,
Но такъ я обольщенъ былъ сказкой той ночной,
Такъ ясно близь себя внималъ твое дыханье,
Такъ сердце вѣрило въ желанное свиданье,
Что и теперь, отъ грезъ полночныхъ пробужденъ,
Я сомнѣваюся: ужель тѣ былъ лишь сонъ!

Мнѣ сказывала Ночь: «Васъ въ мірѣ только двое!
Сіяніе зари, мерцанье звѣздъ ночныхъ,
Равнины тихія и небо голубое—
Весь этотъ мракъ и блескъ для васъ—для васъ одныхъ!
Когда-бъ другъ друга вы не знали, не любили,
Когда бы чуждою тебѣ была она,—
Ни эти небеса, ни звѣзды-бъ не свѣтили,
Просторъ, туманъ и даль къ себѣ бы не манили
И я сама, какъ смерть, была бы холодна.
Припомни: не тогда-ль, когда передъ собою
Той лучезарною, той памятной весною
Ее ты увидалъ—какъ вѣчной красоты
Земной, доступный ликъ—о, не тогда-ль впервые
Ты звуки услыхалъ чудесные, живые:
Какъ звѣзды говорятъ, какъ шепчутся цвѣты,
Какъ въ небѣ вешнихъ птицъ несутся вереницы,
Какъ дышатъ стебли травъ, какъ бредитъ сонный лѣсъ,
Какъ плещутъ крыльями пугливыя зарницы,
Порхая въ сумеркахъ на рубежѣ небесъ?

Чтò подняло вокругъ тѣ странныя шептанья,
Чтò возвѣщали тѣ полеты, трепетанья,
Ночные голоса, и шумы, и огни?
Я говорю тебѣ: встрѣчали васъ они
И небомъ, и землей, и мракомъ, и денницей,
Какъ юнаго царя съ избранною царицей!
Про счастіе твое ликующую вѣсть
Природы голоса спѣшили перенесть
Во всѣ концы земли, отъ края и до края,
Ее то шопотомъ, то громко повторяя
Журчаньемъ волнъ въ рѣкѣ, напѣвомъ птицъ въ лѣсахъ,
Дыханьемъ травъ въ степи и громомъ въ облакахъ!
А люди—помнишь ли какъ всѣ они вдругъ стали
Добры и веселы? Безъ злобы и печали
Они внимательно толпилися кругомъ.
Черты суровыя и хмурыя смягчались,
Холодныя уста привѣтомъ оживлялись,
Глаза участливымъ свѣтилися огнемъ.
Ласкались дѣти къ вамъ, забывъ свои игрушки,
И даже дряхлыя, застывшія старушки,
Съ улыбкою на васъ кивая головой,
О милой юности шептались межъ собой.
И съ высоты любви безоблачной, спокойной,
На этотъ міръ толпы гудящей и нестройной,
На этотъ будничный и пестрый маскарадъ
Лишь изрѣдка кидалъ ты равнодушный взглядъ.

Ты зналъ иную жизнь и счастіе иное;
Повсюду и всегда васъ было... только двое!..

Но отвернись теперь—и полетимъ съ тобой
Мы въ нѣкій новый край...»

И тѣнь вдругъ разступилась.
И даль туманная внезапно озарилась
Какой-то красною зловѣщею зарей;
Почудилося мнѣ: невѣдомою силой
Съ тобой вдругъ разлученъ, впередъ помчался я;
А ты въ дали, одна, головкою унылой
Поникнувъ, съ горечью взглянула на меня.
И долетѣлъ ко мнѣ твой зовъ чудесно внятный,
Любви могучій зовъ... Потомъ, средь темноты
Блеснувъ въ послѣдній разъ, изъ глазъ исчезла ты
И замеръ голосъ твой—и странный, непонятный,
Подобный плеску водъ, послышался мнѣ гулъ.
«Смотри, шептала Ночь, смотри!».—И я взглянулъ:
Передо мной былъ пиръ. Картиною огромной
Огнями писанной на сводѣ ночи темной,
Какъ разгорѣвшійся пожаръ, предсталъ мнѣ онъ,
Безумный, радостный, весь въ звукахъ, весь въ движеньи,
Стихая, вновь шумя,—пылая въ наслажденьи!..
«Войди!» сказала Ночь; но, мраченъ и смущенъ,
Въ недоумѣніи стоялъ я у порога

Того волшебнаго и страшнаго чертога,
Не въ силахъ ни войти, ни удалиться прочь;
А на ухо опять мнѣ зашептала Ночь:
«Ты не войдешь сюда на пиръ; я это знала:
Тебя иная власть на вѣкъ заколдовала.
Прислушайся: гремитъ веселый хоръ пѣвцовъ;
Но сквозь его напѣвъ—ея ты слышишь зовъ!
Безпечный громкій смѣхъ, шумъ, пляски раздаются,
А сердце далеко и мысли къ ней несутся.
Сверкаетъ золото, кругомъ огни горятъ;
Блеститъ убранствами роскошная палата;
Но ярче тѣхъ огней, и роскоши, и злата
Въ глаза тебѣ глядитъ ея знакомый взглядъ...
Вы встрѣтились опять—и смолкло все чужое,
Погасъ ненужный пиръ—васъ въ мірѣ... только двое!

И много пронеслось и пронесется дней...
Межъ вами все полнѣй, все крѣпче единенье;
Нѣтъ таинъ, нѣтъ преградъ—и даже отдаленье
Теперь уже тебя не разлучаетъ съ ней.
Взгруснется-ль, темныя-ль въ умѣ слетятся думы,
Житейскихъ ли заботъ обниметъ мракъ угрюмый
И некому излить тѣ думы, ту печаль—
Лишь вспомнишь ты о ней—и исчезаетъ даль.
На вѣрный твой призывъ отвѣтъ звучитъ счастливый,
Въ молчаніи полетъ ты слышишь торопливый;

Сквозь степи и туманъ, и море тьмы ночной
Зовешь ее—и въ мигъ она передъ тобой»!

Такъ говорила Ночь—и выше все, и жарче
Зарницы страстныя пылали въ облакахъ,
Теплѣе вѣтерокъ дышалъ въ ночныхъ потьмахъ;
А образъ милый твой все чище и все ярче,
Улыбкой, какъ лучомъ небеснымъ, озаренъ,
Мнѣ въ душу проникалъ, глядѣлъ мнѣ прямо въ очи;
И взглядомъ повторялъ онъ ту же сказку Ночи
Про счастіе любви... Ужель то былъ лишь сонъ!

ДѢДЪ ПРОСТИЛЪ

(1881)

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Не долго мнѣ пришлось вкушать отдохновенье...
Давно ли, кажется, послѣдній конченъ трудъ—
И что жъ?—въ глазахъ стоитъ ужъ новое видѣнье
И новыя мечты съ собою вдаль влекутъ...
Куда?—не вѣдаю. На долго-ли?—не знаю.
Чьи это образы витаютъ предо мной?
Кто-бъ ни были они—съ привѣтомъ я встрѣчаю
Невѣдомыхъ гостей незванный, шумный рой.

Ихъ лица, имена, ихъ рѣчи—все туманно...
Еще сливаются неясныя черты...
Но мигъ—и сквозь покровъ окрестной темноты
Картины уголокъ освѣтится нежданно;
И образъ явится, и близко подойдетъ,
И остановится въ глазахъ, какъ изваянье,
И скажетъ... Но зачѣмъ загадывать впередъ?
Когда начало есть—найдется окончанье.

Случается: бредешь тропинкою лѣсной,
Давно потеряно прямое направленье...
Страшиться нечего!—навѣрно слѣдъ людской
Изъ чащи приведетъ къ жилищу, иль въ селенье;
Тамъ постучишься въ дверь, въ ворота, иль окно —
И незнакомая отворится свѣтлица,
Предстануть чуждыя, невѣдомыя лица;
Какъ звать ихъ? кто они? — Ужель не все равно!

Не вѣкъ вѣдь съ ними жить. Мірокъ ихъ на мгновенье
Освѣтится и вновь исчезнетъ на всегда...
Спасибо и за то. Быть можетъ, впечатлѣнье
Въ умѣ не проскользнетъ безъ смысла и слѣда;
Быть можетъ, что нибудь хорошее, святое
Съумѣетъ отъ него душа на вѣкъ сберечь —
И много лѣтъ спустя, воскреснетъ въ ней былое
И прозвучитъ опять замолкнувшая рѣчь.

Тогда не разберешь — то новое-ль мечтанье —
Мгновенный вымыселъ и мимолетный бредъ,
Иль затаенное въ душѣ воспоминанье,
Давно минувшаго случайно всплывшій слѣдъ?
Но сердце чуткое живѣй въ груди забьется,
Дѣйствительности шумъ докучный замолчитъ—
И будничная жизнь на мигъ какъ бы прервется,
И тихій ангелъ въ ней съ улыбкой пролетитъ.

ДѢДЪ ПРОСТИЛЪ.

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДАНІЕ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ А. А. КАТЕНИНУ).

I.

Не веселъ что-то старый князь:
Его тревожатъ злыя думы.
Глубоко въ кресло погрузясь,
Молчитъ онъ, мрачный и угрюмый.
Предъ нимъ молоденькая дочь
Сидитъ и книгу вслухъ читаетъ;
Огонь въ каминѣ догораетъ;
А на дворѣ мятель и ночь...

Залаялъ песъ... Княжна вздрогнула,
Украдкой на отца взглянула,
Взглянула съ трепетомъ въ окно.

Какъ по ребенкѣ мать родная,
Тамъ вьюга плакала ночная,
Тамъ было страшно и темно.
Старикъ очнулся. — «Чтò съ тобою?»
Спросилъ онъ, пристально, въ упоръ
На дочь уставивъ тусклый взоръ.
Поникнувъ робко головою,
Въ смятеньи, на вопросъ его
Княжна шепнула; «ничего»...
Промчалось въ тишинѣ мгновенье,
И снова раздалося чтенье,
И снова, въ думу погрузясь,
Умолкнулъ мрачно старый князь.

Та дума ужъ три дня, три ночи
Ему покоя не даетъ,
Какъ туча давитъ и гнететъ —
И отогнать ее нѣтъ мòчи.
Блаженно жизнь текла его:
Онъ вѣдалъ сонъ, покой, безстрастье,
Съ нимъ дочь... и больше ничего
Онъ не желалъ — тò было счастье!
Онъ пережилъ тревожныхъ лѣтъ
Утраты, смуты и страданья;
Лишь изрѣдка воспоминанья
Толкали мысль на старый слѣдъ;
Но стихли страсти, кровь остыла;

Кончался день — вставала ночь...
Одна звѣзда ему свѣтила,
Одна любовь его живила:
Его дитя родное — дочь!

И вспомнилъ онъ былые годы,
Когда—гвардеецъ молодой—
Онъ въ царствѣ роскоши и моды
Блисталъ богатствомъ и красой.
Пирушки, кутежи, обѣды,
Смотры, порханье по баламъ
И неудачи, и побѣды
Въ кругу блестящихъ, свѣтскихъ дамъ—
Воскресло все! Живыхъ видѣній
Предъ нимъ вставалъ знакомый рядъ.
Весь этотъ пестрый маскарадъ,
Всю эту смѣну впечатлѣній
Онъ въ памяти перебиралъ,
Какъ главы стараго романа.
Нарисовался сквозь тумана
Предъ нимъ придворный, пышный балъ,
Гдѣ онъ впервые повстрѣчалъ
Ту дѣвушку въ нарядѣ бѣломъ,
Съ улыбкой ясной на устахъ,
Съ лучомъ загадочнымъ и смѣлымъ
Въ полумладенческихъ глазахъ.
Онъ вспомнилъ, какъ въ толпѣ, случайно,

Онъ ей представленъ былъ; потомъ,
Какъ сталъ влюбленный ѣздить въ домъ,
Какъ угадалъ съ тревогой тайной,
Что былъ любимъ; какъ, наконецъ,
Красоткѣ вымолвилъ признанье...
Сбылось завѣтное желанье
И съ ней пошелъ онъ подъ вѣнецъ.
Онъ вспомнилъ брачной жизни годы,
Любви несбывшіеся сны,
Рожденье дочери, невзгоды,
Измѣну вѣтренной жены;
Стыда и ревности мученья,
Развода явнаго позоръ,
Друзей насмѣшки, сожалѣнья
И свѣта черствый приговоръ...
И отъ людской бѣжалъ онъ злобы...
Сокрывъ остатокъ чувствъ и силъ
Въ больной душѣ, онъ полюбилъ
Деревню, снѣжные сугрубы,
Угрюмый прадѣдовскій домъ,
Шумъ вѣтра, пѣнье зимней вьюги,
Уединенные досуги,
Безлюдье, глушь и мракъ кругомъ.
Онъ наслаждался тишиною,
Какъ травлей утомленный звѣрь.
Малютку-дочь онъ взялъ съ собою
И ею счастливъ былъ теперь.

Красою тихой и прелестной,
Свой озаряя уголокъ,
Она взросла въ глуши безвѣстной,
Какъ вешній полевой цвѣтокъ;
Взросла и съ жизнью примирила
Питомца жизненныхъ утратъ,
И кроткимъ свѣтомъ озарила
Печальныхъ дней его закатъ.
Что̀-жъ нынѣ духъ его тревожитъ?
Какая тайная печаль
Закралась въ грудь и сердце гложетъ?
Ужель ему былого жаль?
Ужель покрытый сѣдинами,
Усталый, сгорбленный старикъ,
Душой помолодѣвъ на мигъ,
За обольстительными снами,
Какъ много лѣтъ тому назадъ,
Опять умчаться былъ бы радъ?

О, нѣтъ! Въ безмолвіи, въ пустынѣ,
Въ дремотѣ сладкой счастливъ онъ!
За этотъ благодатный сонъ,
За свой покой дрожитъ онъ нынѣ.
Вѣрна-ль охрана крѣпкихъ стѣнъ?
Забытъ ли онъ людской враждою
И обезпеченъ ли судьбою
Отъ бурь и новыхъ перемѣнъ?

Съ неодолимою боязнью
Онъ озирается вокругъ;
Стучится-ль въ дверь сосѣдъ?—тотъ стукъ
Онъ внемлетъ съ тайной непріязнью:
Ахъ, погодите,—мыслитъ онъ,—
Стучать, шумѣть!.. Я утомленъ
Все этой скучною тревогой,
Мнѣ жить осталось ужъ не много;
Молю, не троньте старика,
Чтобъ смерть была ему легка!

Но жизнь могучая не дремлетъ:
Ее не сдержишь у воротъ;
Она моленіямъ не внемлетъ
И безъ призыва въ домъ идетъ!
И вотъ подъ кровъ уединенный
Ворвался человѣкъ чужой...
Веселый, дерзкій, молодой;
Онъ возмутилъ покой священный
Усталой старости. Кругомъ
Все измѣнилось, зашумѣло;
Живое что-то въ домъ влетѣло...
Зачѣмъ?—И въ трепетѣ нѣмомъ
Старикъ тоскуетъ; мрачно, грозно
Глядитъ на дочь... Ужъ поздно, поздно!
Она не видитъ ничего,
Она... чужая для него!

На тайный гнѣвъ, на взоръ ревнивый
Улыбкой ясной и счастливой
Ему отвѣтствуетъ она—
И, наконецъ, безъ состраданья
Ему-жъ несетъ души признанья
И говоритъ: «Я влюблена!
Дозволь мнѣ быть его женою,
Ему предаться всей душою,
Одною жизнію съ нимъ жить.
Меня онъ любитъ... онъ признался;
Онъ сердце мнѣ открылъ; онъ клялся,
Что будетъ вѣкъ меня любить!»
И щеки рдѣютъ, льются слезы...
О, бредъ безсмысленный! о, грезы,
Обмана полныя!... И въ нихъ
О старикѣ-отцѣ ни звука!
«Дозволь»... но это вѣдь разлука!
Вѣдь это смерть!... И кто-жъ женихъ?
Кто счастья мирнаго губитель?..
Навѣрно—праздный расточитель,
Повѣса, вѣтренникъ, глупецъ!
И для него она готова
Покинуть домъ, отца родного...
Сыскался мужъ—забытъ отецъ!

И старику обидно стало,
И сердце гнѣвомъ воспылало...

«Нѣтъ, свадьбѣ этой не бывать,
Пока я живъ!.. Ужъ гаснутъ силы;
Добресть хоть дайте до могилы
И въ ней уснуть... Не долго ждать!»

И дочь, умолкнувъ, удалилась—
Она какъ будто покорилась,
На сердцѣ горе затая.
Съ тѣхъ поръ прошло уже три дня;
Опять кругомъ все притаилось;
Но князь взволнованъ и угрюмъ,
Страхъ непонятный душу гложетъ
И отогнать старикъ не можетъ
Неясныхъ, но зловѣщихъ думъ.

Княжна читала, но мечтанья
Ея неслись отъ книги прочь:
Тамъ на дворѣ, гдѣ мракъ и ночь,
Гдѣ слышны вьюги завыванья,
Она взволнованной душой
Ждала чьего-то приближенья,
Межъ тѣмъ какъ тихой чередой
Катились тихія мгновенья...
И отъ докучныхъ, тѣсныхъ строкъ
Глаза не смѣли отвернуться;
Боялся дрогнуть голосокъ,
Боялось сердце шевельнуться.

Мечта одна лишь, не страшась,
Шептала внятно рѣчь участья:
Крѣпись, мужайся... близокъ часъ
Освобожденія и счастья!
И жутко становилось ей.
Она мечтанье отгоняла,
Она прилежнѣе читала;
Но въ мысляхъ ярче и живѣй
Любимый образъ рисовался
И голосъ твердый раздавался:
«Чего намъ ждать? Бѣжимъ съ тобой.
Скажи, скажи одно лишь слово
И къ ночи будетъ все готово:
Должна между отцомъ и мной
Ты выборъ сдѣлать неизбѣжно;
Ты молвишь: да—и Божій храмъ
Свои откроетъ двери намъ;
Ты промолчишь—и безнадежно
Я удалюся навсегда!
Рѣши, отвѣть»... И въ жгучей мукѣ
При страшной мысли о разлукѣ
Она спѣшитъ отвѣтить: да!
И то не сонъ, не обольщенье
Тревожитъ юную главу—
Мечта твердитъ лишь повторенье
Того, чтò было наяву.
И близокъ часъ, и песъ ужъ лаетъ,

18

Кого-то чуя; мракъ глубокъ;
Но другъ надежный не далекъ,
Ему ничто не помѣшаетъ.
Онъ юнъ и смѣлъ; онъ въ эту ночь
Примчится властный, непокорный
И подъ покровомъ ночи черной
У старика похититъ дочь!

Каминъ погасъ. Часы стѣнные
Пробили полночь. Со двора
Вновь лай донесся... «Спать пора»,
Вставая, молвилъ князь; сѣдые
Взъерошилъ волосы рукой.
Неодолимая забота
Его гнела; казалось, что-то
Хотѣлъ спросить онъ... «Боже мой, —
Княжна подумала—когда бы
Теперь меня онъ приласкалъ,
Иль улыбнулся, иль сказалъ
Хоть что нибудь—ему могла бы
Тогда открыть всю душу я,
И, вдругъ, онъ понялъ бы меня!
Онъ...» но въ устахъ застыло слово,
На дочь старикъ взглянулъ сурово,
Сказалъ: «прощай»,—и погруженъ
Въ свое раздумье, вышелъ вонъ.

Прошло безмолвныхъ три часа.
Мятель утихла. Небеса
Сквозь легкихъ тучъ кой-гдѣ синѣли;
Вторые пѣтухи пропѣли,
И запоздалая луна
Въ туманѣ поднялась лѣниво.
Недвижно, чутко, молчаливо
Въ красѣ таинственнаго сна,
По сторонамъ большой дороги
Стоитъ рядъ избъ; въ нихъ все темно,
Огни погашены давно.
Въ одной изъ хатъ старикъ убогій
Всю ночь тоскуетъ и не спитъ,
Слѣзъ съ печи и въ окно глядитъ.
Глядитъ—и про себя дивится:
Сквозь тонкій ледяной узоръ
Онъ видитъ—чья-то тройка мчится
Вдоль по селу во весь опоръ.
Свиститъ ямщикъ, несутся кони,
Взметая рыхлый, свѣжій снѣгъ
И, мнится, будто страхъ погони
Ихъ ускоряетъ быстрый бѣгъ.
Сидятъ въ саняхъ открытыхъ двое...
Старикъ подумалъ: что̀ такое?
Во слѣдъ проѣзжимъ поглядѣлъ,
Но лицъ узнать онъ не успѣлъ.
И тройки вновь, какъ не бывало:

Явилась... пронеслась... пропала—
Мгновенный призракъ безъ слѣда,—
Невѣсть откуда и куда.
И вновь все нѣмо и глубоко
Въ селеньи придорожномъ спитъ,
Лишь подъ окошкомъ одиноко
Старикъ въ раздуміи сидитъ.
Сидитъ... пошепчетъ самъ съ собою,
Вздохнетъ о чемъ-то тяжело
И озаренное луною
Склоняетъ хмурое чело.

Въ ту ночь, подъ утро, предъ разсвѣтомъ
Приснился князю странный сонъ:
Черезъ Неву въ коляскѣ, лѣтомъ,
На острова катится онъ.
Красавица жена съ нимъ рядомъ
Сидитъ, головку наклонивъ,
Онъ—молодъ, счастливъ, горделивъ—
Ее ласкаетъ нѣжнымъ взглядомъ
Онъ знаетъ: встрѣчный имъ во слѣдъ,
Любуясь ею, обернется
И вкругъ коляски соберется
На «Стрѣлкѣ» весь знакомый свѣтъ.
И вотъ они остановились.
Блеститъ, какъ зеркало, заливъ;
Его всю ширь позолотивъ,

Къ водамъ ужъ солнце опустилось.
Толпа знакомыхъ лицъ кругомъ
Межъ экипажей праздно бродитъ.
Князь видитъ — кто-то къ нимъ подходитъ
Съ усмѣшкой дерзкою... кивкомъ
Его привѣтствуетъ небрежно,
Княгинѣ руку жметъ — и вдругъ
Она къ нему склонилась нѣжно
И съ нимъ цѣлуется!.. Вокругъ
Толпа неистово хохочетъ.
Князь драться, мстить и плакать хочетъ;
Но нѣтъ движенья, нѣмъ языкъ!
Все измѣнилось: онъ — старикъ,
Глядитъ усталымъ, мутнымъ взглядомъ,
Ужъ не жена сидитъ съ нимъ рядомъ,
А дочь тропой въ лѣсу глухомъ
Бѣжитъ, обнявшись съ женихомъ;
За ними вслѣдъ онъ поспѣшаетъ,
Но дальше силы нѣтъ идти;
Въ глазахъ темно... все исчезаетъ...
Лишь слышно дальнее: прости!

И князь проснулся; понемногу
Пришелъ въ себя. Со всѣхъ сторонъ
Все было тихо... «Слава Богу,
Крестясь, сказалъ онъ, — это сонъ!»
И въ то же самое мгновенье

Шаговъ раздалось приближенье;
Дверь отворилась... Князь глядитъ:
Предъ нимъ слуга его стоитъ,
Въ смятеньи странномъ шепчетъ что-то,
Потупивъ въ землю робкій взоръ:
«Княжны нѣтъ въ спальной... видѣлъ кто-то
За садомъ тройку»... Что за вздоръ?
Старикъ тревожно усмѣхнулся:
«Я не совсѣмъ еще проснулся»,
Подумалъ онъ; взглянулъ вокругъ,
Потомъ, не говоря ни слова,
Закрылъ глаза, открылъ ихъ снова
И въ ужасѣ поднялся вдругъ.
«Гдѣ дочь?.. Кто говоритъ: не знаю?
Сейчасъ найти, позвать ее!
Иль нѣтъ... постой... не понимаю...»
Но онъ ужъ понялъ — понялъ все!
Онъ понялъ, что не спалъ—что было
Свѣтло кругомъ, что ночь прошла;
Онъ понялъ, что бѣда пришла,
Передъ которой сердце ныло;
Что ждать не захотѣла дочь
Пока умретъ отецъ, что въ ночь
Она съ любовникомъ бѣжала;
Что сонъ его былъ вѣщій сонъ!...
Но — мыслитъ князь — не все пропало:
Ихъ на пути догонитъ онъ

И дочь возьметъ... Безъ колебаній
Она вернется въ домъ къ отцу.
Скорѣй же въ путь!..
И вотъ ужъ сани
Поспѣшно поданы къ крыльцу.

И онъ помчался. Конь рысистый,
Взметая бѣгомъ снѣгъ пушистый,
Мотая гнѣвно головой,
Несется, будто полонъ злобы,
Черезъ ухабы и сугробы
По слѣду свѣжему стрѣлой.
Тотъ слѣдъ ведетъ большой дорогой.
Князь жадно на него глядитъ,
Коня вожжею горячитъ
И озирается съ тревогой.
Кругомъ не ладно—по полямъ
Волшебникъ-вѣтеръ вновь гуляетъ
И вихри снѣга тамъ и сямъ
Уже высоко поднимаетъ.
Онъ гонитъ стаи облаковъ,
Онъ будитъ спящія равнины
И на защиту бѣглецовъ
Подъемлетъ снѣжныя дружины.
«Нѣтъ, шутишь!—мрачно мыслитъ князь —
Меня метель не испугаетъ!»
А вѣтеръ злой, шутя, смѣясь,

Хвостомъ коня предъ нимъ играетъ;
Заноситъ слѣдъ, вокругъ саней,
Какъ скоморохъ, шумитъ и пляшетъ,
Въ глаза покровомъ бѣлымъ машетъ
И свищетъ на ухо: скорѣй!
Впередъ... туда... правѣй... лѣвѣй,
Лови!... А снѣгъ все непрогляднѣй,
Все гуще падаетъ кругомъ
И все смѣлѣй и безпощаднѣй
Смѣется вихрь надъ старикомъ!
Несется конь, несется вьюга;
Въ погонѣ дикой другъ отъ друга
Не отстаютъ... Поля, лѣса,
Дорога, воздухъ, небеса —
Смѣшалось все!.. Вдругъ конь споткнулся,
Увязъ и въ сторону метнулся,
И легъ... Старикъ сошелъ съ саней;
Взглянулъ — ни слѣда, ни дороги!
Съ трудомъ передвигая ноги,
Среди сугробовъ, кочекъ, пней
Впередъ пошелъ онъ, самъ не зная
Зачѣмъ идетъ онъ и куда,
Упрямо по снѣгу шагая,
Какъ жадный волкъ, ища слѣда
Своей добычи... Жарко стало
Ему—и шубу сбросилъ онъ.
Глубоко, тяжко грудь дышала

И каждый вздохъ ея былъ стонъ.
А взоръ все ищетъ — не находитъ!
По сторонамъ тревожно бродитъ,
Завидитъ ямку — и скорѣй
Старикъ спѣшитъ пригнуться къ ней:
Не слѣдъ ли конскаго копыта
Иль оттискъ санныхъ подрѣзовъ?
Но все бѣло и все покрыто
Глубокой тайною снѣговъ!
И превозмочь сердечной муки
Не въ силахъ, онъ подъемлетъ руки
И дочь зоветъ... но вкругъ него
Метель—и больше ничего!
Метель побѣду торжествуетъ,
Метель пьяна и весела,
Метель поетъ, метель ликуетъ,
Метель звонитъ въ колокола.
Она зоветъ на праздникъ шумный
Своихъ невѣдомыхъ гостей,
И пиръ волшебный, пиръ безумный
Гудитъ все громче, все грознѣй!

Подъ вечеръ въ домъ свой опустѣлый
Старикъ вернулся наконецъ
Косматый, блѣдный, помертвѣлый,
Безъ шубы, весь обледенѣлый
Одинъ — покинутый отецъ!

Какой судьбой онъ живъ остался,
Гдѣ въ бурю цѣлый день скитался
И какъ нашелъ обратный путь?—
Богъ вѣсть!... Безъ смысла и сознанья,
Склонивши голову на грудь,
Уже не чувствуя страданья,—
Живой мертвецъ,—вступилъ онъ въ домъ,
Легъ на постель,—и все кругомъ
Густымъ туманомъ вдругъ покрылось,
Все миновало, все забылось,
И только изрѣдка, сквозь сонъ
Онъ смутно слышалъ вьюги стонъ.

II.

«Отецъ!.. я замужемъ. Я знаю,
Какъ предъ тобой виновна я;
Но объ одномъ лишь умоляю:
Не проклинай, прости меня!
Дозволь къ тебѣ намъ воротиться;
Мы припадемъ къ твоимъ ногамъ,
И, вѣрю я, твой гнѣвъ смягчится
И ты воротишь сердце намъ;
Вновь дочь преступную полюбишь,
Ее на жизнь благословишь,
Ея ты счастье не погубишь,
Ты примиришься и — простишь!»

Такъ послѣ свадьбы дочь писала.
Желанный не пришелъ отвѣтъ.
Она опять письмо послала;
Проходятъ дни... отвѣта нѣтъ!
Хоть мимолетная тревога
И пробуждается въ груди,
Но — въ жизни радостей такъ много,
Такъ много счастья впереди,
Такъ лучезарно сновидѣнье,
Блаженствомъ сердце такъ полнô,
Что о страданіи, о мщеньи,
О неминучемъ пробужденьи
Не властно помышлять оно.
Она любима. Всѣ съ участьемъ
Любуются ихъ юнымъ счастьемъ.
Отецъ?.. Но сердце говоритъ,
Что и отецъ ее проститъ!

И вдругъ примчалась вѣсть иная
И рушился волшебный кругъ:
Князь умираетъ! Злой недугъ
Его сломилъ; не принимая
Шесть дней ни пищи, ни питья,
Лежитъ онъ нѣмо, безъ сознанья.
Врачей напрасны всѣ старанья —
Его спасти уже нельзя!

Спасти нельзя... Но отчего же
Онъ умираетъ? Боже, Боже!
Ужель разлуки краткій мигъ
Перенести не могъ старикъ?!
Вѣдь дочь къ нему бы воротилась,
Вѣдь все мгновенно-бъ объяснилось,
Лишь только-бъ увидалъ онъ ихъ,
Счастливыхъ, свѣтлыхъ, молодыхъ!
Лишь понялъ бы, что другъ безъ друга
Имъ невозможно было жить,
Какъ невозможно птицамъ юга
Не мчаться вдаль и гнѣздъ не вить.
Къ нему, къ нему! Еще есть время.
Онъ живъ и, можетъ быть, ихъ ждетъ.
Съ души грѣха онъ сниметъ бремя,
Онъ все проститъ, онъ все пойметъ!...
И темнымъ ужасомъ объята,
Къ отцу вернуться дочь спѣшитъ.
Отецъ пойметъ!.. Но—нѣтъ возврата!
Трупъ не пойметъ и не проститъ!
Въ немъ нѣтъ отца. Отецъ съ собою
Взялъ счастье дочери своей.
«О, сжалься, сжалься надо мною!»
Она взываетъ, головою
Приникнувъ къ мертвецу; но ей
Мертвецъ отвѣтствуетъ молчаньемъ
Ея мольбою и стенаньемъ

Не тронутъ онъ; его покой
Не возмутитъ ужъ плачъ живой.
Онъ презираетъ все живое,
Ненужный шумъ не слышитъ онъ, —
Въ иную думу погруженъ,
Онъ что-то познаетъ иное.
Все глубже... глубже, все мертвѣй
Молчитъ онъ, мудрый и безстрастный,
Земному вздору непричастный
Одинъ — въ глухой ночи своей!

И та, чья воля такъ недавно
Неудержимо своенравно
Стремилась къ счастью, на просторъ,
Чей дѣтски чистый, свѣтлый взоръ
Такой надеждой озарялся,
Кому навстрѣчу улыбался
Весь Божій міръ — о гдѣ-жъ она,
Та беззаботная княжна?
Прислушайтесь: то̀ не рыданья
Печали жгучей, — то̀ стенанья
Навѣкъ разбитой жизни—въ нихъ
Ни слезъ, ни звуковъ нѣтъ живыхъ!
Давно ли полонъ былъ веселья
Влюбленный взглядъ тѣхъ чудныхъ глазъ?
Теперь, какъ въ мракѣ подземелья
Заглохшій свѣточъ, онъ погасъ.

Погасъ — и красота увяла,
И не играетъ въ жилахъ кровь,
И жизнь поблекла, и любовь
Для сердца напонятной стала!
На мужа юная жена
Глядитъ съ враждебностью нѣмою;
Отнынѣ навсегда чужою
Ему останется она.
Для нихъ ужъ нѣтъ уединенья!
Ихъ трое: мужъ, жена... и онъ!—
Мертвецъ, не давшій имъ прощенья,
Неумолимъ, непримиренъ
Стоитъ; лицо мрачнѣе ночи,
Застылъ упрекъ въ устахъ нѣмыхъ,
Стоитъ—и смотритъ прямо въ очи
И дышетъ холодомъ на нихъ.
Они бѣгутъ того жилища,
Гдѣ имъ покоя больше нѣтъ;
Но мертвый съ своего кладбища
Встаетъ, несется имъ во слѣдъ.
Они въ шумящую столицу
На суету, въ толпы людей,
Все дальше, дальше, заграницу,
Къ брегамъ невѣдомыхъ морей
Бѣгутъ; но призракъ грозный мчится
За ними всюду по пятамъ.
Ни отдохнуть, ни позабыться

Мертвецъ имъ не даетъ и тамъ.
И у несчастной нѣтъ ужъ силы
Бороться съ выходцемъ могилы:
Онъ овладѣлъ ея душой,
Ея умомъ, ея мечтой.
Онъ — мертвый — побѣдилъ живого,
Того обидчика чужого,
Того лихого пришлеца,
Что̀ дочь похитилъ у отца.
И только въ краткій мигъ забвенья
Жена на мужа взглянетъ вновь;
Ей призракъ шепчетъ: нѣтъ прощенья!
И меркнетъ взглядъ, и стынетъ кровь.
Опять, опять воспоминанье:
Чу,—зимней вьюги слышенъ стонъ,
И лай ночной, и ко̀ней ржанье,
И вопль, и похоронный звонъ!

Но мчались дни, и у несчастной
Родился сынъ. На немъ она,
Раздумья грустнаго полна,
Остановила взоръ безстрастный.
Зачѣмъ родился ты на свѣтъ?—
Подумала — и вновь взглянула,
И мысль нежданная мелькнула,
Какъ неба дальняго привѣтъ.
Свѣтъ ночника унылъ и ровенъ

Мерцалъ во тьмѣ. Глубокимъ сномъ
Ребенокъ спалъ... «Онъ невиновенъ!
Онъ примиритъ меня съ отцомъ!»
Пролепетала мать, и слезы
Потокомъ хлынули изъ глазъ
И утѣшительныя грезы
Слетѣли къ ней въ тотъ тихій часъ.
Предсталъ очамъ ея знакомый,
Когда-то милый край родной;
Сводъ неба свѣтлоголубой,
Поля и мягкіе подъемы
Лѣниво дремлющихъ холмовъ;
Необозримыхъ нивъ раскаты,
Вдали туманъ и лѣсъ зубчатый,
И очеркъ смутныхъ облаковъ.
Съ блаженной, радостной улыбкой
Она глядитъ: покой вокругъ;
Лишь воздухъ видимый и зыбкій
Струится по полю; то вдругъ
Обдастъ лицо и грудь теплынью,
Запахнетъ кашкой и полынью,
И спѣлой рожью, то дохнетъ
Лѣсовъ прохладою далекой,
То съ сѣнокоса принесетъ
Звукъ пѣсни вольной и широкой.
Но съ дѣтства для нея милѣй
Тѣхъ пѣсенъ крикъ коростелей,

И лѣса ровный шумъ и лепетъ,
Росистыхъ травъ и крыльевъ трепетъ,
Когда на полевой цвѣтокъ
Садится слабый мотылекъ.
Да, все въ томъ ласковомъ видѣньи
Ей говоритъ о примиреньи,
Все манитъ и зоветъ домой.
Холоднымъ небесамъ чужбины
Не исцѣлить ея кручины:
Душа стремится въ край родной.
Тамъ въ старомъ, родовомъ селеньи,
Вблизи родныхъ могилъ, она
За грѣхъ свой казнь нести должна,
Тамъ можетъ вымолить прощенье!
И на дитя она глядитъ
Съ надеждой робкой и тоскою,
Его любуется красою.
Ей вѣрится, что дѣдъ проститъ!

Пустое, лживое мечтанье!
Семья вернулася домой
Подъ кровъ родимый; но душой
Все то же властвуетъ страданье!
Ни сна, ни отдыха ей нѣтъ!
Ей опостылилъ Божій свѣтъ.
Проходятъ три тяжелыхъ года,
Трикраты пышная природа

Весну встрѣчаетъ и цвѣтетъ,
Потомъ зима опять приходитъ
И игры дикія заводитъ;
А мать несчастная все ждетъ,
Ждетъ, чтобы чудо совершилось,
Чтобъ сердцу какъ-нибудь открылось,
Что ей мертвецъ вину простилъ,
Что внука дѣдъ благословилъ.

И создаетъ она примѣты:
Хотѣлося бы ей во всемъ,
Чтò совершается кругомъ,
Читать рѣшенья и отвѣты:
Недугъ ли тяжкій поразитъ
Кого-нибудь—и невозможно
Спасти ту жизнь—она тревожно
Молитву жаркую творитъ.
Съ боязнью страстной и тоскою
Повсюду кары ищетъ слѣдъ
И мнитъ себя одну виною
Всѣхъ золъ, и недуговъ, и бѣдъ.
Ей въ жизни все едино стало.
По цѣлымъ днямъ она, бывало,
Сидитъ недвижно, затая
Въ душѣ завѣтное желанье,
Сидитъ и смотритъ внутрь себя
И слушаетъ свое страданье.

Летятъ часы, проходятъ дни...
Не властны, мнится ей, они
Страданій тѣхъ исполнить мѣру.
Она сама теряетъ вѣру,
Ждетъ—и не ждетъ... Но наконецъ
Надъ нею сжалился отецъ!

Въ то лѣто за грѣхи народа
Постигла мѣстность ту невзгода.
Былъ гнѣвенъ Богъ: Онъ запретилъ
Дождю и грому. Три недѣли
Безбрежно небеса синѣли
И землю солнца лучъ палилъ.
И вянулъ листъ на вѣткѣ томной,
И оскудѣлъ живой потокъ
Гремящихъ водъ и лугъ поемный,
Томимый жаждою, поблекъ.
Подъ вечеръ пыльною дорогой
Бредя съ работъ, на мглу долинъ,
На нивы тощія съ тревогой
Глядѣлъ унылый селянинъ.
Вернувшись къ хатѣ, озирался
Съ порога ветхаго крыльца,
И зной заката отражался
На кожѣ потнаго лица.
Въ избѣ жара; никто ни слова;
Ложится краткой ночи тѣнь...

Пѣтухъ поетъ въ сѣняхъ—и снова
Встаетъ сухой, палящій день.
И старъ, и младъ вздыхаетъ, тужитъ;
Молебенъ въ воскресенье служитъ
Приходскій попъ—и чуда ждетъ
Бѣдой испуганный народъ.

И въ изнемогшей отъ страданья
Больной душѣ въ послѣдній разъ
Среди толпы, въ молитвы часъ,
Проснулась жажда упованья.
Душа повѣрила опять
Въ возможность близкаго прощенья
И робко, полная сомнѣнья,
Склоняясь къ сыну, шепчетъ мать:
«Молись, чтобъ небо омрачилось,
Чтобъ Богъ на землю дождь пролилъ;
Молись, чтобъ чудо совершилось,—
Тȯ будетъ знакъ, что дѣдъ простилъ!»
Хоть и не ясно понимаетъ
Ребенокъ смыслъ ея рѣчей;
Но молится онъ горячѣй,
Къ землѣ головку преклоняетъ,
И въ общемъ горѣ и бѣдѣ,
Лишь сердцемъ чуя ихъ значенье,
Онъ дѣда проситъ о прощеньѣ
И молитъ Бога о дождѣ;

Потомъ съ заботливымъ вниманьемъ
Глядитъ на мать... Пора домой,
И оба, полны ожиданьемъ,
Идутъ изъ церкви за толпой.

Ужъ близокъ полдень. Вдоль селенья
Въ раздумьи бродитъ праздный людъ;
Ни смѣха не слыхать, ни пѣнья;
Томитъ, страшитъ всѣхъ Божій судъ.
Неурожая призракъ блѣдный
Въ глаза хозяевамъ глядитъ
И голодъ въ окна хаты бѣдной
Клюкой зловѣщею стучитъ:
— Теперь, молъ, некогда—зимою
Зайду въ побывку по пути;
Готовьтесь, дѣтушки мои,
На печкѣ полежать со мною.
Уживчивъ я—какъ забреду,
Пожалуй, долго не уйду.
— Недобрый гость, ступай-ка мимо.
Небось, въ усадьбы къ господамъ
Стучать не вздумаешь!—Вѣстимо,
Мнѣ, старику, не мѣсто тамъ.
Издавна возлюбилъ я хаты
Убогихъ селъ и деревень.
Меня не впустятъ въ тѣ палаты,
Гдѣ люди сыты каждый день.—

Такъ шепчетъ призракъ и лукаво
Киваетъ на господскій домъ,
Что̀ близь селенья величаво
Стоитъ, красуясь надъ холмомъ.
Но и въ дому томъ горе злое
Живетъ и властвуетъ давно.
Неотразимое, нѣмое—
Ужаснѣй голода оно!
Не слышно тамъ ни игръ, ни шума.
Хозяинъ, молча и угрюмо,
Скучая подъ окномъ сидитъ;
Ребенокъ въ дѣтской не шумитъ.
Изъ церкви онъ пришелъ съ заботой,
И все молчитъ, и ждетъ чего-то;
А мать въ безмолвный, темный садъ
Ушла, чтобъ быть въ уединеньи
Чтобъ сердца тайное волненье
Ничей не могъ подмѣтить взглядъ.

И вотъ, окружена толпою
Недвижно дремлющихъ деревъ,
Она заглохшею тропою
Идетъ... Какъ внятенъ стукъ шаговъ!
Какъ сердце бьется одиноко!
Какъ все враждебно и жестоко
Молчитъ. Хотѣлося бы ей
Природы видѣть пробужденье,

Внимать свистъ вѣтра, шумъ вѣтвей
И грозной бури приближенье;
Но полдень нѣмъ: въ его огнѣ
Ни листъ, ни вѣтвь не шелохнется;
Лишь мысль не спитъ, лишь сердце бьется
Въ невозмутимой тишинѣ.

И вдругъ... Но нѣтъ! — то призракъ ложный,
То бредъ больной и невозможный!
Почудилося ей, что садъ,
Внезапнымъ трепетомъ объятъ,
Отъ сна очнулся; что тревожный
Поднялся шумъ со всѣхъ сторонъ.
Все ближе къ ней, все громче онъ
Катится быстрою волною—
Широкъ, могучъ, неудержимъ—
И вотъ, весь садъ охваченъ имъ,
Какъ смѣлой, радостной мечтою.
И весело вдругъ стало ей
Въ томъ шумѣ листьевъ и вѣтвей.
Ей внятенъ онъ, какъ рѣчь живая;
Съ нимъ вмѣстѣ мчится вѣсть благая,
Прощенья вѣсть!.. Но все кругомъ
При этой мысли дерзновенной,
Поражено волшебнымъ сномъ,
Опять умолкнуло мгновенно—
И вновь унынія полна,

Поникнувъ робко головою,
Въ тиши заглохшею тропою
Идетъ и слушаетъ она.
Засуха, зной... Во мглѣ туманной
Ликъ солнца красенъ, воздухъ спитъ;
Но, чу!—какой-то грохотъ странный
Издалека въ тиши звучитъ.
Ужель гроза?—Не видно тучи,
Но снова вѣтерокъ летучій
Яснѣй въ молчаніи нѣмомъ
По саду пробѣжалъ; потомъ
Въ томительномъ недоумѣньи
Опять все стихло на мгновенье;
Природа внемлетъ и молчитъ—
И снова громъ въ дали гремитъ.

Гремитъ!—Она остановилась,
Въ груди дыханье притаилось.
«О, повторись желанный звукъ!
Разсѣй послѣднее сомнѣнье.
Отецъ! прости!»—И въ отдаленьи
Гремитъ опять,—и все вокругъ
На вѣщій гласъ тотъ отозвалось,
Все вновь мятежно взволновалось;
Весельемъ Божій міръ объятъ.
Тревога, шумъ... Ликуетъ садъ,
Цвѣты, деревья—все ликуетъ!

«Проститъ»—вѣщаетъ съ неба громъ;
«Проститъ»—разносится кругомъ,
А сердце... сердце все тоскуетъ,
Какъ будто не ему въ отвѣтъ
Смягченный Богъ гремитъ привѣтъ!

Прекрасна туча грозовая,
Полнеба грудью обнимая,
Идетъ—и небо тѣсно ей!
Она живетъ, ростетъ и дышетъ
И крылья мощныя колышетъ
И хмуритъ черный валъ бровей.
То взглянетъ вдругъ и заморгаетъ,
Заговоритъ... то вновь смолкаетъ
Въ раздумьи страстномъ—и грозна
Ея живая тишина.
Идетъ, надвинулась, сверкнула
Могучимъ взглядомъ; грянулъ громъ—
И все смѣшалося кругомъ,
Все въ тьмѣ и бурѣ потонуло.
Не потонуло лишь одно
Несчастной дочери моленье,
Къ отцу доносится оно
Сквозь шумъ, и грохотъ, и смятенье!
И жизнь страдальческую въ даръ
Пріемлетъ Богъ... Все позабыто,
Все прощено, все пережито...

Искупленъ грѣхъ—и палъ ударъ!
Передъ страдалицей мгновенно
Разверзлась огненная твердь—
Улыбка... взглядъ... и вопль блаженной
Небесной радости, и—смерть!
За мигъ предъ тѣмъ она стояла
Въ борьбѣ съ послѣднею мечтой...
Теперь, склонясь къ землѣ сырой,
Она спокойная лежала.

Промчалась буря. Солнца ликъ,
Изъ края тучи уходящей,
Блеснулъ—и радостно звенящій
Въ саду раздался дѣтскій крикъ:
Ребенокъ ищетъ мать; тропою,
Гдѣ шла она, онъ пробѣжалъ
И вдругъ подъ липою густою
Ее въ травѣ онъ увидалъ.
И сердце дѣтское забилось;
Онъ знаетъ: чудо совершилось!
Онъ къ ней головку наклонилъ
И къ мертвой, какъ къ живой, ласкаясь,
Шепнулъ ей тихо, улыбаясь:
«Вставай-же, мама,—дѣдъ простилъ!»

РАЗСВѢТЪ

(1882)

РАЗСВѢТЪ.

I.

Какъ туча синяя, на западъ ночь уходитъ,
И звѣзды за собой послѣднія уводитъ,
Какъ будто съ ними ей разстаться въ небѣ жаль.
Туманомъ утреннимъ таинственно одѣта,
Еще во снѣ ночномъ, но ужъ въ лучахъ разсвѣта
Изъ блѣдныхъ сумерокъ всплываетъ тихо даль.
Въ безбрежной глубинѣ дремоты и молчанья
Сквозь дымку зыблются нѣмыя очертанья —
Какія-то поля, какой-то рѣдкій лѣсъ,
Пологіе холмы, да смутный край небесъ.

Объятъ прерывистой, дорожною дремою,
Къ подушкѣ прислонясь усталой головою,
Я ѣду — и далекъ мой одинокій путь.
Повѣсивъ головы, плетутся кони шагомъ,

Дорога стелется то высью, то оврагомъ.
Тоска... хотѣлъ бы спать — и не могу заснуть!
Отъ скуки съ ямщикомъ порой веду бесѣду,
А въ головѣ вопросъ: куда, зачѣмъ я ѣду?
Вѣдь ужъ не мальчикъ я! Мнѣ слишкомъ тридцать лѣтъ:
Пора бы, кажется, оставить старый бредъ;
Проститься съ юностью, ея утративъ грезы,
И мирно потонуть въ волнахъ житейской прозы.
Давно бы, кажется, пора! А между тѣмъ —
Вотъ хоть бы и теперь—тащусь, Богъ вѣсть, зачѣмъ
За тридевять земель въ какую-то усадьбу,
Тащусь лишь для того, чтобъ посмотрѣть на свадьбу
Прелестной дѣвушки, съ которой друженъ былъ
Пять лѣтъ тому назадъ, когда въ деревнѣ жилъ.
Хоть мысль нескромная и шепчетъ мнѣ лукаво
Язвительный вопросъ: былъ друженъ иль влюбленъ?
Но что мнѣ отвѣчать? Я самъ не знаю, право...
Лѣнь думать; голова устала; клонитъ сонъ.
Припоминается, какъ будто въ мигъ прощанья
Съ печалью странною взглянулъ я ей въ глаза,
И въ нихъ изъ-подъ рѣсницъ свѣтилася слеза.
Смутившись, я сказалъ поспѣшно: до свиданья...
Былъ поданъ тарантасъ, и я пустился въ путь
И такъ же, какъ теперь, въ пути не могъ заснуть.

Свиданья не было съ тѣхъ поръ. Я жилъ въ столицѣ;
По дачамъ колесилъ, таскался за границей —

И образъ дѣвушки изъ памяти моей
Ужъ началъ исчезать; но суждено мнѣ съ ней
Опять увидѣться—и вотъ въ пути далекомъ,
Предъ новой встрѣчею, какъ будто ненарокомъ,
Какъ будто въ полуснѣ, то смутно, то свѣтло,
Рисуется мнѣ вновь, что было и прошло.
Подъ звонъ бубенчиковъ, однообразный топотъ
Бредущихъ лошадей, да скучный стукъ колесъ,
Я чувствую наплывъ какихъ-то прежнихъ грезъ,
Во власть имъ отдаюсь и слушаю ихъ шепотъ;
Онѣ-жъ, упрямыя, мнѣ шепчутъ все о ней —
И образъ молодой я вижу вновь яснѣй.

Мы встрѣтились весной и осенью разстались...
Въ имѣнье дальнее въ тотъ годъ заѣхалъ я;
Сосѣдей было тамъ всего одна семья —
Старикъ съ старухою, да дочка ихъ; встрѣчались
Сначала въ церкви мы по праздникамъ; потомъ,
Должно быть, моему дивясь уединенью,
Старикъ меня позвалъ; я радъ былъ приглашенью
И какъ-то къ нимъ забрелъ воскреснымъ вечеркомъ.
Съ тѣхъ поръ я часто сталъ видаться съ стариками,
А съ дочкой, повторю, мы сдѣлались друзьями —
Другого слова нѣтъ... Она была дитя.
Я съ нею говорилъ всегда полушутя,
Ей книги приносилъ, читалъ стихотворенья,
Ходилъ съ ней по грибы... А въ рѣдкія мгновенья,

Когда нашъ умолкалъ случайно разговоръ,
Мы не смущалися, не потупляли взоръ,
Какъ это издстари ведется у влюбленныхъ;
И вечеръ заставалъ насъ часто полусонныхъ,
Когда прогулками дневными утомясь,
Мы разставалися, зѣвая и смѣясь.
Ну, совмѣстимы ли влюбленность и зѣвота!
А если не было любви, что за охота —
Какъ я ужъ спрашивалъ — за тридевять земель
На свадьбу къ барышнѣ скакать? Какая цѣль?
Хотя премилое она мнѣ написала
Письмо—и въ немъ меня на свадьбу приглашала...
Но что-жъ изъ этого? Я-бъ извиниться могъ:
Молъ, занятъ службою, иль просто занемогъ,
Лежу больнёхонекъ безъ силы и движенья
И посылаю ей заочно поздравленья.
Такъ вѣжливость вполнѣ была-бъ соблюдена.
Да, въ шутку и письмо писала мнѣ она!
Опять тутъ съ прошлымъ связь... Однажды я въ то лѣто
Онѣгина читалъ ей вслухъ, и чтенье это
Насъ къ спору привело. Подробности давно
Конечно я забылъ и вспоминать не стану.
Запечатлѣлось мнѣ лишь въ памяти одно:
«Вѣдь не похожа я, надѣюсь, на Татьяну?»
Воскликнула она и покраснѣла вдругъ.
Въ томъ восклицаніи былъ искренній испугъ.

И улыбнулся я; она же продолжала:
«Во-первыхъ, если-бъ тотъ, кто дорогъ мнѣ и милъ,
«Меня бы осмѣялъ и мнѣ бы измѣнилъ,
«Едва ли замужъ я пошла-бъ за генерала,
«Обманывать людей и Бога я-бъ не стала;
«Но если-бъ и пошла...» задумавшись на мигъ,
Она прибавила, и оживленный ликъ
Ея не дѣтское вдругъ принялъ выраженье—
«Тогда бы получилъ Онѣгинъ приглашенье
«На свадьбу».—«Но къ чему?» спросилъ я.—«Какъ къ
чему?»
Она отвѣтила: «чтобъ отомстить ему!»

И я, и старики не мало посмѣялись
Надъ этой местію; когда-жъ потомъ прощались,
Вдвоемъ, болтая съ ней, мы вышли на крыльцо
И тихо побрели пустынною дорогой.
Дышала нѣгой ночь. Съ какою-то тревогой
Дотоль невѣдомой, я ей взглянулъ въ лицо
И, Богъ вѣсть, почему, спросилъ ее: «скажите,
Когда вы будете вѣнчаться—пригласите
Меня на свадьбу вы иль нѣтъ?»... Съ небесъ луна
Свѣтила на нее... Нахмурилась она,
Взглянула на меня неласково и строго;
Потомъ задумалась и, помолчавъ немного,
«Не знаю», молвила, и мы разстались съ ней;
Но долго тотъ отвѣтъ звучалъ въ душѣ моей.

Въ письмѣ своемъ, шутя, она напоминала
Тотъ вечеръ, мой вопросъ... «Теперь смѣлѣй я стала»,
Писала мнѣ она, «и приглашаю васъ».
Подумалъ я—и въ путь собрался въ тотъ же часъ,
Не тратя времени, и—жертва милой шутки—
Безъ устали спѣшу ужъ вотъ вторыя сутки
По рельсамъ, по водѣ, проселкомъ наконецъ,
Чтобъ надъ невѣстою лишь подержать вѣнецъ,
Ей счастья пожелать, и въ новой этой встрѣчѣ,
Быть можетъ... развѣнчать мечту минувшихъ дней!
— Ямщикъ, далеко ли до мѣста? — Недалече.
— А сколько? — Верстъ пятокъ. — Пошелъ же поскорѣй!

— Ну, вы, родимыя! — И чуя близость дома,
Проѣхавъ старый мостъ надъ рѣчкой луговой,
По мягкой крутизнѣ песчанаго подъема
Вбѣжали лошади веселою рысцой;
На высотѣ холма замялися немного,
Кнутомъ махнулъ ямщикъ — и гладкою дорогой
Межъ стѣнъ пахучей ржи, какъ будто ободрясь,
Звеня и стукая, помчался тарантасъ.
Вновь развернулась даль мгновенно предъ глазами,
Съ лугами, пашнями, холмами, деревнями;
Пахнуло въ воздухѣ дымкомъ жилья—и вдругъ,
Какъ будто съ глазъ моихъ снялося покрывало:
Туманъ и призраки исчезли; солнце встало.

Очнувшись, я взглянулъ и все узналъ вокругъ!
Знакомыя мѣста, знакомыя селенья
Мнѣ улыбаются изъ шири отдаленья;
Зовутъ меня къ себѣ, какъ странника, домой,
Полны любовнаго и кроткаго участья;
Зовутъ къ минувшему, нежданно предо мной
Опять открытому, къ подругѣ молодой,
Къ тѣмъ знойнымъ лѣтнимъ днямъ безоблачнаго
счастья...
И жаворонковъ хоръ все громче въ вышинѣ,
Раскатистѣе путь, и кони мчатъ быстрѣе,
И цѣль становится все ближе, все яснѣе,
И какъ-то хорошо... и какъ-то жутко мнѣ!

II.

Далекаго пути мечтанья и тревоги,
Безсонной ночи бредъ — позабываю васъ!
Домой я, наконецъ, пріѣхалъ и съ дороги,
Какъ ни былъ утомленъ, одѣвшись, въ тотъ же часъ
Пѣшкомъ отправился къ сосѣдямъ. Ихъ обитель
Стояла на холмѣ за церковью — всего
Въ какой-нибудь верстѣ отъ дома моего.
Я помнилъ, что старикъ, какъ деревенскій житель,
Вставалъ ранехонько; бывало, съ нимъ вдвоемъ
Встрѣчали солнце мы за утреннимъ чайкомъ,
Дыша росистою прохладой на балконѣ,

Гдѣ онъ любилъ сидѣть въ просторномъ балахонѣ,
Въ турецкой шапочкѣ и съ трубкою въ зубахъ;
Сидѣть — и о давно минувшихъ временахъ
Степенно вспоминать; потомъ, часу въ девятомъ,
Къ намъ прибѣгала дочь—и замолкалъ старикъ,
Любуясь на ея веселый, свѣжій ликъ.
Такъ мѣсяцъ, медленно склоняясь предъ закатомъ,
Безмолвный свой привѣтъ шлетъ утру въ небесахъ
И меркнетъ, потонувъ въ живыхъ его лучахъ.

Теперь я издали взглянулъ не безъ волненья
На мирный домикъ тотъ и на его балконъ:
Все было на мѣстахъ, какъ будто старый сонъ
Волшебствомъ воскресалъ въ глазахъ безъ измѣненья!
Въ прохладѣ утренней шумѣло вкругъ село,
Поля окрестныя дымились тонкимъ паромъ,
Знакомый домъ глядѣлъ привѣтно и свѣтло,
Попрежнему старикъ сидѣлъ за самоваромъ —
Глазамъ не вѣрилось! Ужель пять долгихъ лѣтъ
Безслѣдно протекли въ томъ краѣ благодатномъ?
Давно ли я съ тоской вздыхалъ о невозвратномъ?
Оно вернулося ко мнѣ—сомнѣнья нѣтъ...
На радость ли? — Богъ вѣсть!
И подошелъ я ближе;
Узналъ меня старикъ и всталъ на встрѣчу мнѣ;
Взглянулъ я на него: въ косматой сѣдинѣ
Ко груди голова лишь опустилась ниже,

Да вѣки на глаза нависли тяжелѣй,
Да руку мнѣ пожалъ онъ суше и слабѣй.
Въ немъ больше ничего не измѣнили годы;
Знать, обошли его житейскія невзгоды,
Знать, всѣмъ имъ хорошо здѣсь было безъ меня...
Мы поздоровались; его поздравилъ я
Со свадьбой дочери... «Шалунья написала
«Вамъ, кажется, письмо», сказалъ онъ; снова стало
Досадно мнѣ, зачѣмъ пріѣхалъ я сюда,
И краска тайнаго, невольнаго стыда
Мнѣ обожгла лицо... «Да», молвилъ я небрежно
И даже, кажется, слегка пожалъ плечомъ,
Чуть-чуть не повторивъ: «шалунья!» Но потомъ
Тотчасъ же, объяснилъ, что было неизбѣжно
Пріѣхать мнѣ теперь въ имѣнье; что продать
Его хотѣлъ бы я... Ну, словомъ, началъ лгать,
Чтобъ оправдать себя, хоть предъ самимъ собою;
Но въ самый этотъ мигъ раскрылась предо мною
Съ внезапнымъ стукомъ дверь. Я быстрый кинулъ
взглядъ:
Недвижно дѣвушка стояла на порогѣ—
Какъ показалось мнѣ — въ смятеньи и тревогѣ,
Колеблясь подойти, иль убѣжать назадъ;
Глядѣла на меня въ нѣмомъ недоумѣньи...
Но, вдругъ, улыбкою живой озарена —
«Вы здѣсь? Пріѣхали!» воскликнула она
Въ какомъ-то радостномъ и шумномъ восхищеньи;

Какъ птичка, на балконъ порхнула быстро къ намъ
И, подойдя ко мнѣ: «ну, вотъ, спасибо вамъ!»
— «Да онъ вѣдь не къ тебѣ—онъ продавать имѣнье»...
Смѣясь, сказалъ старикъ. Ея веселый взоръ
Не могъ и не хотѣлъ мнѣ выразить укоръ.
Она не вѣрила, она навѣрно знала,
Что я пріѣхалъ къ ней—и вдругъ мнѣ ясно стало,
Что мысли всѣ ея я вижу и ловлю,
Что я ее любилъ, что я ее люблю!

Люблю... но вѣдь она невѣста!—И прилежно
Я сталъ примѣтъ любви доискиваться въ ней.
Спросилъ о женихѣ.—«Онъ въ городъ на семь дней
«Уѣхалъ по дѣламъ», спокойно и небрежно
Она отвѣтила.—«Вамъ скучно безъ него?»
— «Конечно», молвила она... Когда-бъ нагнулась
Она, чтобъ скрыть лицо, иль робко усмѣхнулась,
Иль не отвѣтила мнѣ просто ничего,—
Повѣрить бы я могъ; но краткое «конечно»
Такъ вылилось изъ устъ безстрастно и безпечно,
Такъ было холодно лицо ея въ тотъ мигъ,
Что смѣло на нее взглянулъ я съ удивленьемъ;
Она-жъ смутилася и съ страннымъ оживленьемъ
Вдругъ убѣжала въ садъ... Ужели я постигъ?
Ужель она его не любитъ?—Для чего же
Тогда вся эта ложь и свадьба?.... Боже, Боже!
Меня не потому-ль и позвала она,

Что тайной горечи душа ея полна?
Быть можетъ, увлеклась она неосторожно?
Иль просьбы стариковъ... Какъ знать? все, все возможно!
Участье, помощь... другъ, быть можетъ, нужны ей...
И вихремъ въ головѣ промчалися моей
Догадки разныя, надежды, опасенья...
Ихъ вскорѣ прервало старушки появленье,
Вторично самоваръ былъ поданъ — и втроемъ
За столъ усѣлись мы. Съ сіяющимъ лицомъ
О счастьи дочери старушка говорила,
Красавца-жениха безъ умолку хвалила;
Дразнилъ ее старикъ: сама, молъ, влюблена...
И скучно стало мнѣ. Душа была полна
Нестройныхъ, радостно-гнетущихъ впечатлѣній,
Тревожныхъ думъ и чувствъ, нежданныхъ откровеній...
Мнѣ захотѣлося побыть съ самимъ собой
Въ тиши, наединѣ,—и я пошелъ домой.

Но только лишь съ холма спустился я, за мною
Поспѣшные шаги послышались; меня
Знакомый голосъ звалъ. Остановился я;
Взглянулъ... Кивая мнѣ головкой молодою,
Вся въ блескѣ солнечномъ, вся въ лучезарномъ днѣ,
«Куда вы?» издали она кричала мнѣ.
— Домой! я отвѣчалъ.—«Зачѣмъ домой? Мнѣ скучно.
«Успѣете домой... пойдемте лучше въ садъ,
«Подъ клены... Помните?» И молча я назадъ

Побрелъ съ улыбкою притворно-равнодушной;
А сердце билося; на этотъ милый зовъ,
На этотъ голосокъ бѣжать я былъ готовъ!

И снова увидалъ я старые тѣ клены,
Гдѣ часто въ оны дни, въ полдневный лѣтній зной
Мы, утомленные далекою ходьбой,
Садились отдыхать; опять ихъ сводъ зеленый
Шумитъ надъ головой: опять мы съ ней вдвоемъ;
Мечтами дѣлимся, часовъ не замѣчая;
Но дѣтства въ ней ужъ нѣтъ, и красота иная
Во взорѣ свѣтится таинственнымъ лучемъ.
Какъ будто кистію художникъ вдохновенный,
Внезапно угадавъ послѣднія черты,
Въ своемъ созданіи зажегъ огонь священный,
Вдохнулъ въ него и жизнь, и трепетъ, и мечты!
Невольно за себя мнѣ страшно становилось
Предъ этой новою и властной красотой.
«Бѣги», сознаніе шептало: но порой
Я чуялъ, что и въ ней тревожно сердце билось;
Сквозь рѣчь веселую и смѣхъ, я прозрѣвалъ
Какую-то печаль, какое-то сомнѣнье...
Таилось что-то въ ней—и тайны разрѣшенье
Съ надеждой робкою и страхомъ я искалъ.
Она-жъ, казалося, все это понимала,
Но не противилась, меня не отдаляла
И шла на встрѣчу мнѣ... Загадкою томимъ,

«Скажите», я спросилъ, «какъ встрѣтились вы съ нимъ?»
И въ голосѣ моемъ случайно, противъ воли,
Ей прозвучалъ упрекъ и стонъ сердечной боли;
Испуганно взглянулъ я ей въ глаза, но въ нихъ
Свѣтилось тихое, нѣмое ободренье;
Ввѣрялась мнѣ она, какъ будто въ то мгновенье
Доступнѣй былъ я ей и ближе, чѣмъ женихъ.
Съ довѣрьемъ ласковымъ мнѣ открывая совѣсть,
Она повѣдала всю будничную повѣсть
Знакомства, сватовства... «Да любитъ ли онъ васъ?»
Я грубо перебилъ. Она поторопилась
Отвѣтить мнѣ; потомъ, какъ будто устрашась
Вопроса новаго, внезапно оживилась,
Со мною о другомъ заговорила вдругъ;
Но откровеннѣй словъ невольный тотъ испугъ
Мнѣ правду высказалъ... Я молча улыбался
И взглядъ ея, съ моимъ встрѣчаясь, признавался
Мнѣ въ томъ, чего спросить мой не дерзалъ языкъ,
Что ясно стало намъ обоимъ въ этотъ мигъ.

III.

И пронеслось пять дней, и снова, какъ бывало,
Съ утра до вечера съ ней вмѣстѣ жили мы;
Всѣ рощи ближнія, окрестные холмы
Мы посѣтили вновь; намъ дня недоставало
Для споровъ и бесѣдъ. Шутя стращалъ старикъ,

Что скажетъ жениху—и на короткій мигъ
Она задумчивѣй, серьезнѣй становилась,
Какъ будто мысль ея пугливо уносилась
Куда-то далеко въ грядущее; потомъ,
Головкою встряхнувъ, развеселялась снова,
И оставалися опять мы съ ней вдвоемъ,
И было намъ легко и хорошо. Ни слова
Не говорили мы о свадьбѣ. День за днемъ
Незримо протекалъ; но что-то между нами
Свершалось чудное: не прежними друзьями
Теперь встрѣчались мы; насъ каждый день и часъ
Сближалъ таинственно, поспѣшно, безвозвратно,
И подчинялись мы той силѣ непонятной
Безъ колебанія, другъ друга не страшась,
Другъ друга торопя, лишь вскользь мѣняясь взоромъ,
Какъ будто связаны безмолвнымъ уговоромъ,
Какъ будто ранѣе когда-то — ужъ давно —
Все было понято, все было рѣшено.
Взаимной близости глубокая отрада
Струей волшебною въ сердца лилася намъ;
Еще послѣдняя держалась лишь преграда,
Еще не смѣли мы довѣриться словамъ.

Есть чувства странныя: ихъ силу не измѣрить
Ни строгимъ разумомъ, ни мѣрой точныхъ словъ,
Ихъ самому себѣ не хочется повѣрить —
Они живутъ въ душѣ свободнѣй грезъ и сновъ;

Ихъ въ глубинѣ душа ревниво сохраняетъ,
Какъ драгоцѣнный кладъ, уму наперекоръ;
И прелесть вся ихъ въ томъ, что ихъ никто не знаетъ,
Что не подсмотритъ ихъ ничей нескромный взоръ.
Но въ жизни день придетъ: сквозь дымку мглы туманной
Сознанье истину внезапно озаритъ,
И чувство тайное негаданно, нежданно,
Завѣтнымъ именемъ побѣдно прозвучитъ.
Тогда... о что-жъ? Тогда нѣтъ тайнъ, нѣтъ колебанья!
Развязка повѣсти понятна и близка:
Иль свѣтлая любовь и счастье обладанья,
Иль горе темное, разлука и тоска.

Для насъ тотъ день насталъ. Заутра возвращенье
И встрѣча жениха... Ужъ лошади за нимъ
Куда-то высланы. Мы вмѣстѣ... мы молчимъ...
Лишь садъ кругомъ шумитъ—и птицъ веселыхъ пѣнье
Въ зеленой глубинѣ трепещущихъ вѣтвей
Такъ радостно звучитъ, такъ громко раздается,
Какъ будто впереди намъ много, много дней
Такихъ, какъ этотъ день, счастливыхъ остается.
Мы вмѣстѣ, мы одни—никто не видитъ насъ.
Старикъ съ старухою, отъ зноя утомясь,
Домой ушли поспать; кругомъ жужжатъ лишь пчелы,
Порою мотылекъ проносится веселый —
И больше никого... Мы знаемъ, что сейчасъ
Все будетъ сказано... и вотъ въ послѣдній разъ

Въ какомъ-то сладостно-тяжеломъ напряженьи
Ничтожный разговоръ заводимъ на мгновенье.
Я книгу развернулъ... «Не дочитать ли намъ
«Ту повѣсть, что вчера мы кончить не успѣли?»
Спросилъ я и умолкъ. Лишь вѣтеръ по вѣтвямъ
Струился медленно, да листья шелестѣли...
Я на нее взглянулъ; недвижна и блѣдна,
О чемъ-то думая:—«Нѣтъ», молвила она,
И взглядъ смущенныхъ глазъ рѣсницы вдругъ закрыли:
«Успѣемъ дочитать и завтра».—«Вы забыли,
Что завтра будетъ къ вамъ женихъ...» — «Ахъ, да, женихъ!»
Припомнила она—и вѣтеръ вдругъ утихъ,
И смолкло все кругомъ въ тревогѣ ожиданья...
— «Вѣдь вы не любите его», сказалъ я ей.
Она шепнула: «нѣтъ!» Потомъ еще блѣднѣй,
Съ улыбкой полною и счастья, и страданья,
Поднявъ лучистый взоръ и руку взявъ мою,—
«Его я не могу любить... Я васъ люблю!»

Какъ много чувствъ живыхъ заснуло непробудно
Подъ равнодушія притворной пеленой,
Какъ много счастія и радости земной
Людьми утрачено лишь потому, что трудно
Произнести: люблю!—Предразсужденій гнетъ,
Самолюбивый страхъ, привычка къ лицемѣрью
Устамъ велятъ молчать, когда любовь зоветъ

Къ сердечной простотѣ и смѣлому довѣрью.
Но внятно раздалось въ волшебной тишинѣ
Изъ чистыхъ устъ ея правдивое признанье,
Мои сомнѣнія, мой страхъ, мое молчанье —
Она прощала все и отдавалась мнѣ!
И полдень просіялъ, и вкругъ лучи взыграли,
И клены старые, съ весельемъ пробудясь,
О вѣчномъ счастьи намъ таинственно шептали
И наклонялися, благословляя насъ...

Чтò говорили мы потомъ... какъ объяснилось
Все пережитое—ужель не все равно?
Понятно было намъ и важно лишь одно:
Другъ друга любимъ мы,—желанное свершилось!
Межъ насъ отнынѣ нѣтъ сомнѣній и преградъ...
О чемъ же спрашивать, зачѣмъ глядѣть назадъ
На время темное притворства и ошибокъ,
Неискреннихъ рѣчей, загадочныхъ улыбокъ,
Неузнанной любви, разлуки?—все прошло,
Туманъ разсѣялся, грядущее свѣтло!

И согласились мы сегодня-жъ откровенно
Сказать все старикамъ, а завтра... Но о томъ,
Что завтра дѣлать намъ, рѣшились мы потомъ
Обдумать сообща.—Неясно, отдаленно
Къ намъ колокольчика въ тиши донесся звонъ.
Переглянулись мы. Мою сжимая руку,

Она прислушалась къ загадочному звуку
И вдругъ, испуганно—«Послушай... это онъ!
«Днемъ раньше... поспѣшилъ!» она пролепетала,
Прижалася ко мнѣ и снова слушать стала.
Случайный вѣтерокъ къ намъ долетѣлъ съ полей,
И звонъ, и стукъ колесъ послышался яснѣй.
Не въ силахъ долѣе смирять души тревогу,
Изъ сада вышли мы поспѣшно на дорогу,
Взглянули—на холмѣ высокомъ противъ насъ
Дорогой пыльною катился тарантасъ.
И видно было намъ, какъ сѣрыя, лихія,
Мотая гривами, скакали пристяжныя;
Какъ, голову задравъ высоко подъ дугой,
Дородный коренникъ порой сбивался съ рыси,
Какъ тройку осадилъ ямщикъ, съ песчаной выси
Спуская тарантасъ дорогою крутой.
Отъ пыли кожаный былъ поднятъ верхъ, и кто-то,
Впередъ нагнувшися, глядѣлъ изъ-подъ него...
«Онъ, онъ!» воскликнула она; потомъ съ заботой
Въ глаза мнѣ заглянувъ: «Ну, что же?—Ничего...
«Сегодня-ль, завтра ли—одинъ конецъ! Скорѣе
«Ты уходи теперь: я знаю—тяжелѣе
«Мнѣ будетъ при тебѣ...» И трепетной руки
Я вновь почувствовалъ пожатіе. Безмолвно
Ему я отвѣчалъ; но сердце было полно
Какой-то горечи, какой-то злой тоски.
Внезапно тягостнымъ предчувствіемъ объятый,

Созналь я въ первый разъ, что были виноваты
Мы оба передъ тѣмъ влюбленнымъ женихомъ,
Который издали махалъ уже платкомъ,
Невѣсту увидавъ; который торопился
Къ свиданью, радостный и нѣжный; передъ кѣмъ
Я долженъ былъ теперь уйти смущенъ и нѣмъ.
И стыдно стало мнѣ той мысли, и рѣшился
Я съ нимъ немедленно сойтись лицомъ къ лицу.
Къ крыльцу пошла она—и я пошелъ къ крыльцу.

IV.

Когда бы сумрачнымъ, ревнивымъ и сердитымъ,
Все сразу угадавъ, теперь явился онъ;
Когда-бъ дышала рѣчь упрекомъ ядовитымъ,
И гнѣвъ сверкалъ въ глазахъ—докученъ и смѣшонъ
Онъ показался бы. На злобные укоры
Ей было бы легко короткій дать отвѣтъ;
Но какъ и что сказать на ласковый привѣтъ,
На умиленные, довѣрчивые взоры,
На рѣчи, полныя надежды молодой
Счастливца-жениха,—когда душа объята
Мечтою новою, когда ей милъ другой,
Когда къ потерянному чувству нѣтъ возврата?
Какъ счастіе разбить признаньемъ роковымъ,
Какою лестію склонить къ молчанью совѣсть,
Какою правдою начать измѣны повѣсть,
Какъ встрѣтиться, какъ быть, и какъ разстаться съ нимъ?

А думать некогда! Ужъ тарантасъ примчался,
Отъ потныхъ лошадей клубами паръ взлеталъ;
Вернувшійся женихъ съ невѣстой повстрѣчался...
Стоялъ я въ сторонѣ и молча наблюдалъ.
Съ улыбкой торжества ея цѣлуя руки,
Онъ торопился ей подробно разсказать
Событья мелкія, все то, что въ дни разлуки
Онъ думалъ, чувствовалъ—чего теперь ужъ знать
Не нужно было ей. Знакомяся со мною,
Онъ крѣпко руку сжалъ мнѣ дружеской рукою...
«Мы вмѣстѣ къ вамъ письмо писали», онъ сказалъ,
Глазами свѣтлыми ей подмигнувъ лукаво;
«Она уже давно по васъ вздыхаетъ, право —
«Безъ шутокъ говорю—я даже ревновалъ!..
«Однако, что же мы стоимъ здѣсь у порога?
«Войдемте лучше въ домъ...» — «Уйди ты, ради Бога!»
Шепнула мнѣ она: «Я не могу... нѣтъ силъ!»
Порогъ переступивъ, онъ за дверями скрылся;
Изъ комнатъ смѣхъ его веселый доносился —
И прочь я отошелъ, задумчивъ и унылъ.

Подъ вечеръ слышалъ я, какъ снова вдоль селенья
Проѣхалъ тарантасъ. Узналъ я тотъ же звукъ,
Который долетѣлъ къ намъ въ садъ изъ отдаленья:
Теперь невнятнѣе все становился онъ
И замеръ, наконецъ... Я ждалъ; но понемногу
Сталъ гаснуть яркій день; утихнуло село;

Туманы поднялись; а время шло, да шло —
И вѣсти не было... И снова на дорогу
Я вышелъ и взглянулъ издалека на домъ,
Гдѣ взоръ встрѣчалъ ее, бывало, подъ окномъ;
Но было все темно, недвижно и безлюдно
И въ домѣ, и въ селѣ, и въ сумрачной дали;
Лишь изрѣдка въ тиши дремоты непробудной
Перекликалися въ поляхъ коростели.
Какъ въ маскѣ женщина, сквозь дымку покрывала,
Загадочная ночь глядѣла мнѣ въ глаза.
Я спрашивалъ ее — она не отвѣчала;
Но мысль недобрая въ звѣздахъ ея сверкала,
И въ мракѣ чуялись тревога и гроза.
Вернувшися домой, не спалъ я до разсвѣта —
Отъ дня, отъ солнечныхъ лучей я ждалъ отвѣта.

Въ раздумьи подъ окномъ сидѣлъ я одинокъ.
И вотъ въ тиши ночной украдкою, несмѣло
Дыханье раннее какъ будто пролетѣло;
Вотъ блѣднымъ заревомъ подернулся востокъ;
Его сіяніе все шире и все выше
По звѣздной синевѣ всплывало въ небесахъ
И отражалося на дремлющихъ холмахъ,
И въ окнахъ темныхъ избъ, и на церковной крышѣ.
Вотъ яркая дотоль и гордая звѣзда,
Померкнувъ, издали въ послѣдній разъ сверкнула
И въ глубинѣ зари безмолвно, безъ слѣда —

Какъ первая любовь въ разсвѣтные года
На утрѣ юности—съ улыбкой потонула.
Вотъ звуки поднялись: сначала тамъ и сямъ,
Сквозь сонъ, отрывочно, скользя и вновь смолкая,
Въ оврагахъ, на поляхъ, по рощамъ и садамъ,
Какъ будто жизни вѣсть другъ другу подавая;
Потомъ все явственнѣй, все громче, все смѣлѣй
Слилися въ общій хоръ напѣвы, шумъ и клики,—
И день желанный всталъ, и солнца блескъ великій
Мой сумракъ озарилъ огнемъ живыхъ лучей.
Но я чего-то ждалъ еще—и много, много
Тѣснилось въ головѣ несвязныхъ, смутныхъ думъ,
Росла въ душѣ моей какая-то тревога,
Росла, какъ утра свѣтъ, какъ пробужденья шумъ.
Вотъ люди поднялись, и ожило селенье;
Вотъ стадо сельское дорогою большой
Съ мычаніемъ прошло къ ручью на водопой...
Я самого себя допрашивалъ въ смятеньи:
Чего еще я жду? чѣмъ сердце занято?
Я слушалъ, я глядѣлъ, но было все не то!
Казалось мнѣ тогда, что ожидалъ я зова
И вѣсти отъ нея. Увидѣвъ, наконецъ,
Что по двору ко мнѣ бѣжалъ ея гонецъ,
Я подозвалъ его. Не говоря ни слова,
Записку подалъ онъ и убѣжалъ назадъ.
Вотъ что я прочиталъ, тревогою объятъ:
«Сегодня подожди къ намъ приходить... Ахъ, милый,

«Что я перенесла! Какъ укоряла мать!
«Какъ гнѣвался отецъ!.. мнѣ некогда писать;
«Но ты спокоенъ будь: во мнѣ достанетъ силы
«Невзгоду перенесть. Вѣдь любишь ты меня?
«Чего-жъ мнѣ болѣе!.. А съ тѣмъ я, слава Богу,
«Все кончила. Теперь съ терпѣньемъ понемногу
«Отца уговорю. Богъ дастъ, дождемся дня,
«Дождемся счастія! Пока прощай — твоя...»
Два раза прочиталъ я милое посланье;
Привѣтъ живой любви былъ сладокъ для души.
Его-ль я ожидалъ такъ долго? Но въ тиши —
«Не то, опять не то!» шепнуло мнѣ сознанье.
Съ запиской рука упала, и опять
Я за часами сталъ слѣдить и ожидать,
Внимая мрачныхъ думъ волненіе и шопотъ;
Но вотъ послышался мнѣ близкій конскій топотъ,
Примчался верховой; я выглянулъ въ окно...
«Отъ барина», сказалъ онъ, спѣшно подъѣзжая
И съ лошади письмо въ окно мнѣ подавая.
Я взялъ, и сердце мнѣ вѣщало: вотъ оно!
И вдругъ нежданный лучъ блеснулъ,— я догадался,
Что долженъ былъ принесть съ собою этотъ день,
Что робко отъ меня таила ночи тѣнь,
Чего такъ долго я и страстно дожидался:
Я зналъ, что въ томъ письмѣ меня соперникъ мой
Къ отвѣту требовалъ и вызывалъ на бой;
И Богъ вѣсть почему въ душѣ спокойнѣй стало.

Мнѣ счастіе мое грядущее предстало
И чище, и свѣтлѣй; вздохнула легче грудь
Прохладой утренней, какъ будто что-нибудь
Давно желанное свершилося со мною.
На вызовъ твердою и спѣшною рукою
Я написалъ отвѣтъ, прося лишь объ одномъ,
Чтобъ дѣло промежъ насъ окончить тѣмъ же днемъ.

V.

Ужъ солнце красное склонялося къ закату,
Когда мы встрѣтились. Оставивъ лошадей
У рощи за селомъ, отъ солнечныхъ лучей
Въ оврагъ спустились мы. Тропинкою по скату
Собака пестрая — должно-быть изъ села —
Отъ дѣлать нечего, бѣжала вслѣдъ за нами
И любопытными, лукавыми глазами
Въ лицо глядѣла мнѣ. Спокойна и свѣтла
Вода струилася ручьемъ на днѣ оврага.
Все было весело и ласково; холмы
Дремали раннимъ сномъ. Остановились мы.
Межъ секундантовъ споръ поднялся... «На три шага
«Подайтеся назадъ!» мнѣ кто-то приказалъ.
Я думалъ о другомъ и молча исполнялъ
Что говорили мнѣ.—«Ни на единый волосъ,
«Не ближе двадцати шаговъ!» все тотъ же голосъ
Кричалъ отчетливо: «Вѣдь примиренья нѣтъ?»
Никто не отвѣчалъ.— «Берите пистолетъ;

«Теперь сходитеся».— Не поднимая руку,
Я въ землю выстрѣлилъ, взглянулъ — передо мной
Съ высоко поднятой, дрожащею рукой
Противникъ мой стоялъ. Всю ненависть, всю муку,
Весь гнѣвъ и мщеніе онъ въ выстрѣлѣ своемъ,
Казалось, собиралъ. Я быстро отвернулся,
И въ головѣ вопросъ мгновенно шевельнулся:
Что будетъ съ ней, когда меня убьютъ? Потомъ
Собака отвлекла опять мое вниманье:
Въ какомъ-то радостномъ и страстномъ ожиданьи
Второго выстрѣла, на мѣстѣ суетясь,
Дрожала вся она... «Стрѣляйте-жъ!» крикнулъ кто-то.
Огонь передо мной мелькнулъ и вновь погасъ,
И въ тотъ же самый мигъ меня толкнуло что-то;
Рукою я за грудь схватился и упалъ...
Дымъ выстрѣла въ лицо мнѣ тихо налеталъ,
Собака бѣгала кругомъ, визжа и лая;
А вдалекѣ заря горѣла золотая,
И ясно видѣлъ я въ огнѣ ея лучей,
Какъ стая надъ селомъ кружилась голубей.

Потомъ я встать хотѣлъ: но такъ мнѣ стало больно,
Когда я двинулся, что вскрикнулъ я невольно,
И голова къ землѣ склонилася моя.
Потомъ послышался мнѣ торопливый шопотъ...
Колесъ какихъ-то стукъ и лошадиный топотъ...
«Ужель все кончено?» успѣлъ подумать я.

Въ мгновенномъ ужасѣ, преодолѣвъ томленье,
Глаза на мигъ открылъ: склонившись надо мной
Съ растеряннымъ лицомъ стоялъ противникъ мой —
Не тотъ, что цѣлился въ меня,—свершилось мщенье,
И ненависти жаръ мгновенно въ немъ погасъ,
И прежній добрый взглядъ открытыхъ, юныхъ глазъ
Просился въ душу мнѣ, чтобъ утолить страданье.
«Ужель все кончено?» подумалъ я опять:
«Не можетъ быть, чтобъ жизнь мою хотѣлъ онъ взять!»
И съ этою мыслію я потерялъ сознанье...
Какъ довезли меня до дома моего,
Какъ въ комнату внесли—не помню ничего.
Когда-жъ очнулся вновь, раздѣтый на постели
Лежалъ я недвижимъ. Огни уже горѣли;
Былъ вечеръ. Вкругъ меня усердно суетясь,
Шептали, бѣгали и хлопотали люди;
А врачъ, заботливо къ моей нагнувшись груди,
Держалъ на ранѣ ледъ... «Еще... скорѣй .. сейчасъ...»
Отдѣльныя слова мнѣ слышались порою.
Я ихъ не понималъ; я занятъ былъ одною
Гнетущей думою—заботою о ней!
О, если-бъ увидать ее хоть на мгновенье!
Продлится, можетъ быть, съ ней долго разлученье...
И робко у врача спросилъ я: «много-ль дней
«Придется мнѣ лежать?»—Внимательно и строго
Въ глаза онъ мнѣ взглянулъ и отвѣчалъ: «немного».
Что онъ сказать хотѣлъ? что значитъ этотъ взглядъ?

Умру, иль буду живъ?—вопросъ мелькнулъ тревожно.
Разстаться съ ней... теперь? — Нѣтъ, это невозможно!
И живо вспомнилъ я вчерашній полдень, садъ,
Блескъ солнца, пѣнье птицъ и кленовъ тихій трепетъ.
Я чуялъ вѣтерка прохладную струю,
Я слышалъ въ тишинѣ волшебно-внятный лепетъ:
«Его я не могу любить—я васъ люблю!»
Душою погруженъ въ то сладкое мечтанье,
Я забывалъ весь міръ, я забывалъ страданье —
Ее лишь помнилъ я... А между тѣмъ кругомъ
Утихла суета; свое окончивъ дѣло,
Домой уѣхалъ врачъ. Все смолкло и стемнѣло;
Все успокоилось, объято крѣпкимъ сномъ,
И наступила ночь—ночь бреда и видѣній!
Сначала я тотъ бредъ старался превозмочь,
Я открывалъ глаза — и уходили прочь
Мечты и призраки на нѣсколько мгновеній.
Борьбой упорною и тяжкой утомленъ,
Спѣшилъ я отдохнуть въ тиши, въ дремотѣ сладкой,
А недруги мои, приблизившись украдкой,
Вдругъ поднималися опять со всѣхъ сторонъ!
Тогда я звалъ ее и простиралъ къ ней руки;
Но лица чуждыя являлись мнѣ въ потьмахъ,
И вмѣсто словъ любви, безсмысленные звуки,
Очнувшися, ловилъ я на своихъ устахъ!
Потомъ нестройною, несмѣтною толпою
Ночные призраки боролись вновь со мною,

И вновь я побѣждалъ, и побѣждаемъ былъ;
Но рѣже все мерцалъ мгновенный лучъ сознанья,
Все чаще въ головѣ смѣнялися мечтанья.
Я ихъ уже не гналъ—я выбился изъ силъ.
И бредъ меня унесъ въ тотъ міръ, безумья полный,
Гдѣ свѣтъ и темнота, гдѣ правда и обманъ,
Сверкая и шумя, сливаются, какъ волны
Въ одинъ бушующій, безбрежныя океанъ;
Гдѣ въ перемѣнчивой игрѣ воображенья
Давно забытыя событья прежнихъ лѣтъ
Являются очамъ, какъ новыя видѣнья;
Гдѣ ни прошедшаго, ни будущаго нѣтъ!

Не знаю, долго ли, той бурею объятый,
Я пробылъ въ забытьи; когда-жъ очнулся я,
Мнѣ показалося, что съ тѣла были сняты
Оковы тяжкія. Еще вокругъ меня
Безмолвствовала ночь, лишь мѣрно за стѣною
Безсонный маятникъ стучалъ, и было мнѣ
Въ той всеобъемлющей, глубокой тишинѣ
Несказанно легко!... Гдѣ я и что со мною?
Себя я спрашивалъ... Покой царилъ вокругъ;
За дверью кто-то спалъ; въ углу передъ иконой
Лампада теплилась. Молитвы заученой
Я сталъ шептать слова знакомыя—и вдругъ
Я понялъ тишину!—Я понялъ чье дыханье
Мнѣ въ душу вѣяло прохладой неземной;

Чьей власти покорясь, утихнуло страданье —
Я угадалъ, что Смерть витала надо мной...
Но не было въ душѣ ни страха, ни печали,
И гостью грозную улыбкой встрѣтилъ я...
Мнѣ представлялася во мглѣ туманной дали
Толпою призраковъ теперь вся жизнь моя.
Къ ней ничего назадъ меня ужъ не манило:
Страданья, радости, событій пестрыхъ рой,
И счастье, и... любовь—равно все чуждо было,
Безслѣдно все прошло, какъ ночи бредъ пустой.

Я Смерти видѣлъ взглядъ. Великая отрада
Была въ спокойствіи ея нѣмого взгляда:
Въ немъ чуялся душѣ неслыханный привѣтъ,
Въ немъ брезжилъ на землѣ невиданный разсвѣтъ!
Казалося, дотоль я не имѣлъ понятья
Объ утренней красѣ безоблачныхъ небесъ;
Теперь весь дольній міръ въ разсвѣтѣ томъ исчезъ.
Я неба чувствовалъ безстрастныя объятья,
Я погружался въ нихъ—и становилось мнѣ
Все безпечальнѣе, все легче въ тишинѣ.
Вблизи какой-то шумъ раздался непонятный,
Какіе-то шаги и шопотъ еле внятный—
Мнѣ было все равно: я видѣлъ предъ собой
Лишь Смерть съ простертою на помощь мнѣ рукой...

Но вдругъ коснулася меня рука иная,
Рука знакомая, дрожащая, живая...
Мой обратился взоръ—и я увидѣлъ ту,
Чью мимолетную, земную красоту
Недавно взоръ искалъ. Съ надеждой и любовью,
Во мракѣ, къ моему склонившись изголовью,
Она шептала мнѣ: «узналъ ли ты меня?
«Изъ дома я ушла тайкомъ; не стало силы
«Мнѣ долѣе съ тобой терпѣть разлуку, милый!
«Молвы я не страшусь... Вѣдь я навѣкъ твоя!
«Пусть знаютъ это всѣ!»—Ея не слушалъ я.
Мнѣ смерть таинственно и внятно говорила:
«Оконченъ жизни бредъ, недугъ я исцѣлила.
«О чемъ тебѣ жалѣть, къ чему глядѣть назадъ
«На пройденныхъ годовъ однообразный рядъ?
«Къ чему будить въ душѣ ненужное волненье?
«Я дамъ тебѣ и миръ, и отдыхъ, и забвенье».
Но страстнымъ шопотомъ та перебилась рѣчь:
«Нѣтъ, нѣтъ! ты не умрешь! Дозволь мнѣ лишь съ тобою
«Остаться; быть твоей подругою, рабою.
«Я буду за тобой ходить, тебя беречь,
«Глазъ не сомкну въ ночи я у твоей постели...
«Меня къ тебѣ пускать изъ дома не хотѣли,
«Меня измучили!—Но ты вѣдь мой женихъ!
«Мы вмѣстѣ быть должны—и я ушла отъ нихъ!
«Взгляни же на меня... Промолви мнѣ хоть слово...»
Но, въ равнодушное молчанье погруженъ,

Я на призывъ любви не отвѣчалъ, и снова
Въ тиши меня объялъ невозмутимый сонъ.
И въ чудномъ этомъ снѣ вновь Смерть заговорила:
«Приди—избранникъ мой! тебя я полюбила;
«Тебя мнѣ стало жаль средь міра и людей,
«Въ томъ мрачномъ омутѣ ошибокъ, лжи, проклятій,
«Гдѣ краткая любовь и счастье быстрыхъ дней
«Дается лишь цѣной бѣды и скорби братій.
«Къ иному счастію, раскрывъ темницы дверь,
«Освобожденнаго, тебя зову теперь
«Подъ сѣнь великаго и вѣчнаго чертога
«Для всѣхъ доступнаго, всѣхъ любящаго Бога!»

Все было сказано. Все смолкло. Предо мной
Стояла дѣвушка съ поникшей головой
И горько плакала. Ни слезъ ея, ни муку
Постигнуть я не могъ и, протянувъ къ ней руку,
Разсѣянно спросилъ: «о чемъ такъ плачешь ты?»
Лампады слабый лучъ мнѣ освѣтилъ черты
Ея лица — и въ нихъ такъ жизни было много,
Такою странною и чуждою тревогой
Въ лицо мнѣ вѣяло отъ этихъ свѣтлыхъ глазъ,
Что отвернулся я. Тогда въ послѣдній разъ
Съ вопросомъ трепетнымъ она ко мнѣ нагнулась,
Взглянула мнѣ въ глаза и устъ моихъ коснулась
Устами жаркими... «Остаться, иль уйти?»
—«Уйди!» я ей въ отвѣтъ сказалъ безъ колебанья.

Она шепнула мнѣ сквозь слезы: «до свиданья!»
А я спокойное ей вымолвилъ «прости!»

VII.

Свѣтаетъ. Я одинъ. Все тихо. Ночь уходитъ
И тѣни за собой послѣднія уводитъ,
Какъ будто торопясь куда-то съ ними вдаль.
Рождающійся день сквозь окна смотритъ въ очи —
Простите же и вы, земные дни и ночи!
Ни свѣта вашего, ни мрака мнѣ не жаль.
Пусть мракъ тотъ сладостенъ, пусть свѣтъ тотъ лучезаренъ —
Не все ли мнѣ равно?—Судьбѣ я благодаренъ
За то, что, радуясь, страдая и любя,
Успѣлъ я до конца дослушать жизни сказку
И суетной игры суровую развязку
Прозрѣвшею душой понять... хоть про себя!

ВЪ ТУМАНѢ

(1883)

ВЪ ТУМАНѢ.

I.

Въ туманѣ не видать ни лодки, ни пловцовъ,
Лишь слышно — чья-то пѣснь несется по теченью;
Въ созвучьи радостномъ двухъ юныхъ голосовъ
Любовь счастливая, закутанная тѣнью,
Плыветъ... Куда плыветъ?—Не все ли мнѣ равно!
Недвижно я стою, тѣмъ голосамъ внимая,
Иныя пѣсни, ночь и счастье вспоминая,
Въ иномъ теченіи уплывшія давно.

II.

И далеко назадъ меня влечетъ мечтанье:
Мнѣ снится—я дитя: кругомъ меня цвѣты,
Густой зеленый садъ, крикъ птицъ и пчелъ жужжанье;
Я вижу нянины знакомыя черты —

Худая, старая, съ сѣдыми волосами,
Въ чепцѣ, съ чулкомъ въ рукахъ бредетъ она за мной;
То поведетъ вокругъ заботливо глазами,
То соберетъ чулокъ привычною рукой
И спицы выдернетъ, и петли сосчитаетъ,
И снова на ходу работу продолжаетъ.
А я... мнѣ весело, мнѣ жарко, я усталъ!
Усталъ отъ радости, усталъ отъ впечатлѣній,
Отъ бабочекъ, отъ пчелъ, отъ запаха сирени...
Я только что весь садъ дозоромъ обѣжалъ
И на травѣ ложусь... Садится няня рядомъ.
Листва прозрачная трепещетъ надо мной;
Я сквозь нее въ лазурь гляжу прилежнымъ взглядомъ,
Слѣжу съ закинутой на землю головой,
Какъ бѣлыхъ облаковъ плыветъ по небу стая,
Мѣняя образы, сгущаяся и тая.
И вотъ мнѣ видится въ тѣхъ бѣлыхъ облакахъ
Головка дѣвочки, вся въ кудряхъ золотистыхъ,
Улыбка милая, на розовыхъ устахъ...
Мнѣ эта дѣвочка знакома: часто съ нею
Играемъ мы въ саду... бѣжимъ... но я не смѣю
Ее ловить... Она-жъ, вдругъ обратясь ко мнѣ,
Руками быстрыми беретъ меня за плечи
И шепчетъ на ухо ласкательныя рѣчи.
Теперь, въ таинственно волшебномъ полуснѣ
Я вижу въ вышинѣ и кудри золотыя,
И дѣтское лицо, и очи голубыя;

Мечтанья смутныя плывутъ въ умѣ моемъ,
Плывутъ, какъ облаковъ небесныхъ отраженье;
Мнѣ что-то говоритъ на языкѣ чужомъ,
Стараюсь я понять ихъ тайное значенье,
Они зовутъ меня съ собой, куда-то вдаль,
Куда?—Не вѣдаю!—и сердце замираетъ,
И взоръ все дальше въ глубь лазури проникаетъ;
Но скрылись облака, чиста лазурь — и жаль
Мнѣ этихъ облаковъ кудрявыхъ, беззаботныхъ,
И жаль мнѣ этихъ грезъ крылатыхъ, мимолетныхъ!

А пышный садъ молчитъ торжественно кругомъ,
Не свищетъ иволга въ вершинѣ липы темной,
Умолкъ весь Божій міръ, все дремлетъ въ нѣгѣ томной,
И няня старая съ морщинистымъ лицомъ
Сидитъ... насупилась, не вымолвитъ ни слова
И также задремать надъ спицами готова.
Безмолвіе и блескъ, и зной со всѣхъ сторонъ;
Младенческой любви неясные порывы,
Какихъ-то подвиговъ далекіе призывы —
Какой счастливый бредъ, какой волшебный сонъ!
На дальнемъ рубежѣ въ безбрежномъ морѣ свѣта,
Гдѣ дѣтство, потонувъ, исчезнуло изъ глазъ,
Одинъ воскресшій мигъ сверкнулъ лучомъ привѣта,
Сверкнулъ—и съ тихою улыбкою погасъ!

III.

И новое встаетъ передо мной видѣнье:
Я вижу, убранный цвѣтами, пестрый балъ;
Красавицъ юныхъ рой въ лучахъ и отраженьѣ
Безчисленныхъ огней и блещущихъ зеркалъ.
Но я средь нихъ одну лишь вижу, за одною
Слѣжу томительно и взоромъ, и душою...
Въ ней — вся моя любовь, въ ней — всѣ мои мечты!
Года прошли съ тѣхъ поръ, какъ дѣтскія черты
Кудрявой дѣвочки мнѣ врѣзалися въ очи,
Ихъ нѣжной прелестью я бредилъ дни и ночи —
И, вотъ, онѣ опять знакомою красой,
Неотразимыя, сіяютъ предо мной!
Но ужъ не дѣтскій ликъ, безоблачный и ясный,
А образъ женщины, задумчивый, прекрасный
Живитъ въ моей душѣ мучительный недугъ.
Теперь не подбѣжитъ она ко мнѣ, играя;
Лишь взглянетъ... и въ толпѣ, далекая, чужая,
Пройдетъ!.. за нею вслѣдъ сѣдой бредетъ супругъ!..
Но цѣпью тайною мы связаны незримо:
Съ тревогой предо мной она проходитъ мимо;
Ей сердце говоритъ, какъ я смущенъ и радъ,
Когда, хоть издали, ея безмолвный взглядъ,
Невольно обратясь, въ толпѣ меня замѣтитъ,
И остановится, и душу мнѣ освѣтитъ
Сіяньемъ ласковымъ и тихимъ, словно лучъ

Ночного мѣсяца сквозь сумракъ легкихъ тучъ.
Она грустна; въ лицѣ нѣмая тѣнь печали
Стоитъ, какъ облачко среди небесной дали
И не слетаетъ прочь. Напрасно блещетъ залъ
Огнями яркими! Напрасно людный балъ
Волнуется подъ громъ веселья и музыки!
Весь этотъ дальній шумъ движенье, смѣхъ и клики
Смиряются, молчатъ въ той ясной глубинѣ,
Откуда взоръ ея печально свѣтитъ мнѣ.
И не понять толпѣ веселой и безпечной
Нѣмую жалобу тоски ея сердечной:
Лишь я... да старый мужъ, слѣдимъ за ней вдвоемъ;
Мы каждый взоръ ея, мы каждый вздохъ поймемъ.
Они душевныхъ струнъ украдкой въ насъ коснутся—
Какими-жъ стонами тѣ струны отзовутся?—
Богъ вѣсть!—Вѣдь, можетъ быть, равно волнуютъ кровь
И ревность старая, и первая любовь.

IV.

Я вижу тотъ же ликъ, но ужъ не въ блескѣ бала.
Кругомъ безлюдье, мракъ... На утломъ челнокѣ
Подъ синей дымкою ночного покрывала
При свѣтѣ кроткихъ звѣздъ плывемъ мы по рѣкѣ.
Сады задумчиво тѣснятся надъ водами.
Огни по берегу мелькаютъ тамъ и сямъ;
Далеко позади остались за нами

Немолчный громъ ѣзды, и топотъ по мостамъ,
И пестрыя толпы людей, и жизнь столицы
Съ ея томительно-недужной суетой.
Какимъ-то волшебствомъ раскрылась дверь темницы,
И понеслися мы, какъ вольныя двѣ птицы,
Въ порывѣ удали и страсти молодой.
Что насъ заутра ждетъ? Цѣной какого горя
Намъ суждено купить блаженства краткій часъ?
Мы вѣдать не хотимъ... рѣка уноситъ насъ
Въ загадочный просторъ, въ туманъ ночного моря.
Мы жадно слушаемъ, объяты чуткой тьмой,
Какъ струйка быстрыхъ водъ лепечетъ за кормой —
И думается намъ въ полночномъ заблужденьѣ,
Что въ новый, чудный міръ уноситъ насъ теченье,
Поспѣшно позади нашъ заливая слѣдъ,
Что миновали дни томленья и печали,
Что счастіе насъ ждетъ въ просторѣ смутной дали,
И что къ минувшему уже возврата нѣтъ!
А мѣсяцъ между тѣмъ встаетъ надъ взморьемъ соннымъ.
Сверкая, движется безъ волнъ равнина водъ.
Вдали, — одѣтые туманомъ озареннымъ —
Чуть видны берега; все тихо; ночь плыветъ
Прозрачнымъ сумракомъ межъ небомъ и водами;
А мы другъ другу лишь внимаемъ и молчимъ...
Словами блѣдными, ненужными словами
Нѣмую пѣснь любви прервать мы не хотимъ.
Безъ звуковъ пѣснь слышна, безъ словъ она понятна,

Ея ни заглушить нельзя, ни превозмочь;
Рожденная въ душѣ, свободно, безвозвратно,
Она, крылатая, летитъ въ нѣмую ночь;
Скользитъ по глади водъ подъ лунными лучами,
Объемлетъ дальній кругъ туманныхъ береговъ,
Съ земли несется въ высь, дрожитъ подъ небесами
И тонетъ въ голубой отчизнѣ звѣздъ и сновъ!
И беззаботные надъ дремлющею бездной,
Забывъ минувшіе и будущіе дни,
Уединенные въ чертогѣ ночи звѣздной,
Мы дышемъ, мы живемъ, мы царствуемъ одни!

Но, чу!... Какъ бы извнѣ, изъ міра намъ чужого
Какой-то странный шумъ, какой-то мѣрный стукъ,
Какъ поступь злой судьбы средь сумрака ночного,
Нарушивъ тишину, доносится намъ вдругъ.
То веселъ по водѣ тяжелые удары,
То плескъ за нами вслѣдъ стремящейся ладьи—
И умеръ въ дрогнувшихъ сердцахъ напѣвъ любви,
Какъ въ порванныхъ струнахъ смолкаетъ звонъ гитары.
Ладья къ намъ близится... Въ ладьѣ ревнивецъ старый,
Отъ блеска луннаго угрюмо отвратясь,
Недвижнымъ призракомъ стоитъ — и видитъ насъ!
Онъ видитъ — и въ глаза съ враждой непримиримой
Намъ пристально глядитъ, презрителенъ и нѣмъ...
И мы очнулися отъ грезъ... Но мимо, мимо!
Забыть то въ мигъ нельзя, но воскрешать... зачѣмъ?

V.

Я помню краткое, послѣднее свиданье,
Прерывистую рѣчь, недвижный, грустный взоръ;
Въ немъ видѣлось любви прощальное мерцанье,
Развязки роковой покорное признанье,
Безумству краткому конечный приговоръ!
Давно-ль та ночь была? Давно-ль та пѣснь звучала
Побѣдной радостью? — но горечи полно,
Раздумье блѣдное теперь намъ отвѣчало:

Давно!

Ужель всему конецъ? Ужель предъ злою силой, —
Слѣпой—какъ смерти мракъ, случайной—какъ волна—
Должна смириться страсть?—сознанье говорило:

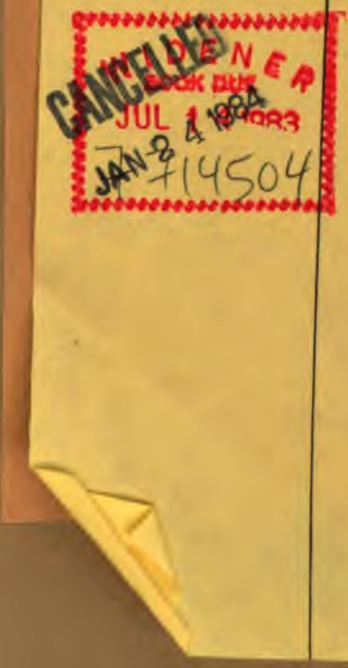
Должна!

И, какъ дитя, упавъ предъ милой на колѣни
Я плакалъ, я молилъ: бѣжимъ въ далекій край!
Но взоръ ея твердилъ на всѣ мольбы и пѣни:

Прощай!

И мы разсталися... И долго, какъ въ пустынѣ
По свѣту, одинокъ, блуждалъ я... Вешній сонъ
Безвременно померкъ, угасъ... Зачѣмъ же нынѣ
Сквозь сумракъ и туманъ мнѣ вновь явился онъ?
Зачѣмъ въ груди моей такъ больно и такъ сладко
Вдругъ сердце сжалося, услышавъ пѣснь любви,
И съ тайнымъ трепетомъ я въ тьмѣ слѣжу украдкой
Неуловимый бѣгъ невидимой ладьи?

ОГЛАВЛЕНІЕ.


WIDENER
BOOK DUE
JUL 1 1983
CANCELLED
JAN 2 4 1984
714504